

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *М. В. Трифоновой*
Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 24.01.24.
Выход в свет 31.01.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 19,8.
Уч.-изд. л. 16,8.
Тираж 500 экз. Заказ 29.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Economic Sciences

Issue 83

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); *Y. A. Bubnov*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); *A. V. Buzgalin*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); *E. I. Golovanova*, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *M. R. Zheltukhina*, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); *R. M. Katchalov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); *A. B. Nevelev*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *R. M. Nizhegorodtsev*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); *S. A. Pitina*, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Popov*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); *E. Demir*, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); *J. Richard*, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); *D. S. Bents*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *O. V. Brizhak*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); *A. V. Gorshkov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *A. Yu. Davankov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *I. P. Dovby*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *A. A. Egorova*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *Yu. Sh. Kapkajev*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *I. I. Kilina*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *N. V. Kim*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *I. D. Kolmakova*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *T. A. Korkina*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *N. N. Milchakova*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); *G. I. Nemchenko*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); *Ye. V. Nikolajeva*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); *M. A. Pestunov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *G. N. Pryakhin*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); *A. A. Salamatov*, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); *V. V. Sedov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *D. A. Sorokin*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *Ye. A. Stepanov*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 24.01.24.
Date of publication 31.01.24.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 19,8.
Ac.-publ. sh. 16,8.
Circulation 500 copies.
Order 29. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

- Плетнёв Д. А.* Цифровизация и производительность труда 5

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Брижак О. В., Хохоева З. В., Чиканова Е. С.* Прикладные возможности теории фиктивного капитала в условиях новой экономической реальности. 8
- Угрюмова А. А., Паутова Л. Е., Гришаева О. Ю.* Научно-методические подходы к оценке потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли 20

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Антонюк В. С., Бенц Д. С.* Крупнейшие городские агломерации Уральского федерального округа: сравнительный анализ 31
- Саламатов А. А., Ужегов А. О.* Формирование эколого-экономической направленности индивида в целях устойчивого развития территорий 44
- Алиева Ж. Р.* Демографические изменения в сельской местности Азербайджана 56

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

- Сазонов С. П., Езангина И. А., Тимофеев П. М.* Слияния и поглощения в корпоративном секторе трубной промышленности России 67
- Патракова С. С., Ускова Т. В.* Перспективы укрепления экономических связей городов и сельских территорий (по результатам опроса сельхозтоваропроизводителей) . . 79
- Даванков А. Ю., Егорова А. А., Нестеров К. Е.* Анализ взаимосвязи факторов внешнеэкономической деятельности предприятий и налоговых поступлений в бюджеты регионов 91
- Казадаев М. С., Буй Н. Х.* Взаимосвязь стратегии российских компаний и их политик в области человеческого капитала 101

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

- Плетнёв Д. А., Левикова Т. В.* Особенности наукометрических результатов российского научного журнала: кейс научного направления «Экономические науки» «Вестника Челябинского государственного университета» 108
- Сорокожердьев В. В., Мазунина М. В., Артюшкова А. Ю.* Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований. . . . 118
- Агеев А. В., Симонов С. В., Кашин С. М., Матчинов В. А., Черпаков И. В.* Возможности использования искусственного интеллекта при принятии управленческих решений в системе корпоративного менеджмента 126
- Бердникова В. Н., Афанасьев А. С.* О допустимых оценщиками погрешностях при определении стоимости недвижимости 134
- Зотиков Н. З.* Амортизационная политика предприятий в оптимизации налогообложения прибыли 142
- Забелина Е. В., Николаева Е. В., Иванова А. А., Валько Д. В.* Социально-экономические предикторы миграционных намерений: систематический анализ 152

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

- Марков Ю. С.* Теоретические подходы к рейтинговой оценке экономической составляющей безопасности устойчивого развития старопромышленных регионов 163

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Pletnev D. A.</i> Digitalization and Labor Productivity	5
--	---

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Brizhak O. V., Khokhueva Z. V., Chikanova E. S.</i> Applied Capabilities of the Theory of Fictive Capital: the Concept of a New Economic Reality	8
---	---

<i>Ugryumova A. A., Pautova L. E., Grishaeva O. Y.</i> Scientific and Methodological Approaches to Assessing the Competitiveness Potential of the Reclamation Industry	20
--	----

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

<i>Antonyuk V. S., Benz D. S.</i> The Largest Urban Agglomerations of the Ural Federal District: Comparative Analysis	31
---	----

<i>Salamatov A. A., Uzhegov A. O.</i> Formation of the Environmental and Economic Orientation of the Individual for the Purpose of Sustainable Development of Territories	44
---	----

<i>Aliyeva Z. R.</i> Demographic Changes in Rural Areas of Azerbaijan	56
---	----

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

<i>Sazonov S. P., Ezangina I. A., Timofeev P. M.</i> Mergers and Acquisitions in the Corporate Sector of the Russian Pipe Industry	67
--	----

<i>Patrakova S. S., Uskova T. V.</i> Prospects for Strengthening Economic Relations Between Cities and Rural Areas (According to the Results of the Survey of Agricultural Producers)	79
---	----

<i>Davankov A. Yu., Egorova A. A., Nesterov K. E.</i> Analysis of the Relationship Between the Factors of Enterprises Foreign Economic Activity and Tax Revenues to Regional Budgets	91
--	----

<i>Kazadayev M. S., Bui N. K.</i> The Relationship Between the Strategy of Russian Companies and Their Policies in the Field of Human Capital	101
---	-----

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Pletnev D. A., Levikova T. V.</i> Features of Scientometric Results of a Russian Scientific Journal: the Case of the Scientific Direction "Economic Sciences" of the Bulletin of Chelyabinsk State University	108
--	-----

<i>Sorokozherdyev V. V., Mazunina M. M., Artyushkova A. Y.</i> The Management Efficiency of the Enterprise: the Problem of Finding Ways to Improve and Evaluate	118
---	-----

<i>Ageev A. V., Simonov S. V., Kashin S. M., Matchinov V. A., Cherpakov I. V.</i> The Possibilities of Using Artificial Intelligence in Decision-Making in the Corporate Management System	126
--	-----

<i>Berdnikova V. N., Afanasyev A. S.</i> About the Permissible Errors of Appraisers in Determining the Value of Real Estate	134
---	-----

<i>Zotikov N. Z.</i> Depreciation Policy of Enterprises in Optimization of Profit Taxation	142
--	-----

<i>Zabelina E. V., Nikolaeva E. V., Ivanova A. A., Valko D. V.</i> Socio-Economic Predictors of Migration Intentions: Systematic Analysis	152
---	-----

A FRESH LOOK

<i>Markov Y. S.</i> Theoretical Approaches to Rating Assessment of the Economic Component of Security of Sustainable Development of Old Industrial Regions	163
--	-----

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 5–7.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(12(482):5-7. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Редакторская статья

УДК 331.445

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-5-7

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: научно-технический прогресс, цифровизация, производительность труда, экономическое развитие

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Цифровизация и производительность труда // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 5–7. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-5-7.

Editorial article

DIGITALIZATION AND LABOR PRODUCTIVITY

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

Keywords: scientific and technological progress, digitalization, labor productivity, economic development

For citation: Pletnev DA. Digitalization and Labor Productivity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):5-7. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-5-7.

Изобретение и внедрение новой технологии имеет своей суперцелью развитие человечества, как бы оно ни трактовалось: покорение космоса, продление жизни, борьба с голодом и многое другое могут расшифровывать и уточнять эту суперцель. Отсутствие консенсуса большей части общества в отношении суперцели и, тем более, отсутствие ее делает внедрение новых технологий бессмысленным и бесполезным для человечества в целом. Это же утверждение верно и для отдельных наций и локальных сообществ. Начало XXI в. уже вошло в историю как эпоха цифровизации — разработки и внедрения новых технологий, основанных на вычислительных возможностях компьютеров. Постепенно цифровыми становится всё больше и больше сфер нашей жизни. Цифровые книги, изображения, видео и звук меняют наши способы создания, обработки, сохранения и получения информации. Цифровые «по-

мощники» берут на себя всё больше рутинных функций дома и на работе, вытесняют человека из производственных и обслуживающих процессов. Цифровые фабрики, цифровая медицина, цифровое образование, цифровая индустрия развлечений... Появление и популяризация генеративного искусственного интеллекта — еще один широкий шаг в сторону цифровизации нашей жизни.

И во многом рутинная жизнь простого человека становится проще — меньше походов «по инстанциям», проще получить нужную информацию, можно не задумываться о некоторых простых вещах, порученных компьютеру. Но вернемся к мысли, с которой началась статья: в чем суперцель цифровизации? «Улучшение качества жизни»? Повышение эффективности производства? Первое может трактоваться столь широко, что им легко обосновываются почти любые изменения. И поэтому же не может использоваться как общая суперцель. Второе интересно лишь

руководителям и владельцам тех производств, эффективность которых растёт.

Другой важный аспект цифровизации жизни — её упрощение, стандартизация и «дегуманизация». Поясню. Мы хорошо знаем, что цифровые фото, видео и звук есть упрощение аналогового, перевод исходной четкости изображений, определяемой на уровне атомов, в ту или иную многоцветную матрицу. Также и любая информационная система или среда требует для своего внедрения упрощения реальных процессов, которые она обслуживает, их упрощенного не только отображения в системе, но и восприятия ее пользователями. «Цифра», становясь посредником во взаимодействии людей, способствует их отчуждению как друг от труда, так и от их труда, и от его результата. Учитель видит электронный дневник, врач — карточку, и всё больше специалистов соглашаются жить и работать по принципу следования правилам, не беря на себя ни малейшей ответственности. А цифровые интеллектуальные технологии помогают в этом: цифровое взаимодействие обезличено, и над работниками довлеет не чувство выполненного долга, их влечет не инстинкт мастерства (по Т. Веблену), а цифра: объем выработки, число «висящих» в АИС задач, число написанных статей или принятых больных. Дальнейшее расширение сферы использования цифровых технологий (в том числе так называемой Big Data) приведет к еще большей атомизации общества и трудовых коллективов, превращению работника в послушного исполнителя. Получается парадоксальная ситуация: в то время как искусственный интеллект и в целом цифровой мир стремятся сделать всё более «человечным», человека в профессиональной сфере стремятся сделать всё больше и больше похожим на робота. Таким образом, противоречий у набравшего ход процесса цифровизации более чем достаточно. «Цифра» — очень мощный инструмент, имеющий потенциал поглотить и заместить собой всё многообразие производственных отношений, превратив сложный реальный мир в подобие компьютерной симуляции, в которой роли работников (используя терминологию игрового мира, NPC) четко определены, их поведение регламентировано, а инициатива не поощряется. Безусловно, из этой тенденции есть приятные исключения, поскольку такие изменения противны свободолюбивой человеческой природе, но они своей непохожестью на других лишь подчеркивают основную тенденцию.

Одной из национальных целей России развития является рост производительности труда, ей же посвящен отдельный национальный проект. Любой экономист знает, что производительность труда определяется соотношением объема выпуска и числа работников. Соответственно, для ее роста следует либо увеличивать выручку, либо сокращать работников. Эта механистическая логика, к сожалению, становится доминирующей, как только в государственных документах стратегического планирования появляется соответствующий целевой показатель. Ни про раскрытие творческого потенциала, ни про проявление лучших человеческих качеств, ни про инициативу и умение решительно действовать в непредвиденных обстоятельствах речи уже не идет. И такая логика очень близка автоматизированным информационным системам. Механизмом принуждения работника к труду, не всегда производительному, становится система электронного документооборота. А любое принуждение рождает отчуждение и приводит к оппортунизму, из-за которого экономические потери гораздо выше. Более того, корпоративным информационным системам чужд дух сотрудничества: задачи передаются, перенаправляются, отклоняются и визируются в обезличенном формате.

За «новыми цифровыми решениями» удобно маскироваться посредственностям, занимающим руководящие должности, но не готовым принимать на себя ответственность в разработке и принятии решений. Талантливый и инициативный руководитель, скорее всего, покинет такую производственную систему, в которой над ним «судьей» выступает бездушный алгоритм. Так приводится в действие механизм неблагоприятного отбора среди работников и руководителей. И опять же, как следствие — снижение эффективности экономики и, уже как следствие, производительности труда.

При всех положительных моментах и следствиях цифровизации (ускорение коммуникации, получение доступа к услугам тех, кто физически удален от их поставщика и т. п.) на сегодняшний день можно зафиксировать опасную тенденцию — цифровизация становится самоцелью развития, его суперцелью для многих групп чиновников и менеджеров. Переведем в автоматический режим — и всё, как по волшебству, наладится, заработает быстрее и продуктивнее. Этот упрощенный подход уже встречается с реальностью и не выдерживает такой проверки. Игнорирование этого факта будет приводить к увеличе-

нию скрытых потерь, незаметных на фоне роста технологической эффективности. И прежде чем переходить к автоматизации, к отказу от человека или человеческого взаимодействия в той или

иной сфере, стоит семь раз отмерить, «под микроскопом» рассмотреть все риски и их учесть при принятии итогового решения.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 8–19.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(12(482):8-19. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.34.01

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-8-19

ПРИКЛАДНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ ФИКТИВНОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ольга Валентиновна Брижак¹, Залина Вячеславовна Хохоева²,
Елена Сергеевна Чиканова³

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, brizhak71@mail.ru, ORCID 0000-0003-3744-0950

² Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, хохоева.zalina@mail.ru, ORCID 0000-0003-4838-4528

³ Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, eshikanova@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1463-7646

Аннотация. После глобального кризиса 2008–2009 гг. в социально-экономической системе утвердилась новая экономическая реальность, одним из признаков которой стало перенакопление сложных проблем, порожденных преобразованиями, для решения которых востребованы возможности фиктивного капитала. Раскрытие таких возможностей предполагает дальнейшее развитие теории фиктивного капитала. В статье исследуются прикладные возможности теории фиктивного капитала, возникающие в специфических условиях новой экономической реальности, которые выражаются в обеспечении потребностей двух процессов: ускоренного перехода к «зеленой» экономике; расширенной генерации интеллектуального капитала. В центре внимания исследования — дополнительные возможности разрешения ключевых проблем новой экономической реальности, связанные с интенсивным развитием теории фиктивного капитала и раскрытием ее дополнительного прикладного потенциала, адекватного условиям новой реальности. Проведенное исследование раскрывает растущие потребности социально-экономической системы, в которой утвердилась новая экономическая реальность, в комплексном разрешении множества взаимосвязанных проблем, обусловленных технологическими сдвигами и общественно-хозяйственными преобразованиями и препятствующими дальнейшему устойчивому и эффективному развитию этой системы. Для комплексного разрешения таких проблем необходимо решить следующие задачи: найти качественно новые ресурсы для ускоренного перехода к «зеленой экономике»; обеспечить расширенную генерацию интеллектуального капитала, ставшего ключевым фактором современного развития. Авторы статьи акцентируют внимание на теорию фиктивного капитала, адаптированную к условиям новой экономической реальности, которая раскрывает прикладные возможности фиктивного капитала как генератора качественно новых ресурсов для ускоренного перехода к «зеленой экономике», как генератора интеллектуального капитала, играющего ключевую роль в разрешении сложных проблем новой экономической реальности. При этом в обоих случаях исходным пунктом такой реализации выступают долговые ценные бумаги, спроектированные и эмитированные на срок, соответствующий продолжительности процессов, потребности которых они обеспечивают.

Ключевые слова: отраженные формы социально-экономических отношений, фиктивный капитал, новая экономическая реальность, проблемы, обусловленные преобразованиями, прикладные возможности, трансформация, облигации, переход к «зеленой экономике», генерация интеллектуального капитала

Для цитирования: Брижак О. В., Хохоева З. В., Чиканова Е. С. Прикладные возможности теории фиктивного капитала в условиях новой экономической реальности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 8–19. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-8-19.

Original article

APPLIED CAPABILITIES OF THE THEORY OF FICTIVE CAPITAL: THE CONCEPT OF A NEW ECONOMIC REALITY

Olga V. Brizhak¹, Zalina V. Khokhueva², Elena S. Chikanova³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, brizhak71@mail.ru, ORCID 0000-0003-3744-0950

² North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, xoxoeva.zalina@mail.ru, ORCID 0000-0003-4838-4528

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, echikanova@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1463-7646

Abstract. After the global crisis of 2008–2009 a new economic reality was established in the socio-economic system, one of the signs of which was the overaccumulation of complex problems generated by transformations, for the solution of which the possibilities of fictitious capital are in demand. The disclosure of such possibilities presupposes further development of the theory of fictitious capital. The article explores the applied possibilities of the theory of fictitious capital, arising in the specific conditions of the new economic reality, associated with meeting the needs of two processes: an accelerated transition to a “green economy”; expanded generation of intellectual capital. The focus of the study is on additional opportunities for solving the key problems of the new economic reality associated with the intensive development of the theory of fictitious capital and the disclosure of its additional applied potential, adequate to the conditions of this reality. The study reveals the growing needs of the socio-economic system, in which a new economic reality has been established, in a comprehensive solution of many interrelated problems caused by technological shifts and socio-economic transformations and hindering the further sustainable and effective development of this system. For a comprehensive solution of such problems, it is necessary to solve the following tasks: to find qualitatively new resources for an accelerated transition to a “green economy”; ensure the expanded generation of intellectual capital, which has become a key factor in modern development. The theory of fictitious capital, adapted to the conditions of the new economic reality, reveals the application possibilities of fictitious capital in relation to the specified tasks, which additionally confirms the validity of the conclusion that a good theory is the most practical. Implementation of the applied possibilities of fictitious capital makes it possible to identify and practically apply qualitatively new resources for an accelerated transition to a “green economy”, as well as to ensure the expanded generation of intellectual capital, which plays a key role in resolving the complex problems of the new economic reality. At the same time, in both cases, the starting point for such a sale is debt securities designed and issued for a period corresponding to the duration of the processes whose needs they provide.

Keywords: reflected forms of socio-economic relations, fictitious capital, new economic reality, problems caused by transformations, applied opportunities, transformation, bonds, transition to a “green economy”, generation of intellectual capital

For citation: Brizhak OV, Khokhueva ZV, Chikanova ES. Applied Capabilities of the Theory of Fictive Capital: the Concept of a New Economic Reality. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):8-19. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-8-19.

Введение

Теория фиктивного капитала, основы которой были заложены в процессе исследования становления и развития капиталистического способа производства [20], обрела свою зрелую форму в ходе исследования высшей стадии этого способа производства, на которой доминирует финансовый капитал [11]. В условиях утверждения новой экономической реальности фиктивный капитал, будучи вовлечен в ключевые процессы современного развития, закономерно оказался в фокусе внимания исследователей и практиков, что обусловило дальнейшее существенное продвижение в области соответствующей теории. Опираясь на фундаментальную идею возникновения

и автономного движения отраженных форм экономических отношений, теория фиктивного капитала на современном этапе ее развития сталкивается со сложными задачами интерпретации условий, процессов, противоречий и эффектов новой экономической реальности, порожденных в ходе осуществления динамичных и глубоких преобразований технологий, объектных и субъектных форм отношений, механизмов, институтов общественно-хозяйственной жизни. Поток качественно новых фактов новой экономической реальности, с одной стороны, вызывает к жизни потребность во внутреннем преобразовании самой теории фиктивного капитала, которая изменяет свою стволую структуру и вместе с тем

обретает дополнительные ветви, ориентированные на вновь возникающие проявления фиктивного капитала, с другой стороны, обуславливает возвышение познавательного потенциала и прикладных возможностей этой научной теории. Последние находятся в фокусе исследования, принятого авторами данной статьи. Фундаментальная идея отражения, на которую опирается теория фиктивного капитала, была сформулирована в древности [24]. Развитие данной идеи в особую теорию фиктивного капитала было осуществлено посредством восхождения от абстрактного представления о данном капитале к конкретному понятию о нем. В таком восхождении необходимо разграничить несколько ступеней, первая из которых представляет собой определение фиктивного капитала как капитала, приносящего проценты и гарантирующего собственнику извлечение фиксированного дохода.

Вторая ступень представляет собой определение фиктивного капитала как элементарной долговой ценной бумаги — векселя, воплощающего в себе следующее противоречие: с одной стороны, перед нами свидетельство, в котором зафиксированы основные моменты долговой сделки; с другой стороны, такое свидетельство способно вступить в самостоятельное рыночное движение, в котором оно получает оценки участников рынка, покупается и продается. При этом оно собственной стоимостью не наделено, а его оценка происходит лишь потому, что обладание им дает возможность получить реальную сумму долга с процентами. При потере такой возможности или существенном сомнении в ней участников рынка, на котором обращается такое свидетельство, его оценка устремляется к нулю. Особо отметим, что вексель представляет собой одну из простейших форм отраженных отношений, складывающихся в социально-экономической системе и проложивших дорогу к современной виртуальной экономике.

Третья ступень представляет собой определение фиктивного капитала как многообразия последовательно усложняющихся свидетельств о сделках с реальными ценными объектами, другими словами, отраженных форм социально-экономических отношений, способных участвовать в самостоятельном рыночном движении, в котором складывается долговая линия особого «мира» ценных бумаг. Благодаря тому, что с этими свидетельствами работают банки и другие финансовые организации, происходит интенсивное взаимодействие денег и ценных бумаг, посредством

которого они комбинируются и переплетаются друг с другом, что приводит как к возникновению дополнительных возможностей, так и к образованию высоких рисков для системы [17]. Хорошо известно, что триггером мирового кризиса 2008–2009 гг., проложившего дорогу к новой экономической реальности, стало перенасыщение рынка ипотечными бумагами, представляющими собой высокоразвитую производную форму свидетельств о фиксации, страховании и гарантировании многолетних обязательств приобретателей объектов недвижимости. В результате такого перенасыщения произошло обострение противоречия процесса комбинирования и переплетения денег и ценных бумаг [13; 34]:

- с одной стороны, этот процесс открывает новые возможности развития социально-экономической системы, поскольку расширяет ее ресурсную базу;

- с другой стороны, он вынуждает обеспечивать растущее предложение ценных бумаг ростом денежного спроса на них, то есть создает необходимость весьма сложного равновесного регулирования развития финансового рынка и монетарного регулирования, что становится важнейшей задачей национальных финансовых регуляторов [4; 6].

Четвертая ступень представляет собой определение фиктивного капитала как противостоящей долговой линии развития ценных бумаг и в то же время тесно связанной с ней титульной линии их развития. Благодаря титульным ценным бумагам осуществляется внутреннее преобразование, обобществление капитала, причем в рамках соответствующего способа производства. Это происходит с помощью учреждения акционерных обществ. В них прежний сугубо частный капитал становится общественным, акционерным капиталом, что означает создание материальных предпосылок следующего, ассоциированного способа производства [20].

Пятая ступень представляет собой определение фиктивного капитала как стороны внутреннего противоречия акционерного капитала. Ему, предметно воплощенному в долговых или ценных бумагах, противостоит капитал, воплощенный в действующих и создающих полезные продукты средствах производства, используемых для этого компетенциях, входящих в состав рабочей силы. Специфика данного противоречия заключается в том, что фиктивный капитал представляет собой отраженную, обособившуюся и движущуюся по своим законам форму дей-

ствительного капитала. Ценные бумаги оцениваются рынком и включаются в его оборот в силу того, что они представляют собой свидетельства о наличии и продуктивном функционировании действительного капитала, который обладает стоимостью и генерирует ее.

Шестая ступень конкретно раскрывает указанное выше противоречие. Действительный капитал представлен как эффективная комбинация средств производства, рабочих сил и организационных механизмов процесса производства в его акционерной форме. Фиктивный капитал представлен в виде оценок — котировок ценных бумаг, воплощающих в себе ожидания будущих доходов, прогнозов игроков рынка, их рисков. Поэтому его обладатели — суть игроки, которые формируют свои доходные ожидания и делают ставки на определенные комбинации ценных бумаг. Именно их ставки обеспечивают инвестирование развития фиктивного капитала, что в дальнейшем в какой-то мере приводит к вложению средств в развитие действительного капитала.

Эти шесть ступеней восхождения к конкретному понятию фиктивного капитала прокладывают дорогу к исследованию прикладных возможностей теории фиктивного капитала, возникающих в условиях новой экономической реальности как специфического качественного состояния в движении системы капиталистического способа производства.

Актуализация диалектического метода исследования фиктивного капитала на современном этапе

Исследование прикладных возможностей теории фиктивного капитала, возникающих в условиях новой экономической реальности, проведено в русле диалектического метода, что обусловлено формированием концептуальных оснований данной теории в процессе диалектического исследования капиталистического способа производства. Дальнейшая разработка прикладных возможностей этой теории также предполагает реализацию познавательного потенциала диалектического метода [19; 20].

Условия новой экономической реальности формировались в современной общественно-хозяйственной жизни на протяжении последних двух десятилетий, при этом порогом меры в данном отношении послужил мировой кризис 2008–2009 гг., поскольку именно он обозначил критически важные рубежи в движении глобальной социально-экономической системы, длительная

трансформация которой, опиравшаяся на достижения, полученные благодаря глубоким технологическим сдвигам, привела к внутренней дестабилизации этой системы и накоплению в ее среде множества тесно связанных друг с другом сложных проблем, не обеспеченных адекватными и своевременными решениями. При этом указанные проблемы представляют собой противоречия, для раскрытия и практического разрешения которых востребованы возможности диалектического метода [30].

Фактические данные, свидетельствующие о переломе многих прежних трендов в движении фиктивного капитала, формируют основу информационной базы исследования прикладных возможностей теории фиктивного капитала, возникающих в условиях новой экономической реальности. В фокусе исследования — данные о возможностях фиктивного капитала в решении двух ключевых задач новой экономической реальности: перехода к «зеленой экономике»; расширенной генерации интеллектуального капитала.

Результаты и обсуждение

Под новой экономической реальностью понимается специфическое качественное состояние в движении системы капиталистического способа производства, для которого характерны следующие признаки: избыточное накопление множества различных проблем, порожденных интенсивной трансформацией указанной системы; резкое усиление поляризации на всех уровнях организации социально-экономических отношений; блокировка дальнейших преобразований и торможение эволюционного процесса; перелом тренда к глобальной интеграции, переход к доминированию процессов обособления в общественно-хозяйственном пространстве. Речь идет об особой фазе в развитии системы капиталистического способа производства, возможность которой предполагал в свое время В. Вернадский [10]. Миссия такой фазы — подготовка условий для дальнейших преобразований, преодоление барьеров на пути развития системы капиталистического способа производства, обретение ей нового качества своего роста, то есть выход на новый уровень ее обобществления [9].

Комплекс проблем новой экономической реальности обуславливает потребность в создании адекватных средств их разрешения, что, в свою очередь, формирует соответствующий запрос на обоснование и практическую разработку этих средств. Такой запрос адресован и теории

фиктивного капитала, призванной предложить общественно-хозяйственной практике ряд инструментов, ориентированных на решение ключевых задач новой экономической реальности. Следует отметить, что для современной хозяйственной жизни характерно стремительное разветвление самого феномена фиктивного капитала, то есть возникновение новых направлений его развития [1; 2]. В данной статье мы сфокусируем внимание на ряде ветвей фиктивного капитала и соответствующих таким ветвям направлениях развития теории данного капитала, имеющих приоритетное значение для перехода к «зеленой экономике» и расширенной генерации интеллектуального капитала, имеющего ключевое значение для решения проблем новой экономической реальности [3; 15].

Новые ветви фиктивного капитала объединяет опора на широкую базу знаний, которая представляет собой результат развития множества направлений теоретических и прикладных исследований. В условиях новой экономической реальности для развития фиктивного капитала востребованы новые знания, извлеченные на передовых направлениях научных исследований. Для экономической науки такими направлениями являются теория технологических укладов, теория социально-экономических трансформаций, теория виртуальных отношений и др. [32].

Вместе с тем новая экономическая реальность создает специфические барьеры развития фиктивного капитала, которые только начинают разрабатываться экономической наукой. Их правомерно квалифицировать как социально-экономические отношения, затрудняющие указанный процесс и способствующие разрастанию его издержек. Выделим среди таких барьеров:

– выдвигание коммерческих научных идей, воплощающихся в псевдоинновациях в сфере движения фиктивного капитала. Такие идеи вынуждают бесполезно затрачивать материальные ресурсы и резко снижают доверие к проектам и программам развития, которые опираются на такие идеи [6; 29];

– усиление отчуждения между фиктивным и действительным капиталами социально-экономической системы, формирование между ними разрывов, препятствующих взаимодействию. Когда отраженная форма разрывает связи со своим реальным социально-экономическим содержанием, она становится средством дестабилизации и разрушения системы, в которой она существует [7; 28];

– безграничное наращивание долгов на всех уровнях организации социально-экономических отношений, способствующее бесконтрольному увеличению «навеса» фиктивного капитала над системой данных отношений и формированию избыточно высоких его оценок [5; 26];

– резкое возрастание концентрации богатства в руках тонкого верхнего слоя населения в странах, где фиктивный капитал достиг наиболее высокого уровня развития. Вследствие этого средний класс, ранее широко вовлеченный в инвестиционный процесс, последовательно отчуждается от генерации и движения фиктивного капитала и, соответственно, от использования его доходных возможностей. В отечественных условиях подрыв ресурсной базы развития фиктивного капитала дополнительно усиливается коррупцией и масштабным оттоком финансового капитала за рубеж [9; 16];

– доминирование на финансовых рынках потоков спекулятивного капитала, нацеленных на быстрое извлечение доходов и в то же время обеспечивающих подрыв ресурсной базы стратегически ориентированных процессов в социально-экономических системах. В таких условиях рост становится неустойчивым, долгосрочные проекты тормозятся, модернизация социально-экономических систем проходит недостаточно эффективно [21].

Преобразуя концептуальные положения теории фиктивного капитала применительно к условиям новой экономической реальности, сформулируем вывод о том, что снижение и преодоление указанных выше барьеров развития фиктивного капитала предполагает расширенное участие в данном процессе интеллектуального капитала. Главным аргументом в пользу такого вывода является способность интеллектуального капитала генерировать новые уникальные идеи, технологии, механизмы, институты, проектные и программные решения, обеспечивающие высокую продуктивность генерации, обращения и доходной реализации качественно новых ветвей фиктивного капитала, востребованных в условиях новой экономической реальности.

Интеллектуальный капитал востребован и для генерации новых уникальных идей для решения иных проблем новой экономической реальности, в том числе проблемы глубокого преобразования способа взаимодействия общества и природы. Острая необходимость отказа от модели природопользования и перехода к «зеленой экономике», опирающейся на принцип полноценной

репродукции природных ресурсов, может быть удовлетворена только при условии привлечения возможностей интеллектуального капитала, в настоящее время недостаточно генерируемого, слабо востребованного в условиях бюрократизации управления и проведения консервативной социально-экономической политики, а также в значительных масштабах уходящего за пределы российской социально-экономической системы [31].

Уже во второй половине XX в. интеллектуальный капитал стал превращаться в определяющий фактор развития социально-экономических систем [18]. Значимость данного капитала существенно возрастает в условиях, когда общество столкнулось с негативными эффектами «чрезмерной озабоченности финансами и терпимого отношения к долгам» [1]. Очевидно, что преодоление этих эффектов предполагает проведение глубоких преобразований в финансовой подсистеме на основе использования уникальных идей, технологических решений, организационных механизмов и институтов, созданных интеллектуальным капиталом.

С другой стороны, можно предположить, что расширенная репродукция интеллектуального капитала, необходимого для осуществления назревших изменений в социально-экономической системе, предполагает использование тех дополнительных возможностей фиктивного капитала, которые возникают в условиях новой экономической реальности и раскрываются в процессе соответствующего развития теории фиктивного капитала. Для обоснования данного предположения востребованы соответствующие аргументы, которые будут приведены далее.

Генерация интеллектуального капитала до того, как он стал определяющим фактором решения ключевых проблем новой экономической реальности, обеспечивалась в основном за счет средств домохозяйств и личных ресурсов людей, наделенных необходимыми предпосылками формирования данного капитала. Очевидно, что в изменившихся условиях предстоит преодолеть прежние узкие границы ресурсного обеспечения генерации интеллектуального капитала. Эффективное разрешение комплекса проблем новой экономической реальности предполагает опору на широкую ресурсную базу генерации интеллектуального капитала, которая пока отсутствует [7; 25]. Для ее создания востребованы те новые возможности фиктивного капитала, которые раскрывает теория данного капитала, разрабатывая те фактические данные, которые предоставляет

ей новая экономическая реальность. Особо отметим, что при этом необходимо принимать во внимание опорное отношение российской социально-экономической системы — власть—собственность [17; 23], что порождает следующее противоречие:

— с одной стороны, подчинение собственности власти и ее слабая позиция в социально-экономической системе обеспечивают как минимум затруднительные условия для формирования, движения и доходной реализации интеллектуального капитала, поскольку он является достоянием того, кто его сформировал и применяет, имеет субъектный характер, то есть не отчуждается от личности, а применяется как творческая сила, неотъемлемая от самого человека. По существу, это уникальные способности личности, которые капитализированы в субъектной форме;

— с другой стороны, олицетворяющее власть—собственность мощное государство выступает организующей силой всей социально-экономической системы и наделено соответствующими возможностями поддержки процессов формирования, движения и доходной реализации интеллектуального капитала. Оно может выделить и привлечь со стороны огромные ресурсы, сориентировав их на задачи расширенной репродукции интеллектуального капитала [14].

Эффективное разрешение указанного противоречия предполагает, в частности, разработку и применение механизмов расширенной репродукции интеллектуального капитала с привлечением возможностей фиктивного капитала, возникающих в условиях новой экономической реальности. Раскроем эти возможности применительно к основным уровням расширенной репродукции интеллектуального капитала.

Исходный уровень данного процесса — это выявление предпосылок интеллектуального капитала (предпосылок развития уникальных способностей) у детей младшего возраста и запуск процесса его формирования. Он локализован в домохозяйствах, средства которых зачастую недостаточны для обеспечения его потребностей. Затяжное снижение реальных доходов российских домохозяйств, происходящее в условиях внешних ограничений в адрес национальной социально-экономической системы, дополнительно актуализирует необходимость предоставления данному уровню регулярной поддержки государства и гражданского общества [27].

Центральный уровень расширенной репродукции интеллектуального капитала — это

формирование общих основ, платформы для последующего конкретного развития уникальных способностей. Он локализован в общеобразовательной школе, где системные шоки, характерные для новой экономической реальности, обусловили формализацию и потерю содержательности образовательного процесса, отделили его от достижений научного процесса, а также усилили неадекватность финансирования основным вызовам развития. В научной литературе отмечают практическую неприспособленность школы к задачам репродукции интеллектуального капитала [12]. Соответственно, применительно к этому уровню востребованы модернизация и диверсификация механизмов среднего образования и переход к модели его финансирования, отвечающей задачам создания платформы для последующего конкретного развития уникальных способностей детей и подростков.

Завершающий уровень расширенной репродукции интеллектуального капитала обеспечивает оформление интеллектуального капитала во всей его конкретности, в соответствии с профилем, которому соответствуют уникальные способности человека. Он локализован в сфере профессионального образования, где талантливые люди формируют у себя высокоразвитые, особо сложные компетенции, востребованные рынком, государством и структурами гражданского общества [8]. Здесь востребованы комбинирование и переплетение образовательного и научного процессов, механизмы финансовой поддержки и инвестирования процесса формирования профилей интеллектуального капитала, обеспечение органичного соединения репродукции интеллектуального капитала и воспроизводства потенциала здоровья людей, которые участвуют в такой репродукции.

Пройдя все основные уровни расширенной репродукции интеллектуального капитала, обладатели его предпосылок могут обрести высокоразвитые, практически уникальные компетенции, что даст им возможность преодолеть стандартные рамки купли-продажи своих созидательных способностей, представленных в форме рабочей силы. Обладая уникальными компетенциями, они переходят на более высокий уровень развития, которому соответствуют партнерские отношения с обладателями иных видов капитала и участие в прибыли, а не заработная плата. Естественно, основаниями для участия обладателя интеллектуального капитала в высокодоходной капитальной комбинации, возникающей

на основе партнерских отношений с обладателями иных видов капитала, могут стать самобытная идея этой комбинации; прорывные технологические и организационные решения [34]; финансовые, институциональные и иные инновации.

Опираясь на представления о сущности и уровнях расширенной репродукции интеллектуального капитала, а также на приведенные ранее ключевые положения теории фиктивного капитала, определим прикладные возможности этого капитала, которые востребованы для указанной репродукции в условиях новой экономической реальности.

Прежде всего очертим круг таких возможностей. Представляется, что теория фиктивного капитала может предложить применительно к задачам расширенной репродукции интеллектуального капитала в условиях новой экономической реальности принцип формирования вариативных комбинаций прикладных возможностей фиктивного капитала. При этом для таких комбинаций востребованы следующие прикладные возможности:

- гранты для развития детей, наделенных значимыми предпосылками формирования интеллектуального капитала, выделяемые государством, субъектами частного бизнеса и структурами гражданского общества. Представляется, что такие гранты целесообразно использовать в основном на исходном и центральном уровнях расширенной репродукции интеллектуального капитала;

- стратегически ориентированные, долгосрочные займы на цели расширенной репродукции интеллектуального капитала, предоставляемые участникам данного процесса. Указанные займы в основном адресованы завершающему уровню расширенной репродукции интеллектуального капитала;

- титульные ценные бумаги, представляющие на рынке интеллектуальный капитал. Данная прикладная возможность фиктивного капитала адресована тем лицам, которые успешно завершили формирование своего интеллектуального капитала и заинтересованы использовать его как инструмент для собственного участия в инвестиционном процессе.

Последняя из указанных выше прикладных возможностей, вероятно, вызовет наибольшие проблемы при реализации и с трудом будет воспринята финансовым рынком, поскольку она практически выпадает из существующей институциональной организации социально-экономи-

ческой системы России. Для встраивания ее в эту систему потребуются следующие шаги:

– институциональное упорядочивание интеллектуального капитала и прежде всего его четкое определение в правовом поле как специфически субъектного капитала [22];

– экономическая оценка его действительной стороны, представленной комплексом уникальных компетенций;

– разработка процедур выпуска, регистрации, хранения, обращения и доходной реализации титульных ценных бумаг, соответствующих фиктивной стороне интеллектуального капитала; отметим, что субъектами-инициаторами эмиссии указанных бумаг могут быть лишь обладатели интеллектуального капитала или их союзы;

– организация специального сектора финансового рынка, на котором будет осуществляться оборот указанных ценных бумаг.

Финансовый рынок наиболее подготовлен к такому инструменту расширенной репродукции интеллектуального капитала, как стратегически ориентированные займы на цели указанной репродукции. С учетом специфики интеллектуального капитала предложим принципы предоставления таких займов:

– эмиссия и обращение облигаций, средства от реализации которых предназначены на цели расширенной репродукции интеллектуального капитала;

– с учетом того, что расширенная репродукция интеллектуального капитала обременена высокими рисками и охватывает период времени более десятилетия, такие облигации нуждаются в предоставлении государственных гарантий, для чего целесообразно использовать средства национальных резервов;

– источниками процентных доходов и средств на погашение облигаций призваны служить выплаты из доходов тех обладателей интеллектуального капитала, которые использовали средства облигационных займов для формирования этого капитала [13].

Опыт, накопленный рядом стран современного мира в области реализации прикладных возможностей теории фиктивного капитала применительно к разрешению проблем становления «зеленой экономики» и энергетического перехода, правомерно осмыслить под углом зрения реализации указанных возможностей для расширенной генерации интеллектуального капитала как ключевого фактора новой экономической реальности [33]. Осмысление данного опыта в части

эмиссии и обращения «зеленых облигаций» позволяет предложить следующую логическую последовательность практических шагов по подготовке эмиссии и обращения облигаций, средства от реализации которых предназначены на цели расширенной репродукции интеллектуального капитала (рис. 1).

Выводы

Резюмируя приведенные в данной статье положения и частные результаты исследования, сформулируем ее выводы. В условиях новой экономической реальности возрастает актуальность исследования прикладных возможностей фиктивного капитала, что обуславливает потребность в переосмыслении сложившихся в данной области научных представлений и кристаллизации прочного концептуального ядра данной теории. Новая экономическая реальность нуждается в качественно новых и высокопродуктивных решениях в области инвестиционного обеспечения процессов, направленных на разрешение совокупности сложных и острых проблем данной реальности.

Комбинирование и переплетение возможностей интеллектуального капитала и фиктивного капитала в условиях новой экономической реальности может внести существенный вклад в эффективное разрешение сложных проблем, которые были накоплены в ходе преобразований и не обеспечены адекватными решениями.

Простейшей и наиболее доступной прикладной возможностью, предоставляемой теорией фиктивного капитала для обеспечения быстро растущих потребностей репродукции интеллектуального капитала, является предоставление льготных долгосрочных займов. Для реализации данной прикладной возможности востребовано преобразование механизма эмиссии и обращения долговых ценных бумаг на цели расширенной репродукции интеллектуального капитала. Среди них: разработка процедур выпуска, регистрации, хранения, обращения и доходной реализации титульных ценных бумаг, соответствующих фиктивной стороне интеллектуального капитала; организация специального сектора финансового рынка, на котором будет осуществляться оборот данных ценных бумаг, гранты для развития талантливых детей и т. д. Расширение инвестирования репродукции интеллектуального капитала российской социально-экономической системы даст возможность обеспечить прорыв в ее развитии, который жизненно необходим в условиях

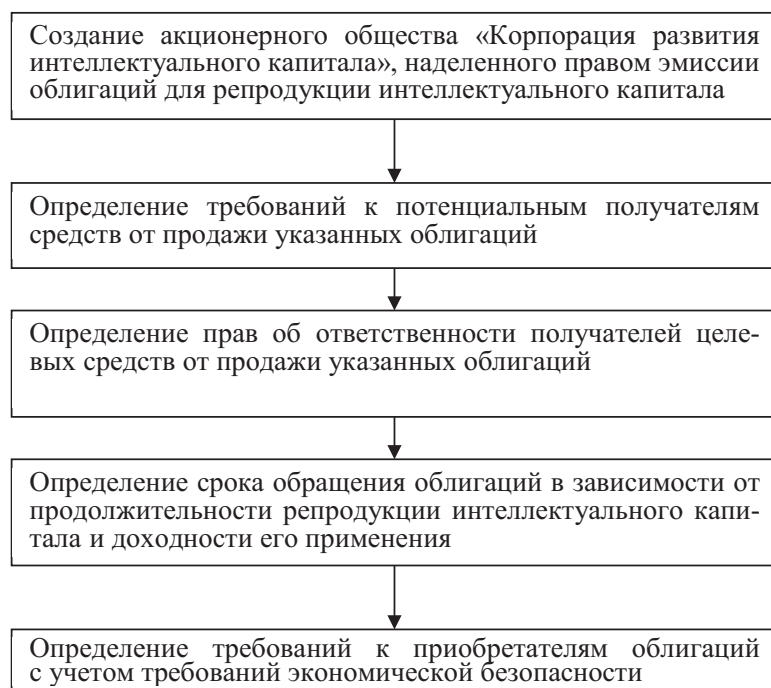

Рис. 1. Логическая последовательность практических шагов по подготовке эмиссии и обращения облигаций, средства от реализации которых предназначены на цели расширенной репродукции интеллектуального капитала

Fig. 1. The logical sequence of practical steps to prepare the issue and circulation of bonds, the proceeds from the sale of which are intended for the purpose of expanded reproduction of intellectual capital

Источник: составлено авторами

новой экономической реальности. Вместе с тем не следует переоценивать указанные прикладные возможности теории фиктивного капитала, видя в них очередную панацею от всех проблем развития российской социально-экономической системы.

Осмысление опыта, накопленного в области реализации прикладных возможностей теории фиктивного капитала применительно к разре-

нию проблем становления «зеленой экономики» и энергетического перехода, позволяет сформировать логическую последовательность практических шагов по подготовке эмиссии и обращения «зеленых облигаций», средства от реализации которых предназначены для расширенной репродукции интеллектуального капитала как ключевого фактора новой экономической реальности.

Список источников

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2006.
2. Бернштейн П. Фундаментальные идеи финансового мира: Эволюция. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009.
3. Бодрунов С. Д. Российская экономическая система: будущее современного высокотехнологичного производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2 (40). С. 5–16.
4. Брижак О. В., Хохоева З. В. Концепция фиктивного капитала: развитие в условиях новой реальности // Экономическая наука современной России. 2022. Т. 4, № 99. С. 7–17. doi: 10.33293/1609-1442-2022-4(99)-7-17.
5. Брижак О. В., Чиканова Е. С. Феномен задолженности перед будущими поколениями в контексте новой экономической реальности // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 97–109. doi:10.52210/0130-9757_2023_1_97
6. Брижак О. В. Финансовый капитал в новом витке реформирования экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 54–61. doi: 10.47475/1994-2796-2021-10306.

7. Брижак О. В. Институциональные ловушки развития креативного потенциала корпорации // Экономическая наука современной России. 2021. № 3 (94). С. 87–96. doi: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-87-96.
8. Бузгалин А. В. Творческий человек в экономике будущего // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 48–57. doi: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-48-57.
9. Брижак О. В. Экономика деформаций: специфика российского бизнеса // Философия хозяйства. 2014. № 1 (91). С. 167–176.
10. Вернадский В. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989.
11. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М. : Наука, 1959.
12. Галочкин В. Современное состояние образования в РФ и пути его улучшения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1. С. 116–125. doi: 10.24412/2500-1000-2022-1-1-116-121.
13. Глазьев С. Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. № 1. С. 37–45.
14. Губанов С. Державный прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция. М. : Книжный мир, 2012.
15. Данилин А. Прорыв в гениальность. М. : Вершина, 2008.
16. Клейнер Г. От экономики «физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 13–24. doi: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74.
17. Колганов А. И. К критике концепции «власти-собственности» // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 79–95. doi: 10.32609/0042-8736-2017-7-79-95.
18. Львов Д. Экономика развития. М. : Экзамен, 2002.
19. Мамедов О. Экономика инклюзивной цивилизации // TERRA ECONOMICUS. 2017. № 3. С. 6–18. doi: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18.
20. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 25, Ч. II. М. : Политиздат, 1969.
21. Миркин Я. Развивающиеся рынки и Россия в структуре глобальных финансов: финансовое будущее, многолетние тренды. М. : Магистр, 2015.
22. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. дом ВШЭ, 2010.
23. Нуреев Р. Периферия мирового хозяйства // TERRA ECONOMICUS. 2014. № 1. С. 123–149.
24. Платон. Государство. Собрание сочинений. М. : Мысль, 1992.
25. Плетнев Д. А. [Ре]форма и содержание высшего экономического образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 7–10.
26. Рязанов В. (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М. : Экономика, 2016.
27. Рязанов В. Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансовократия или новая технологическая революция? Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. М. : Культурная революция, 2017.
28. Хохоева З. В. Фиктивный и действительный капитал: противоречия и взаимосвязь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 2 (58). С. 214–222. doi: 10.26456/2219-1453/2022.2.214-222.
29. Хубиев К. А., Теняков И. М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономии. 2022. № 2. С. 22–39. doi:10.5281/zenodo.6881149
30. Brizhak O. V., Chikanova E. S. From previous economic order to new economic reality // Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security. Conference proceedings. Serp. «Lecture Notes in Networks and Systems» Switzerland, 2022. С. 347–353. doi: 10.1007/978-3-030-93155-1_39
31. Bennetts M. Russias brain drain soars as scientists fly ‘spy mania’ // The Times. 2021. 22.04.
32. Jacobs M., Mazzucato M. Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth. L. : Wiley-Blackwell, 2016.
33. Jinga P. The Increasing Importance of Environmental, Social and Governance (ESG) Investing in Combating Climate Change // Environmental Management. 2021. 11.11.
34. Krugman P. On Economic Arrogance // The New York Times. 2017. 20.02. С. 2–3.

References

1. Arrighi J. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Sources of Our Time. Moscow, Publishing House "Territory of the Future"; 2006. (In Russ.).
2. Bernstein P. Fundamental ideas of the financial world: Evolution. Moscow, Al-pina Business Books; 2009. (In Russ.).
3. Bodrunov SD. Russian economic system: the future of modern high-tech production. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii = Economic revival of Russia*. 2014;2(40):5-16 (In Russ.).
4. Brizhak OV, Khokhueva ZV. The concept of fictitious growth: development in a new reality. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economic Science of Modern Russia*. 2022;4(99):7-17. DOI:10.33293/1609-1442-2022-4(99)-7-17 (In Russ.).
5. Brizhak OV, Chikanova ES. The phenomenon is protected before future generations in the professional terms of economic reality. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2023;(1):97-109. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_1_97 (in Russ.).
6. Brizhak OV. Financial capital in a new round of reformatting economic development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(3(449):54-61. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10306 (In Russ.).
7. Brizhak OV. Institutional traps in the development of the creative potential of a corporation. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economic Science of Modern Russia*. 2021;(3(94):87-96. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-87-96 (In Russ.).
8. Buzgalin AV. Creative person in the economy of the future. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii = Economic revival of Russia*. 2022;1(71):48-57. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-48-57 (In Russ.).
9. Brizhak OV. Economics of Deformations: Specifics of Russian Business. *Filosofiya khozyaystva = Philosophy of Economics*. 2014;1(91):167-176. (In Russ.).
10. Vernadsky V. Biosphere and noosphere. Moscow, Nauka; 1989. (In Russ.).
11. Gil'ferding R. Finansovyy kapital. Moscow, Nauka; 1959. (In Russ.).
12. Galochkin V. The current state of education in the Russian Federation and ways to improve it. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(1):116-125. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-1-1-116-121. (In Russ.).
13. Glaziev S. Formation of a new institutional system in the context of a change in the dominant technological structures. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2015;(1):37-45. (In Russ.).
14. Gubanov S. State breakthrough. Neo-industrialization of Russia and vertical integration. Moscow, Book World; 2012. (In Russ.).
15. Danilin A. A breakthrough in genius. Moscow, Vershina; 2008. (In Russ.).
16. Kleiner G. From the economy of "individuals" to the system economy. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2017;(8):13-24. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74. (In Russ.).
17. Kolganov A.I. To the criticism of the concept of "power-property". *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2017;(7):79-95. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-79-95 (In Russ.).
18. Lvov D. Development economics. Moscow, Exam; 2002. (In Russ.).
19. Mamedov O. Economics of an inclusive civilization. *Terra Economicus*. 2017; (3):6-18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18 (In Russ.).
20. Marx K. Capital. Vol. 3. In: Marx K, Engels F. Sochineniya, 2nd ed. 25, Part II. Moscow, Politizdat; 1969. (In Russ.).
21. Mirkin I. Emerging markets and Russia in the structure of global finance: financial future, long-term trends. Moscow, Master; 2015. (In Russ.).
22. North D. Understanding the process of economic change. Moscow; 2010. (In Russ.).
23. Nureev R. Periphery of the world economy. *Terra Economicus*. 2014;(1):123-149. (In Russ.).
24. Platon. *State*. Collected Works. Moscow; 1992. (In Russ.).
25. Pletnev DA. [Re]form and content of higher economic education. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):7-10. (In Russ.).
26. Ryazanov V. (Not)real capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia. Moscow; 2016. (In Russ.).

27. Ryazanov V. Galbraith's theory of neo-industrial society: global financial society or a new technological revolution? Galbraith: The Return / Ed. S. D. Bodrunov. Moscow; 2017. (In Russ.).

28. Khokhueva ZV. Fictitious and real capital: contradictions and interrelation. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye = Bulletin of the Tver State University. Series: Economics and Management*. 2022;2(58):214-222. DOI: 10.26456/2219-1453/2022.2.214-222 (In Russ.).

29. Khubiev KA, Tenyakov IM. The broken vector of development of the Russian economy. *Questions of political economy*. 2022;(2):22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149 (In Russ.).

30. Brizhak OV, Chikanova ES. From previous economic order to new economic reality. In: Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security. Conference proceedings. "Lecture Notes in Networks and Systems". Switzerland; 2022. Pp. 347–353. DOI: 10.1007/978-3-030-93155-1_39.

31. Bennetts M. Russias brain drain soars as scientists fly 'spy mania'. *The Times*. 22.04.2021.

32. Jacobs M., Mazzucato M. Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth. L.: Wiley-Blackwell; 2016.

33. Jinga P. The Increasing Importance of Environmental, Social and Governance (ESG) Investing in Combating Climate Change. In: Environmental Management. 11.11., 2021.

34. Krugman P. On Economic Arrogance. *The New York Times*. 2017. 20.02. 2–3.

Информация об авторах

О. В. Брижак — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической теории.

З. В. Хохоева — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита.

Е. С. Чиканова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, докторант Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ.

Information about the authors

O. V. Brizhak — Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory.

Z. V. Khokhueva — Doctor of Economics, Professor of the Department of Finance and Credit.

E. V. Chikanova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Accounting and Audit, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, doctoral student of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-20-30

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ПОТЕНЦИАЛА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МЕЛИОРАТИВНОЙ ОТРАСЛИ

Александра Анатольевна Угрюмова¹, Людмила Евгеньевна Паутова²,
Олеся Юрьевна Гришаева^{3✉}

¹Всероссийский научно-исследовательский институт «Радуга», Коломна, Россия, feminaa@mail.ru,
ORCID 0000-0002-4549-0117

²Всероссийский научно-исследовательский институт «Радуга», Коломна, Россия, cosidanie35@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-8879-0585

³Всероссийский научно-исследовательский институт «Радуга», Коломна, Россия, zelen_go@mail.ru,
ORCID 0000-0002-7116-7954

Аннотация. Предметом исследования стали научно-методические подходы, методы и методики оценки отраслевой конкурентоспособности. При проведении исследования были применены теоретический и логический методы, метод системного анализа, метод обобщения результатов исследования. Результаты исследования: систематизированы научно-методические подходы к оценке конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ; выявлены преимущества и недостатки подходов, методов и методик оценки отраслевой конкурентоспособности в отечественных и зарубежных исследованиях; определены особенности мелиоративной отрасли для оценки ее конкурентоспособности; проведен анализ применимости методик оценки отраслевой конкурентоспособности для мелиоративной отрасли АПК РФ. Научная значимость результатов исследования: определены научно-методические подходы для оценки конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ, позволяющие разработать методику оценки потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли на основе расчета групповых индикаторов. Практическая значимость результатов исследования: обоснована необходимость разработки оригинальной методики по оценке потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли, позволяющей сопоставлять эффективность функционирования мелиоративной отрасли по регионам Российской Федерации и оценивать перспективы развития мелиорации.

Ключевые слова: научно-методические подходы, методы, методики, оценка конкурентоспособности, отраслевая конкурентоспособность, мелиоративная отрасль, потенциал конкурентоспособности

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минсельхоза России в рамках Государственного задания ФГБНУ ВНИИ «Радуга» на 2023 г. № 08-00079-23-01.

Для цитирования: Угрюмова А. А., Паутова Л. Е., Гришаева О. Ю. Научно-методические подходы к оценке потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 20–30. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-20-30.

Original article

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE COMPETITIVENESS POTENTIAL OF THE RECLAMATION INDUSTRY

Alexandra A. Ugryumova¹, Lyudmila E. Pautova², Olesya Y. Grishaeva^{3✉}

¹All-Russian Scientific Research Institute “Raduga”, Kolomna, Russia, feminaa@mail.ru, ORCID 0000-0002-4549-0117

²All-Russian Scientific Research Institute “Raduga”, Kolomna, Russia, cosidanie35@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8879-0585

³All-Russian Scientific Research Institute “Raduga”, Kolomna, Russia, zelen_go@mail.ru, ORCID 0000-0002-7116-7954

Abstract. The subject of the study was scientific and methodological approaches, methods and methodologies for assessing industry competitiveness. During the research, theoretical and logical methods, the method of system

analysis, the method of generalization of research results were applied. Research results: scientific and methodological approaches to assessing the competitiveness of the reclamation industry of the agro-industrial complex of the Russian Federation are systematized; advantages and disadvantages of approaches, methods and methodologies for assessing industry competitiveness in domestic and foreign studies are revealed; the features of the reclamation industry for assessing its competitiveness are determined; the analysis of the applicability of methods for assessing industry competitiveness for the reclamation industry of the agroindustrial complex of the Russian Federation is carried out. Scientific significance of the research results: scientific and methodological approaches for assessing the competitiveness of the reclamation industry of the agro-industrial complex of the Russian Federation have been identified, which allow developing a methodology for assessing the competitiveness potential of the reclamation industry based on the calculation of group indicators. Practical significance of the research results: the necessity of developing an original methodology for assessing the competitiveness potential of the reclamation industry, which allows comparing the efficiency of the reclamation industry in the regions of the Russian Federation and assessing the prospects for the development of reclamation, is substantiated.

Keywords: scientific and methodological approaches, methods, techniques, competitiveness assessment, industry competitiveness, reclamation industry, competitiveness potential

Funding. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Agriculture of Russia within the framework of the State Task of the Federal State Budgetary Research Institute “Raduga” for 2023 No. 082-00079-23-01.

For citation: Ugryumova AA, Pautova LE, Grishaeva OY. Scientific and Methodological Approaches to Assessing the Competitiveness Potential of the Reclamation Industry. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):20-30. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-20-30.

Введение

Актуальность исследования. Мелиоративная отрасль обеспечивает предупреждение угроз, связанных с засухой и опустыниванием сельскохозяйственных угодий, что влияет на возможности продовольственного самообеспечения страны и ее продовольственную безопасность в современных условиях. В связи с этим оценка конкурентоспособности мелиоративной отрасли позволяет раскрыть потенциальные возможности развития мелиорации, что сопряжено с целями, обозначенными в Постановлении Правительства РФ от 14 мая 2021 г. «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации», так как ориентирована на поиск резервов расширения мелиоративного потенциала страны.

Исследование потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ способствует реализации приоритетных направлений ее стратегического развития. Основными движущими силами интенсивного роста потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли являются человеческий капитал, научно-технические, технологические и инновационные ресурсы.

Целью исследования стали определение и обоснование научно-методического инструментария для оценки потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ. Задача исследова-

ния: провести анализ научно-методического обеспечения процесса оценки потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли в современных условиях.

В настоящей работе представлен научный анализ по проблеме исследования, обоснованы результаты и выводы исследования, изложенные в заключительном разделе.

Материалы и методы исследования

Научно-методические подходы к оценке конкурентоспособности отрасли в настоящее время представляют широко обсуждаемую проблему в исследованиях и дискуссиях современных ученых.

В зарубежных исследованиях по вопросам оценки конкурентоспособности отрасли разработаны и применяются следующие методические подходы: стратегический (И. Ансофф [2], Ж. Ж. Ламбен [13], М. Портер [14], Дж. Стрикленд и А. А. Томпсон [21]); производственно-экономический (Дж. Стрикленд и А. А. Томпсон [21]); маркетинговый (Ж. Ж. Ламбен [13], М. Портер [14]) и структурный (М. Портер [14]).

Изучение отечественного опыта по исследуемой проблеме позволяет определить совокупность наиболее распространенных и применяемых методических подходов к оценке конкурентоспособности (далее — КСП) отраслей РФ. В работах Н. И. Бондарчука [20], А. Н. Господарева [6], О. С. Лазаревой, Р. А. Фатхутдинова [23],

Е. Г. Чмышенко и Е. В. Чмышенко [20] выявлен стратегический подход к оценке отраслевой КСП; С. Б. Авдашевой [9], Л. Н. Чайниковой и В. Н. Чайниковым [8], Т. М. Шогеновым [29] применяется функциональный подход; Е. П. Голубковым [5], С. В. Карповым, Н. И. Перцовским и И. А. Спиридоновым [12], Л. В. Целиковой [26] используется маркетинговый подход; О. Ю. Ворожбит [3], А. С. Головачева [4], В. А. Епифанов и М. Т. Заргарян [7], Н. Е. Свирейко [18], К. Ю. Филюков [25], Е. М. Чемериса [27] предлагают комплексный подход.

Специфика оценки конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ определяется следующими ее особенностями:

1. Мелиоративная отрасль является отраслью, деятельность которой финансируется государственным бюджетом.

2. Цель мелиоративной отрасли — улучшать качество основного производственного ресурса АПК, то есть качество земли.

3. Природно-климатические условия в РФ определяют ее территорию как зону рискованного земледелия с областями недостаточного и избыточного увлажнения.

4. Только 11 % [10; 30] пашни в РФ находятся на территории с оптимальной влагообеспеченностью.

5. Мелиорирование земель является важным фактором конкурентоспособности продукции растениеводства в сельскохозяйственном производстве АПК РФ.

6. Мелиорирование земель требует финансовых ресурсов на оснащение и поддержание мелиоративных фондов, но снижает риски неурожаев.

На основе ранних авторских исследований выявлены следующие составляющие потенциала конкурентоспособности отрасли: инновационно-технические, ресурсные, экономические, инвестиционно-предпринимательские, социально-кадровые, нормативно-правовые, информационно-цифровые показатели деятельности организаций мелиоративного комплекса [16].

В процессе исследования были использованы теоретический метод, логический метод, метод системного анализа, метод обобщения результатов исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ научно-методических подходов к оценке отраслевой конкурентоспособности

Оценка конкурентоспособности сельского хозяйства теснейшим образом взаимосвязана

с мелиорацией земель, которая способствует повышению национальной продовольственной безопасности и эффективной реализации стратегий государственной продовольственной политики.

Однако с учетом сложившейся макроэкономической ситуации для осмысления понятия отраслевой конкурентоспособности более близким, на наш взгляд, является дефиниция М. Портера [15], определившего отраслевую конкурентоспособность как «наличие существенного и стабильного экспорта в достаточно большое число других стран и/или весомый экспорт инвестиций, базирующейся на опыте и созданных активах в своей стране».

На основе результатов системного анализа зарубежного и отечественного опыта методических особенностей оценки конкурентоспособности отрасли представляется возможным выделить особенности различных подходов, которые могут быть применимы к оценке КСП мелиоративной отрасли АПК РФ (табл. 1).

Целесообразность и необходимость применения представленных методических подходов (табл. 1) определяется многоаспектностью оценки отраслевой КСП и, в частности, КСП мелиоративной отрасли АПК РФ, что было выявлено в более ранних авторских исследованиях [17]. Обоснование и выбор методологии подхода зависит от целей и методов исследования. К наиболее распространённым в научных исследованиях и практике оценки КСП отрасли относятся следующие группы методов: ранжирования показателей (О. В. Акулич), индуктивно-рейтинговый (Р. А. Фатхутдинов и Х. А. Фасхиев), дифференциальный, комплексный, аналитико-прогностический, графический и интегральный (Т. М. Шогенов).

Результаты системного анализа научно-методических подходов к оценке отраслевой конкурентоспособности позволили определить их особенности:

– представленные подходы являются основой для оценки КСП отраслевых организаций и предприятий, производящих продукцию или осуществляющих услуги;

– все рассмотренные научно-методические подходы, кроме комплексного, не предусматривают межотраслевую оценку показателей КСП;

– комплексный подход позволяет рассматривать и учитывать межотраслевые особенности при разработке методического инструментария расчета и оценки интегрального показателя

**Систематизация научно-методических подходов к оценке КСП
мелиоративной отрасли АПК РФ**
**Systematization of scientific and methodological approaches to the assessment of the CP
of the reclamation industry of the agro-industrial complex of the Russian Federation**

№ п/п	Название подхода	Авторы	Основные характеристики научного подхода	Примеры методов и методик оценки КСП отрасли
1	Стратегический	И. Ансофф, А. Н. Господарев, Ж. Ж. Ламбен, М. Портер, А. А. Томпсон, Дж. Стрикленд, Р. А. Фатхутдинов	Стратегический анализ конкурентной среды организации; его результаты позволяют разрабатывать эффективную стратегию, которая, в свою очередь, позволит занять прочную позицию при столкновении с различными конкурентными силами	Модель М. Портера. Матрица И. Ансоффа. SWOT-анализ, метод бенчмаркетинга
2	Функциональный или производственно-экономический	А. А. Томпсон, Дж. Стрикленд, С. Б. Авдашева, М. С. Старикова, Т. М. Шогенов, Л. Н. Чайникова и В. Н. Чайников	Анализ общей ситуации и конкуренции в отрасли предполагает изучение ее основных экономических характеристик; оценка эффективности использования ресурсов. Оцениваются показатели эффективности производственно-сбытовой деятельности; интенсивность использования основного и оборотного капитала; связанные с оценкой финансовой деятельности отраслевых организаций	Расчет критериев и коэффициента конкурентоспособности предприятия по средневзвешенной арифметической. Расчет интегрального показателя конкурентоспособности на основе расчета групповых показателей по нормативным, техническим и экономическим параметрам.
3	Маркетинговый	Е. П. Голубков, М. Портер, Н. И. Перцовский, И. А. Спиридонов, С. В. Карпова	Рассмотрение процессов конкуренции в динамике, что позволяет провести при наличии достоверной информации качественный анализ конкурентных позиций	Метод бенчмаркетинга. Матричные методы: матрица БКГ; матрица Портера; матрица «Привлекательность рынка/конкурентоспособность» (модель GE/McKinsey); матрица «Привлекательность отрасли/конкурентоспособность» (модель Shell/DPM); матрица «Стадия развития рынка/конкурентная позиция» (модель Hofer/Schendel); матрица «Стадия жизненного цикла продукции/конкурентная позиция» (модель ADL/LC)
4	Структурный	М. Портер	Оцениваются показатели: уровень концентрации производства и капитала, наличие барьеров для вновь вступивших на отраслевой рынок, степень дифференциации продукции, преимущества в издержках и др.	Методы: – структурный анализ отраслей, – внутриотраслевой анализ.
5	Комплексный	О. Ю. Ворожбит, А. С. Головачев, В. А. Епифанов и М. Т. Заргарян, Н. Е. Свирейко, Е. М. Чемерис, К. Ю. Филоков	Оценка конкурентоспособности отрасли по групповым и обобщающим показателям; учет интегрального характера КСП отрасли, включающей перечень наиболее общих показателей, представляющих возможность в их совокупности оценить КСП любой конкретной отрасли, несмотря на наличие у них специфических черт.	Методика оценки на основе использования индекса конкурентоспособности отрасли. Методика оценки через полезный эффект от потребления продукции и цену потребления, предварительно оценив конкурентоспособность каждого вида продукции. Расчет интегрального показателя на основе взвешенного геометрического показателя единичных показателей конкурентоспособности.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

отраслевой конкурентоспособности в экономическом пространстве страны.

Кроме того, комплексный подход при оценке КСП мелиоративной отрасли позволяет учитывать два главных принципа развития мелиорации [31]: 1) необходимость органичного встраивания мелиорации в агротехнику и 2) комплексное решение мелиоративных задач с учетом их воздействия на окружающую среду и недопущения разрушения сложившихся природных режимов почвообразования. Данный подход при оценке конкурентоспособности мелиоративной отрасли предполагает учёт качества мелиорируемых земель и их технического оснащения при решении задачи увеличения конечного продукта АПК в национальном доходе страны на основе приращения плодородия почвы.

Анализ применения методик оценки отраслевой конкурентоспособности для мелиоративной отрасли АПК РФ

Рассмотрим более подробно методики, представляющие интерес для целей оценки потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ (табл. 2).

На основе результатов анализа методик (табл. 2) представляется возможным определить,

что при разработке методики оценки потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ в нее целесообразно, по мнению авторов, включить следующие элементы:

1. Применить факторный анализ для исследования КСП мелиорации, что позволит сформировать базовые группы оценки отраслевой КСП с дополняющими их показателями, отражающими специфические особенности КСП мелиоративной отрасли.

2. Учесть в расчетах относительные показатели, так как это нивелирует влияние масштаба деятельности эксплуатирующих организаций мелиорации.

3. Рассчитать удельные показатели КСП отрасли, так как это позволит сопоставить эффективность функционирования мелиоративной отрасли по регионам Российской Федерации и оценить перспективы развития мелиорации.

4. Применить в расчетах линейное масштабирование индикаторов потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли, так как это позволит осуществить их нормирование и дальнейшую статистическую обработку.

5. Учесть вес интегральных индикаторов потенциала конкурентоспособности отрасли. Для оценки весомости индикаторов может быть ис-

Таблица 2

Table 2

Анализ методик оценки отраслевой конкурентоспособности и особенностей их применения для оценки потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ **Analysis of methods for assessing industry competitiveness and the specifics of their application to assess the competitiveness potential of the reclamation industry of the agro-industrial complex of the Russian Federation**

№ п/п	Методика	Преимущества	Недостатки	Применимость для мелиоративной отрасли АПК РФ
<i>Зарубежные методические подходы</i>				
1	Методика А. А. Томпсона, А. Дж. Стрикленда [22]	Оценка конкурентоспособности основана на выявлении ключевых факторов успеха отрасли и конкурентных преимуществ и недостатков анализируемой организации.	Не учтен разный уровень значимости рассматриваемых показателей конкурентоспособности и, как следствие, в формуле расчета итогового показателя конкурентоспособности не введены веса для единичных показателей конкурентоспособности.	Целесообразно использовать подход, когда итоговый индикатор потенциала конкурентоспособности включает промежуточные индикаторы, оценивающие важные составляющие функционирования мелиоративной отрасли и входящих в нее организаций.
2	Методика А. А. Томпсона, А. Дж. Стрикленда, Е. П. Голубкова [28]	Промежуточным показателям конкурентоспособности присвоены веса, отражающие степень значимости выделенных параметров оценки.	Качество оценки конкурентоспособности зависит от соответствия выбранных промежуточных показателей целям исследования.	Целесообразно учитывать вес индикаторов потенциала конкурентоспособности для расчетов по мелиоративной отрасли.

№ п/п	Методика	Преимущества	Недостатки	Применимость для мелиоративной отрасли АПК РФ
Отечественные методические подходы				
3	Методика Р. А. Фатхутдинова [24]	Учтено влияние на конкурентоспособность отрасли результатов работы ее ведущих крупных организаций.	Вклад организаций в конкурентоспособность отрасли определяется объемом их продаж.	Каждая из эксплуатирующих организаций мелиоративной отрасли представляет регион и субъект РФ, поэтому все организации для отрасли ценны независимо от масштаба их деятельности, который определяется спецификой и сложностью природно-климатических условий регионов и сельскохозяйственной деятельностью в них. В связи с вышеизложенным применение подхода Р. А. Фатхутдинова для мелиоративной отрасли затруднительно.
4	Методика О. В. Акулич [1]	1. Рассмотрены показатели, отражающие достоинства и недостатки организаций отрасли, а также показатели, отражающие влияние факторов конкурентоспособности. 2. Применено нормирование показателей конкурентоспособности по формуле линейного масштабирования. 3. По результатам расчета сводного индекса конкурентоспособности региональных представительств отрасли определяется рейтинг конкурентоспособности регионов.	Не учитывается разный уровень весомости показателей конкурентоспособности.	Целесообразно применить в расчетах линейное масштабирование показателей потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли.
5	Методика О. Ю. Ворожбит [11]	1. Применена рейтинговая оценка интегральных показателей конкурентоспособности региональных организаций отрасли. 2. При расчете применены коэффициенты весомости единичных показателей конкурентоспособности.	Вес региональных организаций определяется такими результатами деятельности, как объем выпущенной продукции, объем экспорта, что не позволяет избежать влияния масштаба на оценку конкурентоспособности.	1. Целесообразно применить рейтинговую оценку к рассчитанным промежуточным и итоговым индикаторам потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли. 2. Целесообразно учитывать относительные показатели, так как это нивелирует влияние масштаба деятельности и характеризует ее эффективность.
6	Методика М. С. Стариковой [19]	1. Для определения конкурентоспособности выбраны показатели, отражающие эффективность деятельности организаций отрасли. 2. В методике применяются удельные показатели.	На результативность итоговых расчетов влияет наличие релевантной статистической информации, позволяющей оценить: эффективность инвестиций в основной капитал,	В расчетах целесообразно учитывать удельные показатели, отражающие эффективность функционирования мелиоративной отрасли, а также перспективы ее развития.

№ п/п	Методика	Преимущества	Недостатки	Применимость для мелиоративной отрасли АПК РФ
			уровень инновационного развития отрасли, уровень инновационности основных фондов отрасли, экологичность деятельности отрасли.	
7	Методика В. А. Епифанова и М. Т. Заргаряна [7]	1. Конкурентоспособность отрасли определяется путем оценки факторов конкурентоспособности методом экспертных оценок. 2. Учтена степень весомости факторов конкурентоспособности рассматриваемой отрасли.	Выбранные для оценки показатели оцениваются только экспертным методом, носящим субъективный характер.	Для оценки весомости индикаторов потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли может быть использован метод экспертных оценок.
8	Методика К. Ю. Филюкова [25]	1. Применяется факторный анализ по 4-м группам показателей: финансовым, производственным, маркетинговым, конкурентоспособности. 2. Весомость групп факторов оценивается экспертным методом. 3. В методику включены расчеты коэффициентов весомости факторов по формуле Фишборна и расчеты согласованности мнения экспертов по формуле коэффициента конкордации Кендалла.	Выбранные показатели отражают специфику деятельности рассматриваемой отрасли и не могут быть универсальны для всех отраслей.	Целесообразно применить в расчетах потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли расчеты коэффициентов весомости индикаторов по формуле Фишборна и расчеты согласованности мнения экспертов по формуле коэффициента конкордации Кендалла.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

пользован метод экспертных оценок, что предполагает расчеты коэффициентов весомости индикаторов по формуле Фишборна и расчеты коэффициента конкордации Кендалла для проведения оценки степени достоверности мнений экспертов.

6. Каждая из эксплуатирующих организаций мелиоративной отрасли функционирует в рамках конкретного региона (субъекта РФ) и, независимо от их масштаба, отражает специфику сельскохозяйственной деятельности данных регионов. Авторы считают целесообразным применение рейтинговой оценки к рассчитанным базовым, интегральным и итоговым индикаторам потенциала конкурентоспособности организаций мелиорации для определения их ранга по значению индикаторов.

Заключение

Таким образом, на основе результатов анализа научно-методических особенностей оценки

потенциала КСП мелиоративной отрасли можно сделать следующие выводы:

1. Отечественными и зарубежными исследователями разработаны и определены научно-методические подходы к формированию отраслевой конкурентоспособности, что, в свою очередь, является основой для ее оценки в различных аспектах (территориальном, региональном, ресурсном и т. п.).

2. Систематизированы научно-методические подходы к оценке конкурентоспособности мелиоративной отрасли АПК РФ.

3. Выявлено отсутствие научно-методического инструментария для оценки конкурентоспособности мелиоративной отрасли.

В рамках настоящего исследования наиболее целесообразным и применимым к оценке потенциала КСП мелиоративной отрасли АПК РФ авторы считают функциональный и комплексный методические подходы, так как на их основе представляется возможным:

– учитывать особенности и показатели КСП мелиорации как отрасли, вносящей вклад в приращение дополнительной стоимости конечной сельскохозяйственной продукции и обеспечивающей ее эффективное производство;

– определять совокупность показателей КСП, обеспечивающих расчет экстенсивных и интенсивных индикаторов потенциала конкурентоспособности мелиоративной отрасли;

– обеспечить возможность использования и развития выявленных отраслевых конкурентных преимуществ, а также нивелирования или минимизации определённых конкурентных рисков;

– разработать методику оценки интегрального показателя потенциала КСП мелиоративной отрасли на основе расчета групповых индикаторов;

– использовать выявленные преимущества КСП мелиоративной отрасли в целях формирования стратегии управления мелиорируемым земледелием для получения гарантированных урожаев и повышения продовольственной безопасности страны.

Результаты исследования могут быть применимы для оптимизации процессов управления федеральных, региональных и муниципальных органов власти, что позволит использовать полученную информацию в интересах фермеров, проектантов и отраслевых эксплуатирующих организаций, будет способствовать развитию информационно-методологической базы специализированных учебных курсов в системе профессионального образования.

Список источников

1. Акулич О. В. Методические подходы к оценке конкурентоспособности рыбной отрасли // *Vaikal Research Journal*. 2011. № 2. С. 30.
2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб. : Питер Ком, 1999. 416 с.
3. Ворожбит О. Ю. Теоретические и методологические основы управления конкурентоспособностью предпринимательских структур в рыбной промышленности : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Владивосток, 2009. 41 с.
4. Головачев А. С. Конкурентоспособность организации : учеб. пособие. Минск : Выш. шк., 2012. 319 с.
5. Голубков Е. П. Основы маркетинга : учебник. М. : Финпресс, 1999. 656 с.
6. Господарев А. Н. Повышение международной конкурентоспособности агропромышленного комплекса России в условиях развития интеграционных процессов : дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2018. 211 с.
7. Епифанов В. А., Заргарян М. Т. Конкурентоспособность предприятий топливно-энергетического комплекса в современных условиях хозяйствования // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2021. № 16-1. С. 319–320.
8. Чайникова Л. Н., Чайников В. Н. Конкурентоспособность предприятия : учеб. пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 192 с.
9. Конкуренция и антимонопольное регулирование : учеб. пособие для вузов / С. Б. Авдашева [и др.] ; под ред. А. Г. Цыганова. М. : Логос, 1999. 368 с.
10. Куприянова С. В. К вопросу влияния мелиорации земель на устойчивое производство сельскохозяйственной продукции // *Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации*. 2019. № 4 (36). С. 135–151.
11. Латкин А. П., Ворожбит О. Ю., Терентьева Т. Н. и др. Обеспечение конкурентоспособности рыбохозяйственных организаций : монография. Владивосток : Дальнаука, 2009. 360 с.
12. Перцовский Н. И., Спиридонов И. А., Карпова С. В. Международный маркетинг : учеб. пособие. М. : МГОУ, 2009. 239 с.
13. Менеджмент, ориентированный на рынок / пер. с англ. под ред. В. Б. Колчанова. СПб. : Питер, 2007. 800 с.
14. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
15. Портер М. Международная конкуренция / пер. с англ. под ред. В. Д. Щетинина. М., 1993. 896 с.
16. Потенциал мелиоративной отрасли АПК России: ведущие факторы социально-экономического развития : монография / кол. авторов ; под ред. Г. В. Ольгаренко, А. А. Угрюмовой. М., 2021. 218 с.

17. Ресурсы и проблемы безопасности мелиоративной отрасли АПК России на современном этапе : монография / кол. авторов ; под ред. Г. В. Ольгаренко, А. А. Угрюмовой. М., 2023. 228 с.
18. Свирейко Н. Е. Оценка конкурентоспособности масложировых продуктов // Маркетинг в России и за рубежом. 2004. № 3 (41). С. 88–92.
19. Старикова М. С. Оценка и направления повышения конкурентоспособности отраслей Российской промышленности // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2016. № 9. С. 199–205.
20. Чмышенко Е. В., Лазарева О. С., Чмышенко Е. Г., Бондарчук Н. И. Теория и практика оценки конкурентоспособности : учеб. пособие / Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: Пресса, 2013. 150 с.
21. Томпсон А. А., Стрикленд Дж. Стратегический менеджмент. М. : Юнити, 2007. 928 с.
22. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации : учебник для вузов / пер. с англ. М. : Инфра-М, 2007. 453 с.
23. Фатхутдинов Р. А. Стратегический маркетинг : учебник. М. : Дело, 2001. 448 с.
24. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М. : Инфра-М, 2000. 312 с.
25. Филюков К. Ю. Разработка механизма управления конкурентоспособностью предприятий легкой промышленности на основе совершенствования методических подходов к ее оценке и регулированию : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2010. 16 с.
26. Целикова Л. В. Конкурентоспособность рынка кожаной обуви в Республике Беларусь // Маркетинг. 2000. № 3. С. 47–55.
27. Чемерис Е. М. Конкурентоспособность сельского хозяйства (управленческий аспект) : монография. Бишкек : КРСУ, 2014. 184 с.
28. Шарафутдинова Н. С., Палякин Р. Б. Управление конкурентоспособностью организации : учебное пособие. Казань, 2016. 153 с.
29. Шогенов Т. М. Повышение конкурентоспособности предприятий АПК региона на основе формирования интегрированных структур : дис. ... канд. экон. наук. Нальчик, 2016. 160 с.
30. Щедрин В. Н., Васильев С. М. Концептуально-методологические принципы (основы) стратегии развития мелиорации как национального достояния России // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2019. № 1 (33). С. 1–11.
31. Щербаков В. А. Наука и практика мелиорации земель Поволжья: от прошлого к будущему // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2018. № 1 (29). С. 208–232.

References

1. Akulich OV. Methodical approaches to estimating fisheries sector competitiveness. *Baikal Research Journal*. 2011;(2):30. (In Russ.).
2. Ansoff I. *New corporate strategy*. St. Petersburg, Piter Kom; 1999. 416 p. (In Russ.).
3. Vorozhbit OYu. Theoretical and methodological foundations for managing the competitiveness of entrepreneurial structures in the fishing industry. Thesis abstract. Vladivostok, 2009. 41 p. (In Russ.).
4. Golovachev AS. *Competitiveness of the organization: A textbook*. Minsk, Higher Education; 2012. 319 p. (In Russ.).
5. Golubkov YeP. *Basics of marketing: A textbook*. Moscow, Finpress Publ.; 1999. 656 p. (In Russ.).
6. Gospodarev AN. Improving the international competitiveness of the Russian agro-industrial complex in the context of the development of integration processes: Thesis. Rostov-on-Don, 2018. 211 p. (In Russ.).
7. Yepifanov VA, Zargaryan MT. Competitiveness of enterprises of the fuel and energy complex in the current economic environment. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: Trends and development potential*. 2021;(16-1):319-320. (In Russ.).
8. Chaynikova LN, Chaynikov VN. *Competitiveness of an enterprise: A textbook*. Tambov, Tambov State Technical University Publ.; 2007. 192 p. (In Russ.).
9. Avdasheva SB [et al.], Tsyganov AG (ed.) *Competition and antimonopoly regulation: a textbook*. Moscow, Logos; 1999. 368 p. (In Russ.).
10. Kupriyanova SV. On issue of the land reclamation impact on sustainable agricultural production. *Nauchnyy zhurnal Rossiyskogo NII problem melioratsii = Scientific Journal of Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems*. 2019;4(36):135-151. (In Russ.).

11. Latkin AP, Vorozhbit OYu, Terentyeva TN. [et al.]. Ensuring the competitiveness of fisheries organizations: a monograph. Vladivostok, "Dalnauka" Publ.; 2009. 360 p. (In Russ.).
12. Pertsovskiy NI, Spiridonov IA, Karpova SV. International Marketing: a study guide. Moscow, MGOU, 2009. 239 p. (In Russ.).
13. Kolchanov VB (ed.). Market-Driven Management. St. Petersburg, Piter; 2007. 800 p. (In Russ.).
14. Porter M. Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors. Moscow, Alpina Business Books; 2005. 454 p. (In Russ.).
15. Porter M. The Competitive Advantage of Nations. Moscow; 1993. 896 p. (In Russ.).
16. Olgarenko GV, Ugryumova AA. (eds.). The potential of the reclamation industry of the agro-industrial complex of Russia: the leading factors of socio-economic development: a monograph. Moscow, RuScience Publ.; 2021. 218 p. (In Russ.).
17. Olgarenko GV, Ugryumova AA. (eds.). Modern security issues and resources of the land reclamation industry of the Russian agricultural sector: a monograph. Moscow, RuScience Publ.; 2023. 228 p. (In Russ.).
18. Svireyko NYe. Evaluation of the competitiveness of fat-and-oil products. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and abroad*. 2004;3(41):88-92. (In Russ.).
19. Starikova MS. Evaluation and improving competitiveness of Russian industries. *Vestnik BGTU im. V. G. Shukhova = Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*. 2016;(9):199-205. (In Russ.).
20. Chmyshenko YeV, Lazareva OS, Chmyshenko YeG, Bondarchuk NI. Theory and practice of competitiveness assessment: a study guide. Orenburg; 2013. 150 p. (In Russ.).
21. Thompson A, Strickland AJ. Strategic Management. Moscow, Unity; 2007. 928 p. (In Russ.).
22. Thompson A, Strickland AJ. Strategic Management: Concepts and Cases. Moscow, INFRA-M; 2007. 453 p. (In Russ.).
23. Fatkhutdinov RA. Strategic marketing: a textbook. Moscow, Delo; 2001. 448 p. (In Russ.).
24. Fatkhutdinov RA. Competitiveness: economics, strategy, management. Moscow, INFRA-M, 2000. 312 p. (In Russ.).
25. Filyukov KYu. Development of a mechanism for managing the competitiveness of light industry enterprises based on the improvement of methodological approaches to its assessment and regulation. Thesis abstract. St. Petersburg, 2010. 16 p. (In Russ.).
26. Tselikova LV. Competitive ability of leather shoes market in Republic of Belarus. *Marketing*. 2000;(3):47-55. (In Russ.).
27. Chemeris YeM. Competitiveness of agriculture (management aspect): a monograph. Bishkek; 2014. 184 p. (In Russ.).
28. Sharafutdinova NS, Palyakin RB. Management of the organization's competitiveness: a textbook. Kazan; 2016. 153 p. (In Russ.).
29. Shogenov TM. Increasing the competitiveness of regional agricultural enterprises based on the formation of integrated structures. Thesis abstract. Nalchik; 2016. 160 p. (In Russ.).
30. Shchedrin VN, Vasilyev SM. Conceptual and methodological principles (basics) of development strategies for land reclamation as a national treasure of Russia. *Nauchnyy zhurnal Rossiyskogo NII problem melioratsii = Scientific Journal of Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems*. 2019;1(33):1-11. (In Russ.).
31. Shcherbakov VA. Science and practice of land reclamation of Volga region: from the past to the future. *Nauchnyy zhurnal Rossiyskogo NII problem melioratsii = Scientific Journal of Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems*. 2018;1(29):208-232. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Угрюмова — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Л. Е. Паутова — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

О. Ю. Гришаева — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors

A. A. Ugryumova — Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher.

L. E. Pautova — Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher.

O. Y. Grishaeva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 31–43.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(12(482):31-43. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 332.132; 332.135

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-31-43

КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Валентина Сергеевна Антонюк¹, Дарья Сергеевна Бенц²

¹Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, antvs@list.ru

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Статья посвящена исследованию городских агломерационных процессов на территории Уральского федерального округа. Цель статьи — оценка развитости крупнейших городских агломераций Уральского федерального округа. Авторами включены в выборку три самые крупные городские агломерации, находящиеся на территории УрФО: Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская городские агломерации. Методами исследования выступили фундаментальные методы и приемы исследования (абстрагирование и обобщение, системный подход, структурно-функциональный метод, метод сравнительного анализа и др.), а также методы технического анализа (классический анализ, индикаторный метод и пр.). Результаты оценки были получены в процессе обработки статистических данных, предоставляемых Росстатом, официальными сайтами администраций исследуемых регионов и городов, а также Яндекс-картами. Наиболее развитой с агломерационной точки зрения оказалась Екатеринбургская городская агломерация, за ней следует Челябинская агломерация и, наконец, на третьем месте находится Тюменская агломерация. В целом анализ городских агломерационных процессов продемонстрировал, что последние весьма неравномерно развиты на территории УрФО, что свидетельствует о недостаточной связанности пространства, прилегающего к границе между Европой и Азией. Расчет показателей показал «проблемное поле» агломерационных процессов, характерное для пространства УрФО: для Екатеринбургской агломерации — значительный разброс в численности населения крупного города и мелких по численности населения поселений, что свидетельствует о неравномерном расселении; в Челябинской области — снижение роста численности населения всей агломерации; в Тюменской агломерации — низкое значение коэффициента централизации «ядра» агломерации, коэффициента агломеративности, индекса агломеративности, индекса развитости населения.

Ключевые слова: крупнейшие городские агломерации Уральского федерального округа, концентрация населения, концентрация производства, показатели агломерированности территории, сравнительный анализ

Для цитирования: Антонюк В. С., Бенц Д. С. Крупнейшие городские агломерации Уральского федерального округа: сравнительный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 31–43. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-31-43.

Original article

THE LARGEST URBAN AGGLOMERATIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT: COMPARATIVE ANALYSIS

Valentina S. Antonyuk¹, Daria S. Benz²

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, antvs@list.ru

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Abstract. The article is devoted to the study of urban agglomeration processes in the territory of the Ural Federal District. The purpose of the article is to assess the development of the largest urban agglomerations of the Ural Federal District. The authors included in the sample three urban agglomerations, the core of which are the capital centers of the constituent entities of the Russian Federation located in the Urals: Yekaterinburg, Chelyabinsk and Tyumen urban agglomerations. The research methods are fundamental research methods (abstraction and generalization, systematic approach, structural and functional method, comparative analysis method, etc.), as well as technical analysis methods (classical analysis, indicator method, etc.). The authors rely on statistics provided by Rosstat, official sites of the administrations of the regions and cities under study, as well as Yandex maps. The most developed from an agglomeration point of view is the Yekaterinburg urban agglomeration, followed by the Chelyabinsk agglomeration, and, finally, the Tyumen agglomeration is in third place. In general, the analysis of urban agglomeration processes demonstrated that the latter are very unevenly developed in the territory of the Ural Federal District, which indicates an insufficient connection between the space adjacent to the border between Europe and Asia. The calculation of indicators showed a «problem field» of agglomeration processes characteristic of the Ural Federal District space: for the Yekaterinburg agglomeration there is a significant spread in the population of a large city and small settlements in terms of population, which indicates uneven resettlement; in the Chelyabinsk region — a decrease in population growth of the entire agglomeration; in the Tyumen agglomeration — a low value of the centralization coefficient of the «core» of the agglomeration, the agglomeration coefficient, the agglomeration index, the population development index. The authors made recommendations for the authorities of the macroregion aimed at strengthening the space occupying a middle position on the Eurasian continent.

Keywords: the largest urban agglomerations of the Ural Federal District, population concentration, production concentration, agglomeration indicators of the territory, comparative analysis

For citation: Antonyuk VS, Benz DS. The Largest Urban Agglomerations of the Ural Federal District: Comparative Analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):31-43. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-31-43.

Введение

Пространственное развитие Российской Федерации отличается большой протяжённостью страны с запада на восток (около 8 000 км) и с севера на юг (более 4 000 км)¹, что актуализирует проблему усиления ее связанности, которая разрешается в том числе за счет создания системы городских агломераций. Последние усиливают притяжение муниципальных образований друг к другу, а значит, как каркас, «стягивают» разрозненное пространство России.

Степень развитости агломерационных связей на территории конкретного региона во многом определяется его природно-географическими особенностями, спецификой специализации и отраслевой структуры экономики, обеспеченностью инфраструктурой, соотношением различных типов собственности и пр. Поэтому городские агломерационные процессы уникальны в пределах отдельного локализованного пространства.

Изучение агломерационных процессов в пространстве Уральского федерального округа весьма значимо в силу того, что территория указанного макрорегиона располагается вдоль Уральского хребта, в пределах которого проходит граница между Европой и Азией. Исследование степени зрелости городских агломерационных процес-

сов данной территории позволяет судить о степени связанности отдельных локальных регионов указанного макрорегиона, занимающего практически срединное положение на Евразийском континенте, что помогает сделать вывод о степени целостности и единстве его центральной части. Кроме того, исследование агломерационной целостности регионов Уральского макрорегиона позволяет определить наиболее «уязвимые» моменты их деятельности, а значит, наметить органам власти пути их решения.

Вопросам формирования и развития городских агломераций уделяется значительное внимание в научной литературе [1–9]. Активно изучаются проблемы формирования, функционирования и развития городских агломераций в пределах территорий отдельных субъектов РФ, входящих в Уральский макрорегион, а именно: Свердловской области [10–14], Челябинской области [15–18], Тюменской области [19–21].

Вместе с тем в научных исследованиях преобладает подход к изучению городских агломерационных процессов, как правило, в одном субъекте Российской Федерации, что уменьшает значимость сравнительного исследования агломерационных процессов в пределах крупных макрорегионов, которые в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ должны играть решающую роль в обеспечении связанности российского пространства.

¹ Согласно данным Википедии.

Поэтому целью данной статьи является исследование теоретико-методических основ оценки развитости городских агломерационных процессов для проведения сравнительного анализа их развития на территории регионов, прилегающих к границе Европы и Азии, что позволит определить степень целостности и единства срединной части Евразийского континента.

В качестве задач данного исследования выступают следующие:

1. Обоснование методики оценки городских агломераций на предмет их агломерационной развитости.

2. Апробация методики на примере городских агломераций, ядром которых являются центры субъектов РФ, составляющих Уральский федеральный округ (Екатеринбургской, Челябинской, Тюменской).

3. Выявление на основе сравнительного анализа столичных городских агломераций УрФО «проблемных» агломерационных полей, представляющих наиболее «уязвимые» элементы, снижающие агломерационную зрелость тех или иных территорий.

Опираясь на проведенный сравнительный анализ городских агломерационных процессов Уральского федерального округа, следует разработать направления регулирования пространственного развития в части городских агломерационных процессов для органов власти макрорегиона.

Методы и материалы

Сравнительный анализ — это метод сопоставления нескольких агломерационных процессов для выделения их общих и различных характеристик и в дальнейшем классификации и типологии. Исходя из цели нашего исследования необходимо провести сравнительный анализ развитости городских агломерационных процессов на территории такого крупного макрорегиона, как Уральский федеральный округ.

При разработке методики сравнительного анализа были приняты следующие допущения.

Первое. В качестве крупного макрорегиона был взят Уральский федеральный округ, состоящий из четырех субъектов РФ: Свердловской, Челябинской, Тюменской и Курганской областей. Согласно содержанию Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций, утвержденных Министерством экономического развития РФ 26 сен-

тября 2023 г. (далее по тексту — Методические рекомендации), на территории Уральского федерального округа расположены три агломерации, относящиеся к категории крупнейших, — Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская¹. Все они в качестве города-ядра имеют столицы субъектов РФ. Эти три городские агломерации и выступают объектом исследования.

Второе. Для сравнительного анализа агломерационной зрелости городских агломераций Уральского федерального округа за основу возьмем агломерации, в качестве ядра которых выступает столичный город субъекта РФ (Екатеринбургская, Челябинская, Тюменская и Курганская агломерации).

Третье. Сравнительный метод имеет определенные ограничения, связанные с неспособностью оперировать «независимыми» переменными изучаемого объекта.

На первом этапе исследования в соответствии с авторской методикой анализа определим степень проявления MAR-эффектов (эффекта концентрации населения и эффекта концентрации производства) на территории центров-ядер выбранных городских агломераций, что продемонстрировано в виде диаграммы на рис. 1.

Диаметр круга на рисунке символизирует численность населения города-центра. Как видно, наибольшее количество населения имеет г. Екатеринбург, далее идет г. Челябинск, за ним — г. Тюмень и замыкает список городов — г. Курган.

Из матрицы следует, что существует определенное соответствие между концентрацией населения и концентрацией производства: чем больше концентрация населения, тем больше концентрация производства, и наоборот (однако может быть и другой процесс: концентрация производства «притягивает» к себе трудовые ресурсы).

Далее матрица демонстрирует, что на первом месте по концентрации населения и концентрации производства находится г. Челябинск, на втором — г. Екатеринбург. Затем по показателю концентрации населения следует г. Тюмень, и замыкает список городов г. Курган. Вместе с тем концентрация производства у двух последних городов говорит об обратном: на третьем месте стоит г. Курган, а на последнем — г. Тюмень.

¹ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/1573623717da9263b7e6533b267667ee/metodicheskie_rekomendacii_po_razrabotke_dolgosrochnyh_planov_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_krupnyh_i_krupneyshih_gorodskih_aglomeracij.pdf

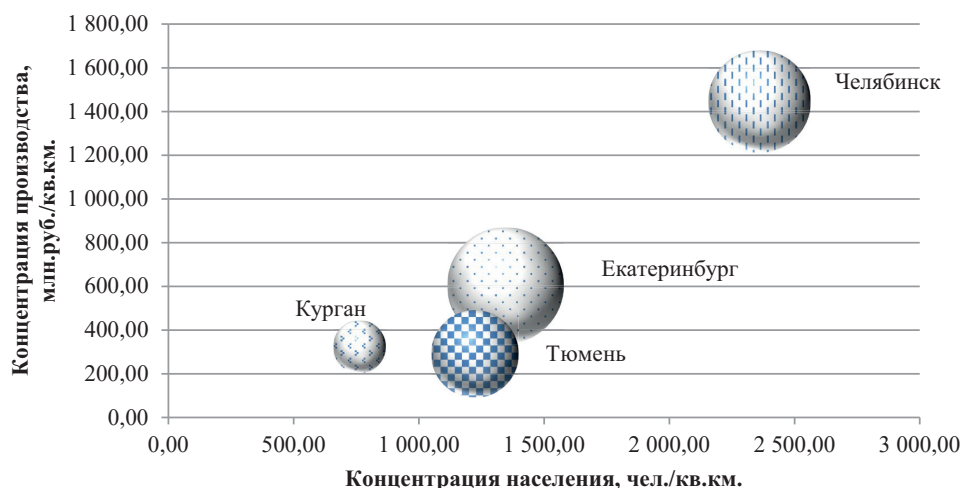

Рис. 1. Диаграмма проявления MAR-эффектов на территории центров городских агломераций Уральского федерального округа
 Fig. 1. Diagram of the manifestation of MAR effects on the territory of urban agglomerations of the Ural Federal District

Примечание: составлено авторами по данным Росстата*

* Объем производства оценен через показатель «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами — суммарно по всем видам экономической деятельности, млн руб.»

Авторами принято решение исключить из исследования Курган по двум причинам:

- вследствие малого MAR-эффекта, касающегося низкой концентрации населения;
- из-за отсутствия как юридически оформленной, так и эволюционно образовавшейся агломерации с центром в виде города Кургана.

На втором этапе осуществляется анализ процессов агломерированности территорий с помощью системы показателей [22], а именно:

1. **Показатель людности** — оценивает численность населения города-центра. В соответствии с данным показателем города-ядра классифицируют как: средние (100–250 тыс. чел.); большие (250–500 тыс. чел.); крупные (500–1000 тыс. чел.) и крупнейшие (более 1000 тыс. чел.).

2. **Уровень централизации «ядра» агломерации** — отношение населения ядра к следующему по населению городу — его значение показывает, насколько города агломерированной территории дифференцированы между собой по численности населения (чем больше показатель — тем больше различие по численности населения городов, составляющих агломерацию, с центральным городом).

3. **Коэффициент агломеративности** — характеризует сформированность и развитость внешней среды городской агломерации. Рассчитывается как плотность сети городских населенных

пунктов, отнесенная к среднему кратчайшему расстоянию между ними:

$$K_A = \frac{N}{S \cdot L},$$

где N — число городских населенных пунктов на территории агломерации;

S — площадь территории агломерации, тыс. км²;

L — кратчайшее расстояние между городскими пунктами.

4. **Индекс агломеративности** — отношение городского населения внешней зоны к городскому населению всей агломерации:

$$I_A = \frac{P}{P_A},$$

где P — численность городского населения зоны спутников;

P_A — численность городского населения агломерации.

Чем больше значение этого показателя, тем в большей степени агломерация является однородной по распределению трудовых ресурсов на ее территории.

5. **Индекс развитости населения агломерации** — демонстрирует степень развитости населения с позиции структуры поселений агломерации (числа городов и поселений городского типа)

$$K_{разв} = P \cdot (M \cdot m + N \cdot n),$$

где P — численность населения городской агломерации, млн чел.;

M — число городов в городской агломерации;

N — число поселений городского типа в городской агломерации;

m — доля численности населения городов в численности населения городской агломерации;

n — доля численности населения поселения городского типа в численности населения городской агломерации.

Развитой городская агломерация признается в том случае, если индекс развитости населения превышает единицу.

6. Темпы развития агломерации — измерены показателем среднегодовые темпы роста городского населения за 10 лет. Все городские агломерации делятся на нединамичные (среднегодовые темпы роста городского населения за 20 лет ниже 1 %); слабодинамичные (1–2 %); среднединамичные (2–4 %); высокодинамичные (4–5 %); особо динамичные (более 5 %).

На третьем этапе предлагается осуществить позиционирование крупнейших агломераций Уральского макрорегиона, представить «Проблемное агломерационное поле», демонстрирующее зоны, снижающие агломерационную зрелость тех или иных территорий, что позволяет фокусировать внимание органов власти на направлениях дальнейшего развития агломерационных процессов в срединной части Евразийского континента.

В своем исследовании мы будем опираться на статистические данные, публикуемые Росстатом, официальными сайтами администраций

исследуемых регионов и городов, а также Яндекса-картами для оценки протяженности автомобильных дорог между городами агломераций.

Результаты исследования

Все исследуемые агломерации являются моноцентрическими, поскольку в качестве центра агломерации имеют один город. Однако позиции городов-ядер в исследуемых агломерациях несколько различны. Самый большой удельный вес территории, приходящейся на столицу, характерен для Екатеринбурга, наименьший — для Тюмени. С точки зрения концентрации населения в столице, ситуация ровно противоположная: если на городской округ Тюмень приходится 5,95 % территории агломерации (наименьшее значение среди трех исследуемых ядер агломераций), то в отношении численности населения в этом городе концентрируется 83,66 % проживающих (наибольшее значение среди исследуемых агломераций). И наоборот, городской округ Екатеринбург занимает почти 10 % территории, в то время как проживает здесь 73,44 % населения.

Результаты расчетов показателей людности и уровня централизации ядра агломерации приведены в табл. 1.

Исходя из данных табл. 1 можно констатировать, что все три агломерации относятся к категории крупнейших, так как суммарная численность населения, проживающего на территории всей агломерации, во всех трех случаях превышает 1 млн чел. Если же ориентироваться на город-центр, то крупнейшими города-

Таблица 1
Table 1

**Показатели людности и уровня централизации ядра городских агломераций
Уральского федерального округа**
**Indicators of the population and the level of centralization of the core of urban agglomerations
Ural Federal District**

Агломерации	Екатеринбургская	Челябинская	Тюменская
Город-центр	Екатеринбург	Челябинск	Тюмень
Показатель людности, чел.	1 539 371	1 182 517	855 618
Второй по численности населения город	Первоуральск	Копейск	Сельское поселение посёлок Боровский
Уровень централизации «ядра» агломерации	$1\,539\,371 : 112\,860 = 13,64$	$1\,182\,517 / 146\,125 = 8,09$	$855\,618 / 20\,123 = 42,52$
Тип города-ядра по классификации показателя людности	Крупнейший	крупнейший	крупный

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

ми являются Екатеринбург и Челябинск, Тюмень же относится к категории крупного города (от 500 тыс. чел. до 1 млн чел.)¹.

На территории Екатеринбургской городской агломерации расположено 12 городских населенных пунктов — девять городов и три поселка городского типа. Челябинская же агломерация содержит всего пять городских населенных пунктов, из которых городами являются лишь три. В Тюменскую агломерацию Министерство экономического развития РФ предложило включить и вовсе только один город — город Тюмень. Поэтому при оценке уровня централизации «ядра» агломерации мы ориентировались на следующий по численности населения населенный пункт — поселок Боровский, не относящийся к категории городского населенного пункта. В этом плане следует отметить, что более равномерной является Челябинская агломерация, где в городе-центре проживает в 8,1 раза больше населения, чем во втором по размеру городе — Копейске. Это минимальная дифференциация среди изучаемых нами агломераций. Для Екатеринбургской агломерации характерно уже более высокое значение уровня централизации «ядра» — 13,6. С позиции этого показателя Тюменская агломерация выделяется существенно — в городе-центре проживает в 42,5 раза больше населения, нежели во втором по значимости поселении.

Исходными индикаторами, лежащими в основе предложенной методики оценки развитости городской агломерации, являются площадь территории и численность населения муниципальных образований, входящих в состав городских агломераций (табл. 2).

Указанные выше Методические рекомендации не носят директивного характера, поэтому муниципальные образования вправе принять иные решения в отношении границ агломераций. Но в таком случае необходимо обосновать выбор, в том числе в соответствии с критерием транспортной доступности до ядра агломерации (которая не должна превышать 1,5 ч). Фактор транспортной доступности отражает коэффициент агломеративности, который символизирует плотностную характеристику городов, отнесенную к про-

тяженности дорог. Результаты расчета коэффициента агломеративности, полученные на основе расстояния между городами по автомобильным дорогам, приведены в табл. 3.

С точки зрения коэффициента агломеративности самый высокий уровень связанности городов агломерации характерен для Екатеринбургской агломерации. Несмотря на то, что самое короткое расстояние между городами (в данном случае населенными пунктами) характерно для Тюменской агломерации, коэффициент агломеративности здесь самый незначительный, что связано с крайне низким значением числа городов в городской агломерации. В расчете мы приняли это число равным двум, но фактически на территории Тюменской агломерации расположен лишь один центральный город.

Индекс агломеративности и коэффициент развитости крупнейших агломераций Уральского федерального округа приведены в табл. 4.

Городское население зоны спутников в Тюменской агломерации отсутствует, вследствие чего индекс агломеративности имеет нулевое значение. В Челябинской агломерации 15 % городского населения проживает вне центра, в Екатеринбургской агломерации этот показатель составил 22 %. В этом плане расселение на территории Екатеринбургской агломерации можно назвать более равномерным. Коэффициент развитости Екатеринбургской городской агломерации в разы превышает аналогичный показатель Челябинской агломерации вследствие значительного количества городов в Екатеринбургской агломерации (девять городов против трех городов в Челябинской агломерации).

Анализ, результаты которого показаны в табл. 1–4, проведен нами по состоянию на 01.01.2023 г. Однако, говоря о развитости агломерации, нельзя оставлять в стороне динамические характеристики.

Темпы роста численности населения городов, входящих в состав изучаемых агломераций, за десятилетний период представлены в табл. 5.

В Екатеринбургской и Тюменской агломерациях численность городского населения возросла. В последней исключительно за счет прироста населения в г. Тюмень. В Челябинской агломерации население сократилось на 9 % — несмотря на небольшой прирост населения в двух наиболее крупных городах (Челябинске и Копейске).

По итогам выполненных расчетов проведем сравнительный анализ трех исследуемых агломераций и осуществим их позиционирование.

¹ Согласно Методическим рекомендациям по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций, утвержденным Приказом № 669 Министерства экономического развития РФ 26 сентября 2023 г.

Характеристики столичных городских агломераций Уральского федерального округа
Characteristics of metropolitan urban agglomerations of the Ural Federal District

№	Городской округ (ГО)	Площадь территории, км ²	Численность населения, чел.
Екатеринбургская городская агломерация			
1	ГО Екатеринбург	1 143,00	1 583 307
2	Березовский ГО	1 125,00	76 947
3	ГО Верхняя Пышма	1 052,00	88 206
4	Сысертский ГО	2 107,12	64 140
5	ГО Первоуральск	2 053,75	131 408
6	Белоярский ГО	1 323,29	33 553
7	Полевской ГО	1 550,58	60 688
8	ГО Ревда	1 106,00	60 758
9	ГО Среднеуральск	84,00	24 894
10	ГО Верх-Нейвинский	10,00	4 348
11	Арамилевский ГО	22,00	23 157
12	ГО Верхнее Дуброво	34,00	4 567
Общая сумма		11 609,83	2 155 973
Отношение показателя ядра агломерации к показателю всей агломерации, %		9,85	73,44
Челябинская городская агломерация			
1	ГО Челябинск	500,98	1 182 517
2	ГО Копейск	355,76	148 292
3	Красноармейский МР	3 842,02	49 158
4	Сосновский МР	2 071,36	88 372
5	Коркинский МО	102,77	56 058
Общая сумма		6 872,89	1 524 397
Отношение показателя ядра агломерации к показателю всей агломерации, %		7,29	77,57
Тюменская городская агломерация			
1	ГО Тюмень	698,48	855 618
2	Тюменский МР	3 689,00	140 102
3	Нижнетавдинский МР	7 360,00	27 046
Общая сумма		11 747,48	1 022 766
Отношение показателя ядра агломерации к показателю всей агломерации, %		5,95	83,66

Источники:

* по данным официального сайта Правительства Свердловской области. Доступ: https://midural.ru/100034/100089/mu_leaders/

* по данным официального сайта Правительства Челябинской области. Доступ: <https://pravmin.gov74.ru/prav/chelyabinskaya-oblast/administrativnoe-delenie.htm>

* по данным официального портала органов власти Тюменской области. Доступ: https://admtymen.ru/ogv_ru/about/region_territory.htm

** по данным Росстата на 01.01.2023 г.

Проранжируем результаты каждого показателя — от наилучшего к наихудшему. В табл. 6 показаны результаты сравнения. Зеленая залив-

ка — наилучшее значение показателя, желтая — среднее, красная — наихудшее. Если территория попала по определенному показателю в зеленую

Таблица 3

Table 3

**Расчет коэффициента агломеративности столичных городских агломераций
Уральского федерального округа
Calculation of the agglomeration coefficient of metropolitan urban agglomerations
of the Ural Federal District**

Город агломерации	Ближайший по расстоянию город	Расстояние между городами, км	Города агломерации	Ближайший по расстоянию город	Расстояние между городами, км
<i>Екатеринбургская городская агломерация</i>			<i>Челябинская городская агломерация</i>		
Екатеринбург	Березовский	17,6	Челябинск	Копейск	15,6
Верхняя Пышма	Среднеуральск	8,7	Коркино	Челябинск	40,0
Сысерть	Арамилъ	26,7	Среднее значение среди кратчайших расстояний		27,8
Первоуральск	Ревда	16,8			
Белоярский (пгт)	Верхнее Дуброво (пгт)	25,0	Коэффициент агломеративности		5 : (6,87 · 27,8) = 0,026
Полевской	Арамилъ	56,0			
Ревда	Первоуральск	16,8			
Среднеуральск	Верхняя Пышма	8,7	<i>Тюменская городская агломерация</i>		
Арамилъ	Сысерть	26,7	Тюмень	пос. Боровский	18,3
Верх-Нейвинский (пгт)	Верхняя Пышма	59,0	Среднее значение среди кратчайших расстояний		18,3
Среднее значение среди кратчайших расстояний		26,2	Коэффициент агломеративности		2 : (11,75 · 18) = 0,009
Коэффициент агломеративности		12 : (11,6 · 26,2) = 0,039			

Источник: рассчитано авторами по Яндекс-картам автомобильных дорог.

Таблица 4

Table 4

**Индекс агломеративности и коэффициент развитости столичных городских агломераций
Уральского федерального округа
The index of agglomeration and the coefficient of development of metropolitan urban agglomerations
of the Ural Federal District**

Показатель	Значение
<i>Екатеринбургская городская агломерация</i>	
Численность городского населения зоны спутников, чел.	446 875
Численность городского населения всей агломерации, чел.	1 986 246
Индекс агломеративности	0,22
Число городов в городской агломерации	9
Число поселений городского типа в городской агломерации	3
Доля численности населения городов в численности населения городской агломерации	0,91
Доля численности населения поселения городского типа в численности населения городской агломерации	0,01
Коэффициент развитости	17,74
<i>Челябинская городская агломерация</i>	
Численность городского населения зоны спутников, чел.	200 871
Численность городского населения всей агломерации, чел.	1 383 388
Индекс агломеративности	0,15
Число городов в городской агломерации	3
Число поселений городского типа в городской агломерации	2

Показатель	Значение
Доля численности населения городов в численности населения городской агломерации	0,90
Доля численности населения поселения городского типа в численности населения городской агломерации	0,01
Коэффициент развитости	4,15
<i>Тюменская городская агломерация</i>	
Численность городского населения зоны спутников, чел.	0
Численность городского населения всей агломерации, чел.	855 618
Индекс агломеративности	0,00
Число городов в городской агломерации	1
Число поселений городского типа в городской агломерации	0
Доля численности населения городов в численности населения городской агломерации	0,76
Доля численности населения поселения городского типа в численности населения городской агломерации	0,00
Коэффициент развитости	0,86

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282>

Таблица 5
Table 5

**Темпы роста численности населения городов городских агломераций
Уральского федерального округа
Population growth rates of urban agglomerations Ural Federal District**

№	Городские населенные пункты агломерации	Темп роста 2023/2013	№	Города агломерации	Темп роста 2023/2013
<i>Екатеринбургская городская агломерация</i>			<i>Челябинская городская агломерация</i>		
1	г. Екатеринбург	1,10	1	г. Челябинск	1,02
2	г. Первоуральск	0,90	2	г. Копейск	1,04
3	г. Верхняя Пышма	1,18	3	г. Коркино	0,98
4	г. Березовский	1,28	4	пгт. Первомайский	0,88
5	г. Ревда	0,96	5	пгт. Роза	0,63
6	г. Полевской	0,86	<i>В среднем по агломерации</i>		0,91
7	г. Среднеуральск	1,12	<i>Тюменская городская агломерация</i>		
8	г. Сысерть	0,99	1	Тюмень	1,35
9	г. Арамилль	1,36	<i>В среднем по агломерации</i>		1,35
10	пгт. Белоярский	1,07			
11	пгт. Верхнее Дуброво	0,93			
12	пгт. Верх-Нейвинский	0,84			
<i>В среднем по агломерации</i>		1,05			

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

зону, присвоим три балла. Желтая зона означает начисление двух баллов, красная — одного. Итоговый балл также показан в табл. 6.

Построенная авторами матрица позволяет сделать выводы о развитости агломерационных процессов на территории Уральского федерального

округа, с одной стороны, и определить слабые места в агломерационном процессе региона, наличие которых свидетельствует о необходимости их преодоления, с другой стороны.

**Сравнительный анализ уровня развитости столичных городских агломераций
Уральского федерального округа)
Comparative analysis of the level of development of metropolitan urban agglomerations
of the Ural Federal District)**

№	Показатель	Городские агломерации		
		<i>Екатеринбургская</i>	<i>Челябинская</i>	<i>Тюменская</i>
1	Тип агломерации	Моноцентрическая	Моноцентрическая	Моноцентрическая
2	Показатель людности, чел.	1 539 371	1 182 517	855 618
	Размер агломерации	Крупнейшая	Крупнейшая	Крупная
3	Уровень централизации «ядра» агломерации	13,64	8,09	42,52
4	Коэффициент агломеративности	0,04	0,03	0,01
5	Индекс агломеративности	0,22	0,15	0,00
6	Индекс развитости населения агломерации	17,74	4,15	0,86
7	Темпы развития агломерации, %	105,02	91,06	134,92
Итого баллов		19	16	11

Источник: рассчитано авторами.

Закключение

Проведенный сравнительный анализ крупнейших городских агломераций Уральского макрорегиона позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Пространственное развитие территории макрорегиона, находящегося на границе Европы и Азии, отличается весьма неравномерными городскими агломерационными процессами. Особенно это относится к такому субъекту РФ, как Курганская область, которая не оформлена в городскую агломерацию ни фактически, ни юридически. Однако интенсивные агломерационные процессы идут на других территориях Уральского федерального округа, в силу чего сформировались крупнейшие городские агломерации: Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская.

Второе. Сравнительный анализ уровня развитости агломерационных процессов на территории Уральского макрорегиона продемонстрировал, что по большинству показателей Екатеринбургская городская агломерация занимает первое место, Челябинская агломерация — второе, а Тюменская агломерация — последнее, третье место.

Третье. «Проблемное агломерационное поле» Уральского макрорегиона показывает наиболее слабые места агломерационного процесса круп-

ного региона. Так, в Екатеринбургской агломерации следует отметить большой разброс в численности жителей центра агломерации и следующего города (Первоуральска) — в 13,6 раза. Для Челябинской агломерации отрицательным моментом является снижение темпов численности населения городской агломерации за 10 лет. Несмотря на рост численности населения Челябинска и Копейска, отрицательную динамику изменения численности населения имели такие муниципалитеты, как г. Коркино, пгт. Первомайский и Роза.

Четвертое. Проведенный анализ свидетельствует о необходимости координации пространственного развития Уральского федерального округа путем активизации и регулирования агломерационных процессов на его территории. Это, в свою очередь, требует стратегического планирования пространственного развития, основными направлениями которого являлись бы: усиление межрегионального сотрудничества; совершенствование транспортной и энергетической инфраструктуры; развитие перспективных экономических специализаций и пр. Это требует создания особого института, основным полномочием которого является содействие пространственному развитию макрорегиона.

Список источников

1. Антонов Е. В., Махрова А. Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на агломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45. DOI: 10.31857/S2587-55662019431-45.

2. Волчкова И. В., Уфимцева Е. В., Шадейко Н. Р., Селиверстов А. А. Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2021. № 2 (560). С. 135–164. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-2-135-164.
3. Волчкова И. В. Методологические основы исследования функционирования и развития агломераций // Экономика и предпринимательство. 2018. № 10 (99). С. 326–330.
4. Ворошилов Н. В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2
5. Зубаревич Н. В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 5–21.
6. Лавриненко П. А., Михайлова Т. Н., Ромашина А. А., Чистяков П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3 (174). С. 50–59.
7. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. В. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2014. № 1. С. 45.
8. Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 3–23. DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23.
9. Миргородская Е. О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере большого Ростова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19, № 4 (41). С. 6–20. DOI: 10.15688/jvolsu3.2017.4.1
10. Анимича Е. Г., Власова Н. Ю. Эволюция развития и исследования Екатеринбургской городской агломерации // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования : сб. ст. / отв. ред. А. Г. Махрова. М., 2021. С. 126–140.
11. Верховых Е. Ю. Этапы и особенности возникновения Екатеринбургской агломерации // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2018. № 2 (37). С. 23–28. DOI: 10.22337/9785432303080-231-242.
12. Ижгузина Н. Р. Расчет синергетического эффекта городских агломераций региона (на примере Свердловской области) // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 2 (70). С. 75–89.
13. Ижгузина Н. Р. Тенденции развития экологической сферы крупнейшей городской агломерации (на примере Екатеринбургской городской агломерации) // Региональная экология: актуальные вопросы теории и практики : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2022. С. 95–101.
14. Толмачев Д. Е., Кузнецов П. Д., Ермак С. В. Методика выделения границ агломераций на основе статистических данных // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 1. С. 44–58.
15. Антонюк В. С., Козина М. В., Вансович Э. Р., Сигатова Н. А. Формирование и развитие городских агломераций: теоретико-методологические аспекты исследований // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2021. Т. 15, № 2. С. 7–19. DOI: 10.14529/em210201
16. Антонюк В. С., Лапо А. С., Вансович Э. Р., Сигатова Н. А., Амирова Т. Ф. Воздействие городских агломерационных процессов на общественное здоровье населения // Человек. Спорт. Медицина. 2022. Т. 22, № S2. С. 147–156.
17. Артемова О. В., Савченко А. Н. Тенденции развития городов в едином региональном пространстве (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 58–72. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-58-72.
18. Кузнецов Ю. Г. Челябинская агломерация: формирование институтов межмуниципального сотрудничества и опыт решения межмуниципальных задач // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1 (2). С. 69–75.
19. Деев А. С., Красовская Н. В., Черноморченко С. И. Тюмень: опыт постиндустриальной трансформации городского пространства // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 26–31. DOI: 10.17223/19988613/78/4
20. Минваева М. С., Храмцов А. Б. К вопросу о перспективах формирования Тюменской городской агломерации // Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития-2019 : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. А. Б. Храмцов. 2019. С. 125–130.

21. Айнуллина К. Н., Кряхтунов А. В. Формирование Тюменской городской агломерации // Современные проблемы земельно-имущественных отношений, урбанизации территории и формирования комфортной городской среды : сборник статей Международной научно-практической конференции : в 2 т. Тюмень, 2021. С. 17–21.

22. Шмидт А. В., Антонюк В. С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 3. С. 776–789.

References

1. Antonov EV, Makhrova AG. Largest Urban Agglomerations and Super-Agglomerations in Russia. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*. 2019;(4):31-45. doi: 10.31857/S2587-55662019431-45. (In Russ.).

2. Volchkova IV, Ufimtseva EV, Shadeyko NR, Seliverstov AA. Spatial Development of Russian Agglomerations as a Driver of Russia's Economic Growth in the Face of Global Challenges. *ECO*. 2021;(2):135-164. doi: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164. (In Russ.).

3. Volchkova IV. Methodological basis for the study of the functioning and development of agglomerations. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2018;10(99):326-330. (In Russ.).

4. Voroshilov NV. Approaches to assessing the development of agglomerations in Russia. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2019;(4102):40-54. doi: 10.15838/ptd.2019.4.102.2 (In Russ.).

5. Zubarevich NV. Russia's agglomerations development: trends, resources and governing. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2017;(6):5-21. (In Russ.).

6. Lavrinenko PA, Mikhailova TN, Romashina AA, Chistyakov PA. Agglomeration effect as a tool of regional development. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2019;30(3):268-274. (In Russ.).

7. Lappo GM, Polyana PM, Selivanova TV. Agglomerations of Russia in the 21st century. *Vestnik Fonda regional'nogo razvitiya Irkutskoj oblasti = Bulletin of the Regional Development Fund of the Irkutsk Region*. 2014;(1):45. (In Russ.).

8. Lappo GM. Diversity of Cities as a Factor of Russia's Successful Spatial Development. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*. 2019;(4):3-23. doi: 10.31857/S2587-5566201943-23. (In Russ.).

9. Mirgorodskaya EO. Assessment of the territorial and economic connectivity of cities in the agglomeration (using the example of Bolshoy Rostov). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2017;4(41):6-20. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1> (In Russ.).

10. Animitsa EG, Vlasova NYu. Evolution of development and research of the Yekaterinburg urban agglomeration. In: *Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya. Sbornik statej = Geourbanism and urban planning: theoretical and applied research. Collection of articles*. 2021. Pp. 126–140. (In Russ.).

11. Verkhovikh EYu. Stages and Key Characteristics of the Emergence and Development of Yekaterinburg Agglomeration. *Academic Bulletin UralNIIproject RAASN = Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN*. 2018;2(37):23-28. doi: 10.22337/9785432303080-231-242. (In Russ.).

12. Izhguzina NR. The Calculation of Synergistic Effect of Urban Agglomerations (Exemplified by Sverdlovsk oblast). *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of USUE*. 2017;2(70):75-89. (In Russ.).

13. Izhguzina NR. Trends in the development of the ecological sphere of the largest urban agglomeration (using the example of the Yekaterinburg urban agglomeration). In: *Regional'naya ekologiya: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Regional ecology: topical issues of theory and practice. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. 2022. Pp. 95–101. (In Russ.).

14. Tolmachev DE, Kuznetsov PD, Ermak SV. Methodology for Identifying the Boundaries of Agglomerations based on Statistical Data. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2021;17(1):44-58. doi:10.17059/ekon.reg.2021-1-4. (In Russ.).

15. Antonyuk VS, Lapo AS, Vansovich ER, Sigatova NA, Amirova TF. The impact of urban agglomeration on public health. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*. 2022;22(S2):147-156. doi: 10.14529/hsm22s219. (In Russ.).

16. Antonyuk VS, Kozina MV, Vansovich ER, Sigatova NA. Formation and development of urban agglomerations: theoretical and methodological aspects of research. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2021;15(2):7-19. (In Russ.).

17. Artemova OV, Savchenko AN. Tendencies of city development in a unified regional space (as exemplified by the Chelyabinsk region). *Society and Power = Socium i vlast'*. 2021;2(88):58-72. doi 10.22394/1996-0522-2021-2-58-72. (In Russ.).

18. Kuznetsov YuG. Chelyabinsk agglomeration: formation of institutions of inter-municipal cooperation and experience in solving inter-municipal problems. *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya = Scientific yearbook of the Center for Analysis and Forecasting*. 2018;1(2):69-75. (In Russ.).

19. Deev AS, Krasovskaya NV, Chernomorchenko SI. Tyumen: experience of post-industrial transformation of the city space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. 2022;(78):26-31. doi: 10.17223/19988613/78/4 (In Russ.).

20. Minvaeva MS, Khramtsov AB. To the question of the prospects for the formation of the Tyumen urban agglomeration. In: *Arhitektura i arhitekturnaya sreda: voprosy istoricheskogo i sovremennogo razvitiya-2019. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Architecture and architectural environment: issues of historical and modern development-2019. Materials of the international scientific and practical conference*. 2019. Pp. 125–130. (In Russ.).

21. Ainullina KN, Kryakhtunov AV. Formation of the Tyumen urban agglomeration. In: *Sovremennye problemy zemel'no-imushchestvennyh otnoshenij, urbanizacii territorii i formirovaniya komfortnoj gorodskoj sredy. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Modern problems of land and property relations, urbanization of the territory and the formation of a comfortable urban environment. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*. 2021. Pp. 17–21. (In Russ.).

22. Shmidt AV, Antonyuk VS, Francini C. Urban Agglomerations in Regional Development: Theoretical, Methodological and Applied Aspects. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2016;12(3):776-789. (In Russ.).

Информация об авторах

В. С. Антонюк — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

V. S. Antonyuk — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Regional Economy, State and Municipal Administration

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 10.12.2023; одобрена после рецензирования 26.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 10.12.2023; approved after reviewing 26.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-44-55

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ИНДИВИДА В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Артем Аркадьевич Саламатов^{1✉}, Артем Олегович Ужегов²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

²Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, uzhegov.ao@uiec.ru, ORCID 0000-0002-3244-2036

Аннотация. Общественное осознание глобальных проблем современности, препятствующих гармоничному развитию общества, находит свое отражение в социальной, экономической и экологической сферах. Идентификация факторов и оценка их влияния как на устойчивое развитие региона является ключом решения проблемы разработки теоретико-методологических основ формирования эколого-экономической направленности индивида, которая предполагает наличие соответствующих потребностей и интересов, наряду с мотивами, целями и убеждениями, ориентирующими человека на поведение и деятельность в рамках эколого-экономического равновесия. Цель исследования заключается в оценке влияния объективных факторов на формирование эколого-экономических потребностей и интересов человека как основы эколого-экономической направленности индивида. При исследовании проблемы идентификации и оценки социо-эколого-экономических факторов устойчивого развития региона авторами применялись стратегический анализ, интегрированные методы специальных теорий — моделирования развития, использовались методы визуальной интерпретации результатов исследования. Проведена оценка влияния социо-эколого-экономических факторов в регионах Уральской макрзоны на формирование эколого-экономической направленности поведения. Объединенные в макрзону регионы демонстрируют асимметрию условий своего развития, в которых формируются точки региональной конкурентоспособности, обладающие наибольшим потенциалом по формированию эколого-экономической направленности, обеспечивающей принятие управленческих решений в рамках социо-эколого-экономического равновесия. Представлены варианты проявления противоречий, влияющих на степень формирования эколого-экономической направленности индивида, разработаны связи уровней (стратегического, оперативного, диспозитивного), объектов и инструментов управления, позволяющих минимизировать социо-эколого-экономические противоречия.

Ключевые слова: устойчивое развитие, региональная экономика, экономическое поведение, направленность индивида, триада факторов, системные противоречия

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Саламатов А. А., Ужегов А. О. Формирование эколого-экономической направленности индивида в целях устойчивого развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 44–55. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-44-55.

Original article

FORMATION OF THE ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC ORIENTATION OF THE INDIVIDUAL FOR THE PURPOSE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Artem A. Salamatov^{1✉}, Artem O. Uzhegov²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

²Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, uzhegov.ao@uiec.ru, ORCID 0000-0002-3244-2036

Abstract. Public awareness of the global problems of our time that impede the harmonious development of society is reflected in the social, economic and environmental spheres. Identification of factors and assessment of their influence on the sustainable development of the region is the key to solving the problem of developing theoretical and methodological foundations for the formation of an individual's environmental and economic orientation, which presupposes the presence of relevant needs and interests, along with motives, goals and beliefs that guide a person's behavior and activities in within the framework of ecological-economic balance. The purpose of the study is to assess the influence of objective factors on the formation of environmental and economic needs and interests of a person as the basis for the environmental and economic orientation of an individual. When studying the problem of identifying and assessing the socio-ecological-economic factors of sustainable development of the region, the authors used strategic analysis, integrated methods of special theories — development modeling, and used methods of visual interpretation of research results. An assessment was made of the influence of socio-ecological-economic factors in the regions of the Ural macrozone on the formation of the environmental-economic orientation of behavior. The regions united in the macrozone demonstrate an asymmetry in the conditions of their development, in which points of regional competitiveness are formed, which have the greatest potential for the formation of an environmental-economic orientation, ensuring the adoption of management decisions within the framework of socio-ecological-economic balance. Options for the manifestation of contradictions that influence the degree of formation of an individual's environmental-economic orientation are presented; connections between levels (strategic, operational, discretionary), objects and management tools are developed to minimize socio-ecological-economic contradictions.

Keywords: sustainable development, regional economy, economic behavior, the individual's orientation, triad of factors, systemic contradictions

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan for the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

For citation: Salamatov AA, Uzhegov AO. Formation of the environmental and economic orientation of the individual for the purpose of sustainable development of territories. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):44-55. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-44-55.

Введение

Формирование эколого-экономической направленности индивида, которая предполагает наличие соответствующих потребностей и интересов, наряду с мотивами, целями и убеждениями, ориентирующими человека на поведение и деятельность в рамках эколого-экономического равновесия, является сложным процессом, на протекание которого кроме психолого-педагогической и методической составляющих также оказывают влияние противоречивые элементы и факторы внешней среды.

В настоящее время растет интерес к проблеме формирования эколого-экономической направленности индивида — это связано с общественным осознанием глобальных проблем современности, препятствующих гармоничному развитию общества. Данные проблемы находят свое отражение в социальной, экономической и экологической сферах. Ключом решения проблемы разработки теоретико-методологических основ формирования эколого-экономической направленности индивида является идентификация факторов и оценка их влияния как на данный процесс, так и на устойчивое развитие региона в целом. В силу того, что эта проблема касается самых разных аспектов деятельности современного общества, ее разработке уделяют внимание не только уче-

ные в области экономики, но и педагоги, социологи и другие представители общественных и гуманитарных наук.

В данной работе ставится цель оценить влияние объективных факторов на формирование эколого-экономических потребностей и интересов человека как основы эколого-экономической направленности индивида.

Многогранный и междисциплинарный характер исследуемой проблемы обуславливает бесконечное разнообразие в определении групп факторов, оказывающих влияние на формирование экономического поведения индивида. Избегая попыток «объять необъятное», авторы настоящего исследования ограничили объект исследования социальными, экономическими и экологическими факторами, идентификация которых показала такие особенности, как взаимосвязь и взаимозависимость друг от друга, а попытки измерить и сопоставить их влияние потребовали от авторов объединения их характеристик и показателей в единую систему оценки. Предложенная система оценки может применяться для преодоления системных противоречий формирования эколого-экономической направленности индивида и включает передовые методы формализации влияния факторов на результирующий критерий, накопленный в научных

и прикладных исследованиях специалистов данной области изысканий.

Социо-эколого-экономические противоречия определяются многими учеными как несоответствие общественных представлений о бесконечной величине имеющихся в распоряжении общества природных ресурсов их реальной конечной величине. Из этого коренного противоречия вытекает ряд других противоречий, которые проявляются на разных уровнях и в разных сферах общественных отношений. Можно говорить о противоречиях между двумя не всегда совпадающими видами потребностей человека — экономическими и экологическими, когда наблюдается несоответствие материальных потребностей социума возможностям их удовлетворения за счет природной среды. Выявленные системные социо-эколого-экономические противоречия на примере одного из экономических макрорегионов Российской Федерации, являющегося репрезентативным по социо-эколого-экономическим параметрам, а также на уровне хозяйствующих субъектов и домашних хозяйств, позволили наметить пути их преодоления через формирование эколого-экономических потребностей и интересов, а соответственно, и эколого-экономической направленности индивида, ориентирующей управленческие решения и собственное поведение в рамках эколого-экономического равновесия.

Теоретический обзор

Социо-эколого-экономические факторы развития региона существенно влияют на формирование направленности индивида. Экономические факторы, такие как уровень доходов и доступность ресурсов, влияют на поведение, например, на потребительские предпочтения и стиль жизни. Социальные факторы, такие как образование, здравоохранение, культура и социальные услуги, также влияют на здоровье, образование и культурные предпочтения. Экологические факторы, такие как состояние окружающей среды, наличие зеленых зон и экологических объектов, на экологическую осведомленность и ответственность. Таким образом, социо-эколого-экономические факторы развития региона определяют условия, в которых живет и действует индивид, и влияют на его поведение и ценности. Они также влияют на формирование общественных норм и ценностей, которые в свою очередь могут повлиять на поведение. Важно учитывать социо-эколого-экономические факторы при разработке стратегии устойчивого развития региона, так как они

могут способствовать формированию благоприятной среды для развития индивида и общества в целом.

Направленность индивида представляет собой совокупность устойчивых мотивов, установок, убеждений, потребностей и стремлений, ориентирующих человека на определенное поведение и деятельность, на достижение относительно сложных жизненных целей. Потребности и интересы человека играют ключевую роль в системе направленности индивида, его отношения к действительности. Эколого-экономические потребности, которые в своей основе отражают потребности субъекта, обуславливают возникновение эколого-экономических интересов, которые в свою очередь отражают способы их удовлетворения, и имеют общественное значение, а их содержание зависит от ряда внешних факторов, которые часто не учитываются при обсуждении и проектировании процессов образования и развития человека [11].

Проблема формирования эколого-экономической направленности индивида обусловила необходимость более глубокого погружения в исследование социо-эколого-экономических факторов и рассмотрения их влияния на преодоление системных противоречий, возникающих в исследуемом процессе. Изучению проблем идентификации, анализа и оценки экологических, экономических и социальных факторов и условий на поведение человека и устойчивое развитие общества посвящены исследования ряда известных ученых и специалистов [2; 3; 10].

Так, D. R. Shonnard, A. Kicherer, Pr. Saling [14] и специалисты, проводящие ведомственные исследования¹, рассматривали условия сквозь призму экономического роста и его влияния на экосистему и благосостояние человека. Некоторые исследователи изучали экологические факторы с точки зрения их влияния на поведение человека

¹ Coalition clean Baltic for protection of the Baltic sea environment (2001). Location and Nation Agenda 21 in the Baltic Sea Countries. URL: <https://irp.cdn-website.com/53007095/files/uploaded/LA21-final-joint-report1.pdf> (дата обращения: 17.01.2023); Millennium Ecosystem Assessment (MA) (2005). Ecosystems and Human Well-being: Synthesis. Island Press, Washington. URL: <https://www.millenniumassessment.org/documents/document.356.aspx.pdf> (дата обращения: 17.01.2023); Verfaillie H. A., Bidwell R. Measuring Eco-Efficiency — A Guide to Reporting Company Performance, World Business Council for Sustainable Development. 2000. URL: <https://docs.wbcsd.org/2006/08/EfficiencyLearningModule.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

А. Kollmuss [13], Р. С. Stern [15], И. А. Сосунова, О. Н. Мамонова [12] и др. В исследовании были проанализированы основные индексы устойчивого развития, такие как Методика эколого-экономического анализа (ЕЕА), Методика оценки потенциала устойчивого развития (SDP), Методика оценки устойчивости территорий и другие. Авторы дали характеристику каждого из индексов и выделили основные методы, используемые для их расчета. Это актуально, потому что перед разработкой собственной методики оценки устойчивого развития необходимо ознакомиться с уже существующими методами и индексами, чтобы избежать дублирования и повторения уже проведенных исследований.

Методы исследования

При исследовании проблемы идентификации и оценки социо-эколого-экономических факторов устойчивого развития региона авторами применялись стратегический анализ, интегрированные методы специальных теорий — моделирования развития, использовались методы визуальной интерпретации результатов исследования.

Информационной базой послужили статистические сведения за 2017–2021 гг. отчетов «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» Федеральной службы государственной статистики.

В исследовании были проанализированы и авторские методики интегральной оценки социо-эколого-экономических факторов устойчивого развития [1; 4; 5; 7; 9]. Это позволило авторам разработать методику, учитывающую особенности регионального контекста и специфику задач, стоящих перед ними. Такой подход позволяет получить более точные и релевантные данные, а также более эффективно решать проблемы устойчивого развития в конкретном регионе.

На наш взгляд, комплексная оценка социо-эколого-экономических детерминант позволяет более полно оценить те факторы развития региона, которые определяют условия, в которых живет и действует индивид и влияют на его поведение и ценности. Соответственно, результаты данной оценки могут использоваться в рамках стратегии устойчивого развития территории и помочь принять решения, направленные на создание благоприятной среды для жизнедеятельности населения.

При этом мы полагаем, что относительно Российской Федерации целесообразно рассматривать и оценивать совокупность социо-эколого-

экономических факторов в региональном аспекте, учитывая существующие значительные различия в уровне их социально-экономического развития и экологической ситуации на каждой конкретной территории. В контексте данного исследования речь идет об Уральском экономическом макрорегионе, который определяется территориальной близостью субъектов, сходными природно-климатическими условиями, наличием административных границ между регионами.

На основе индексного метода [6; 8] проведена оценка влияния социо-эколого-экономических факторов на формирование эколого-экономической направленности индивида.

Расчет значений детерминант проводился в два этапа [6]. На первом этапе осуществляется нормирование значений показателей для обеспечения их сопоставимости:

Для показателей, характеризующих позитивное влияние, по формуле (1):

$$X_{ni} = \frac{X_i - X_{i\min}}{X_{i\max} - X_{i\min}}. \quad (1)$$

Для показателей, характеризующих негативное влияние, по формуле (2):

$$X_{ni} = \frac{X_{i\max} - X_i}{X_{i\max} - X_{i\min}}, \quad (2)$$

где x_i — значение i -го статистического показателя регионов; x_{ni} — нормированное значение i -го показателя для региона страны в определенный год; $x_{i\max}$, $x_{i\min}$ — соответственно наибольшее и наименьшее значение i -го показателя среди всех регионов страны за исследуемый год.

В случае отсутствия статистических данных за определенный год авторы прибегали к использованию показателей, зафиксированных в предшествующем году. К примеру, если отсутствовали данные за 2021 г., то были использованы показатели за 2020 г.

Нормирование значений — это процесс приведения показателей к единому масштабу, который позволяет сравнивать их между собой. Однако чтобы нормирование значений было эффективным, показатели должны быть однонаправленными. Если же показатели не являются однонаправленными, то нормирование значений может привести к искажению реальной картины. Таким образом, нормирование значений имеет смысл только в условиях однонаправленности показателей. В противном случае оно может привести к искажению реальной картины и неправильным

выводам. В исследовании обратными являются следующие показатели: X_2, X_4, X_9, X_{17} .

На втором этапе на основе нормированных показателей проводился расчет значений детерминант по каждой ключевой детерминанте формирования направленности индивида.

Расчет значений детерминант осуществляется по формуле (3) на основе средней арифметической. Авторы придерживались подхода исследователей [6], полагающих целесообразным определение агрегированного показателя в условиях равнозначности индикаторов.

$$D_j = \frac{\sum X_{ni}}{n}, \quad (3)$$

где D_j — значение детерминанты соответствующего ключевого компонента направленности индивида; X_{ni} — нормированный статистический показатель; n — число соответствующих нормированных показателей.

На третьем этапе проводился расчет значения интегральной детерминанты по формуле (4):

$$ИД = \frac{\sum СИ_j}{m}, \quad (4)$$

где ИД — интегральная детерминанта формирования направленности индивида; $СИ_j$ — соответствующее ключевому компоненту значение детерминанты; m — число детерминант.

Интегральная оценка является полезным инструментом для измерения качества жизни, экономического развития, здравоохранения и других явлений. Однако она имеет свои преимущества и недостатки.

Преимущества интегральной оценки качества жизни с учетом индексов, субиндексов и т. д. включают:

1. Целостность: интегральная оценка может представлять целостную картину качества жизни, учитывая множество факторов.

2. Сравнимость: интегральная оценка может позволить сравнивать качество жизни между различными регионами или странами.

3. Информативность: интегральная оценка может помочь правительствам и другим заинтересованным сторонам определить приоритеты для улучшения качества жизни в конкретных регионах.

Недостатки интегральной оценки качества жизни включают:

1. Субъективность: интегральная оценка качества жизни может быть субъективной и зависеть от того, какие факторы были включены в расчет.

2. Ограниченность: интегральная оценка может не учитывать все аспекты качества жизни, так как некоторые факторы могут быть сложными для измерения или не включены в индексы.

3. Неспособность учитывать контекст: интегральная оценка может не учитывать контекстуальные факторы, такие как культурные различия или исторические факторы, которые могут влиять на качество жизни.

Показатели, используемые для расчета интегральной оценки, представлены в соответствии со сформированным перечнем характеристик каждого фактора в региональном аспекте с последующим объединением их в общую систему оценки (см. первую часть исследования «Анализ подходов к оценке устойчивого развития и выявление противоречий: территориальные аспекты»).

Экологические: (X1) доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников; (X2) энергоёмкость валового регионального продукта (обратный); (X3) удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации, в общем числе организаций; (X4) сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты (обратный); (X5) индекс физического объема природоохранных расходов.

Социальные: (X6) уровень рождаемости; (X7) уровень занятости; (X8) мощность амбулаторно-поликлинических организаций; (X9) заболеваемость населения (обратный); (X10) среднедушевые денежные доходы; (X11) потребительские расходы в среднем на душу населения; (X12) ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Экономические: (X13) объем валового регионального продукта на душу населения; (X14) индекс промышленного производства; (X15) индекс физического объема оборота розничной торговли; (X16) инвестиции в основной капитал на душу населения; (X17) индекс потребительских цен (обратный).

Результаты исследования

По предложенной авторами методике для регионов Уральской макрзоны были рассчитаны значения социальной, экологической и экономической детерминант и интегральная детерминанта формирования направленности индивида.

В табл. 1 представлены значения экологической детерминанты формирования направленности за 2017–2021 гг.

Таблица 1

Table 1

**Экологическая детерминанта формирования направленности индивида, 2017–2021 гг.
Environmental determinant of the formation of an individual's orientation, 2017–2021.**

Регион	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Башкортостан	0,465	0,477	0,466	0,572	0,427
Удмуртская Республика	0,609	0,487	0,733	0,701	0,549
Пермский край	0,592	0,610	0,671	0,648	0,604
Оренбургская область	0,555	0,558	0,505	0,541	0,527
Курганская область	0,597	0,559	0,656	0,597	0,483
Свердловская область	0,599	0,551	0,569	0,548	0,547
Челябинская область	0,466	0,463	0,522	0,582	0,554

Источник: рассчитано авторами.

В рамках сравнительного анализа отметим следующее: регионом с наибольшим значением показателя экологической детерминанты формирования направленности индивида в 2017, 2019 и 2020 гг. является Удмуртская Республика, в 2018 и 2021 гг. Пермский край. Наименьшее значение данного показателя в 2017, 2019 и 2021 гг. зафиксировано в Республике Башкортостан (0,465), в 2018 г. в Челябинской области (0,463), в 2020 г. в Оренбургской области. По состоянию на 2021 г. разрыв между регионом с наибольшим значением показателя экологической детерминанты формирования направленности индивида Пермским краем (0,604) и регионом с наименьшим значением Республикой Башкортостан (0,427) составляет 0,177.

Анализ динамики экологической детерминанты формирования направленности индивида демонстрирует следующее: в 2021 г. по сравнению с 2017 г. зафиксировано повышение данного показателя в Пермском крае (на 0,012) и Челябинской области (на 0,088). Для оставшихся регионов характерно снижение данного показателя: Республика Башкортостан (–0,038), Удмуртская Респуб-

лика (–0,060), Оренбургская область (–0,028), Курганская область (–0,114), Свердловская область (–0,052).

В табл. 2 представлена социальная детерминанта формирования направленности индивида, 2017–2021 гг.

Исходя из данных табл. 2 отметим следующее: регионом с наибольшим значением показателя социальной детерминанты формирования направленности с 2017 по 2021 г. является Свердловская область. Регион, в котором за весь исследуемый период наблюдается наименьшее значение показателя социальной детерминанты формирования направленности, — Курганская область. По состоянию на 2021 г. разрыв между регионом-лидером Свердловской областью и регионом-аутсайдером Курганской областью составляет 0,153.

Анализ динамики социальной детерминанты формирования направленности индивида демонстрирует следующее: для регионов Уральской макрзоны характерно снижение данного показателя в 2021 г. по сравнению с 2017 г.: Республика Башкортостан (–0,068), Удмуртская Республика (–0,013), Пермский край (–0,039), Оренбургская

Таблица 2

Table 2

**Социальная детерминанта формирования направленности индивида, 2017–2021 гг.
Social determinant of the formation of an individual's orientation, 2017–2021.**

Регион	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Башкортостан	0,348	0,362	0,329	0,299	0,280
Удмуртская Республика	0,320	0,353	0,331	0,333	0,307
Пермский край	0,308	0,315	0,286	0,272	0,270
Оренбургская область	0,331	0,344	0,312	0,294	0,283
Курганская область	0,237	0,244	0,211	0,220	0,198
Свердловская область	0,409	0,430	0,401	0,377	0,351
Челябинская область	0,337	0,367	0,344	0,325	0,323

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 3

Table 3

**Экономическая детерминанта формирования направленности индивида, 2017–2021 гг.
Economic determinant of the formation of an individual's orientation, 2017–2021.**

Регион	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Башкортостан	0,335	0,359	0,198	0,264	0,198
Удмуртская Республика	0,324	0,400	0,215	0,253	0,195
Пермский край	0,334	0,413	0,174	0,284	0,190
Оренбургская область	0,358	0,371	0,251	0,312	0,196
Курганская область	0,229	0,342	0,154	0,239	0,152
Свердловская область	0,234	0,377	0,154	0,257	0,181
Челябинская область	0,197	0,403	0,197	0,402	0,273

Источник: рассчитано авторами.

область (–0,048), Курганская область (–0,039), Свердловская область (–0,058), Челябинская область (–0,013).

В табл. 3 представлена экономическая детерминанта формирования направленности индивида, 2017–2021 гг.

Анализируя данные табл. 3, отметим: регионом с наибольшим значением показателя экономической детерминанты формирования направленности в 2017 г. являлась Оренбургская область (0,358), в 2018 г. — Пермский край (0,413), в 2019 г. — Оренбургская область (0,251), в 2020 и 2021 гг. — Челябинская область (0,402 и 0,273 соответственно). По состоянию на 2021 г. разрыв между регионом с наибольшим значением показателя экономической детерминанты формирования направленности индивида Челябинской области (0,273) и регионом с наименьшим значением Курганской области (0,152) составляет 0,121.

Анализ динамики экономической детерминанты формирования направленности демонстрирует следующее — для всех регионов, за исключе-

нием Челябинской области (для которой показатель вырос на 0,076), характерно снижение данного показателя в 2021 г. по сравнению с 2017 г.

В табл. 4 представлена интегральная детерминанта формирования направленности индивида в 2017–2021 гг.

В рамках сравнительного анализа отметим следующее: регионом с наибольшим значением показателя интегральной детерминанты формирования направленности в 2017 г. являлась Удмуртская Республика (0,417), в 2018 г. — Пермский край (0,446), в 2019 г. — Удмуртская Республика (0,426), в 2020 и 2021 гг. — Челябинская область (0,436 и 0,383 соответственно). Наименьшее значение данного показателя в 2017 г. зафиксировано в Челябинской области (0,333), начиная с 2018 г. наименьшее значение данного показателя наблюдается в Курганской области. По состоянию на 2021 г. разрыв между регионом с наибольшим значением показателя интегральной детерминанты формирования направленности Челябинской областью (0,383) и регионом с наименьшим значе-

Таблица 4

Table 4

**Интегральная детерминанта формирования направленности индивида, 2017–2021 гг.
Integral determinant of the formation of an individual's orientation, 2017–2021.**

Регион	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Башкортостан	0,383	0,399	0,331	0,378	0,302
Удмуртская Республика	0,417	0,414	0,426	0,429	0,350
Пермский край	0,411	0,446	0,377	0,401	0,355
Оренбургская область	0,415	0,424	0,356	0,382	0,335
Курганская область	0,354	0,382	0,340	0,352	0,278
Свердловская область	0,414	0,453	0,374	0,394	0,360
Челябинская область	0,333	0,411	0,354	0,436	0,383
Среднее значение по РФ	0,411	0,436	0,388	0,413	0,365

Источник: рассчитано авторами.

нием Республикой Башкортостан (0,278) составляет 0,105.

Отметим, что в 2021 г. по сравнению с 2017 г. сократилось количество регионов, в которых интегральная детерминанта направленности индивида выше среднего значения по Российской Федерации (рис. 1).

Анализ динамики интегральной детерминанты формирования направленности индивида демонстрирует следующее — для всех регионов, за исключением Челябинской области (для которой показатель вырос на 0,050), характерно снижение данного показателя в 2021 г. по сравнению с 2017 г.

На рис. 1 представлена гистограмма значений интегральной детерминанты формирования направленности индивида в Уральском макрорегионе за 2017 и 2021 гг.

Таким образом, объединенные в макрону регионы демонстрируют значительную асимметрию условий своего развития. Полагаем, что в этих условиях формируются точки региональной конкурентоспособности, обладающие большим потенциалом по формированию направленности индивида, способствующей принятию управленческих решений в рамках социо-эколого-экономического равновесия и, соответственно, устойчивому развитию общества.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в регионах Уральского макрорегиона, имеющих максимальные значения интегральной детерминанты формирования направленности индивида, качество принимаемых управленческих решений на всех уровнях социально-экономической системы в рамках эколого-экономического равновесия выше, чем в регионах с пониженным значением интегральной детерминанты.

На основе выявленных нами ранее проявлений социо-эколого-экономических противоречий в процессе формирования эколого-экономических потребностей и интересов (см. первую часть исследования «Анализ подходов к оценке устойчивого развития и выявление противоречий: территориальные аспекты») представлена связь уровней управления, объектов управления, системных противоречий и инструментов управления, позволяющих минимизировать социо-эколого-экономические противоречия (табл. 5).

Каждое действие субъектов осуществляется с учетом влияния условий внешней среды, воздействующих на формирование эколого-экономических потребностей и интересов. При сопоставлении социо-эколого-экономических факторов со стратегическим, оперативным и диспозитивным (на основе общественного договора) уровнями регионального управления становится

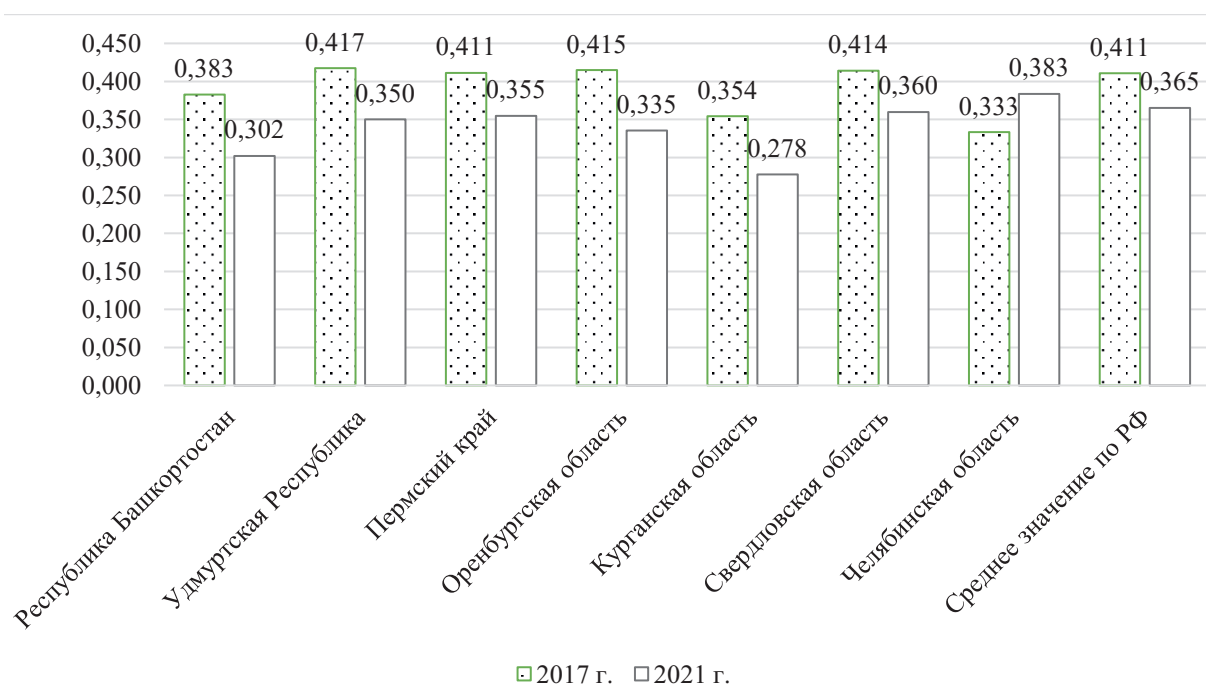

Рис. 1. Гистограмма значений интегральной детерминанты формирования направленности индивида в Уральском макрорегионе, за 2017 и 2021 гг.

Fig. 1. Histogram of the values of the integral determinant of the formation of an individual's orientation in the Ural macroregion, for 2017 and 2021

Источник: разработано авторами

Таблица 5
Table 5

Связь уровней управления, объектов управления, системных противоречий и инструментов управления, позволяющих минимизировать социо-эколого-экономические противоречия
Connection between management levels, management objects, systemic contradictions and management tools that allow minimizing socio-ecological and economic contradictions

Уровень управления	Потребности	Цель	Объект управления	Механизмы и инструменты управления
Стратегическое управление	Социальные	Создание условий для увеличения продолжительности жизни, борьба с бедностью	Региональная социально-экономическая политика	Развитие региональной инфраструктуры Обеспечение устойчивого функционирования структур, обеспечивающих жизнедеятельность на территории региона
	Экологические	Снижение уровня выбросов за счет активного замещения производств «чистыми» технологиями	Финансово-экономическая деятельность хозяйствующих субъектов	Совершенствование налогообложения вредных для окружающей среды производств Введение ограничений и санкций для предприятий, не выполняющих требования экологической безопасности
	Экономические	Экономический рост, повышение конкурентоспособности производимых товаров и услуг, внедрение инновационных технологий		Формирование благоприятного инвестиционного климата на территории региона и привлечение государственных и частных инвестиций Управление качеством работы экономических институтов, создание «центров экономического роста»
Оперативное управление	Социальные	Благоустройство и обеспечение безопасности на территории проживания	Финансово-экономическая деятельность хозяйствующих субъектов	Финансовая и инновационная политика предприятий
	Экологические	Увеличение экологоориентированных инвестиций в структуре прямых инвестиций корпоративного сектора региональной экономики, повышение энергоэффективности производства	Финансово-экономическая деятельность хозяйствующих субъектов по инвестированию в инновационные и «чистые» технологии	Финансовые инструменты по привлечению льготизируемых извне инвестиционных ресурсов, направленных на рост экологоориентированных инвестиций
	Экономические	Повышение производительности труда, увеличение инвестиций в основную капитал	Кадровая политика предприятий Энерго- и ресурсосбережение	Содействие формированию в регионе финансового и ресурсного потенциала Развитие научного и инновационного потенциала
Диспозитивное управление	Социальные	Обеспечение населения рабочими местами, развитие удобных сервисов на основе цифровых технологий	Социальное взаимодействие Потребительское поведение домашних хозяйств	Социально-экономическая политика региона Регулирование уровня безработицы Решение миграционных вопросов
	Экологические	Потребление товаров с экологичными свойствами	Формирование качества личности индивида	Формирование эколого-экономической направленности. Информационная работа с населением по повышению уровня потребления товаров с экологичными свойствами на фоне роста реальных располагаемых доходов
	Экономические	Улучшение финансового самочувствия домашних хозяйств		Налоговое стимулирование и развитие малого предпринимательства

Источник: разработано авторами.

очевидным, что для формирования эколого-экономической направленности индивида в целях сбалансированного и устойчивого развития общества должны быть задействованы все уровни управления.

Общепринятые в теории и практике классификации потребностей и интересов не позволяют выработать эффективный механизм социально-экономической политики, направленный на системное управление качеством жизни как отдельных лиц, так и общества в целом. Разработанная система потребностей и интересов позволяет определить роль и место каждого субъекта в системном удовлетворении как индивидуальных, так и общественных потребностей. Предложенная система способствует персонализации обязанностей субъектов в реализации единой общегосударственной социальной политики в Российской Федерации.

Заключение

Идентификация системных противоречий, возникающих в ходе формирования эколого-экономической направленности индивида, и оценка влияния социо-эколого-экономических условий на эффективность данного процесса позволили сформулировать следующие выводы:

1. Исследование регионов проводилось в рамках их объединения в макротерритории, критериями такого объединения стали: близость географических, территориальных и природно-климатических условий региона. При схожести регионов авторами констатированы неоднородность

и различия в их экологическом, социальном и экономическом развитии. Это было обосновано в результате проведенного анализа и оценки влияния социо-эколого-экономических факторов на формирование эколого-экономической направленности индивида.

2. В рамках управленческой деятельности на региональном, корпоративном уровне и уровне домашних хозяйств, отличающейся своей многоаспектностью на пути к устойчивому развитию общества, появляются взаимоисключающие целевые установки, измеряемые индикативными показателями.

3. Переход к стратегии устойчивого развития общества осуществляется на основе управленческих решений, учитывающих степень влияния выявленных социально-экологических и экономических факторов на формирование эколого-экономической направленности индивида. В плоскости стратегического, тактического и диспозитивного управления лежит взаимосвязь между уровнями управления, объектами управления, системными противоречиями и инструментами управления, позволяющими минимизировать социально-экологические и экономические противоречия и диспропорции.

Дальнейшие направления исследований могут быть связаны с изучением и оценкой конкретных инструментов и механизмов стратегического, оперативного и диспозитивного управления детерминантами формирования эколого-экономической направленности индивида как фактора устойчивого развития общества.

Список источников

1. Бобин Д. В. Оценка энергоэффективности социо-эколого-экономических систем регионов // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 66–69.
2. Василенко Н. В. Внешние эффекты и рациональность поведения экономических агентов в социо-эколого-экономических системах // *π-Economy*. 2018. № 3. С. 9–20.
3. Гордин И. В., Рюмина Е. В. Регионально-экологические факторы в ментальной составляющей человеческого потенциала // Регионология. 2021. № 1 (114). С. 151–171.
4. Дмитриев В. В., Каледин Н. В. Интегральная оценка состояния региональных социо-эколого-экономических систем и качества жизни населения (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа России // Балтийский регион. 2016. № 2. С. 125–140.
5. Жуков Р. А., Козлова Н. О., Хлынин Э. В., Городничев С. В. Оценка экологического состояния регионов ЦФО на основе экономико-математического моделирования приоритетных направлений охраны окружающей среды // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2022. № 4. С. 465–479.
6. Качество жизни и региональная трансформация экономики: региональный аспект : монография / О. В. Артемова, А. Ю. Даванков, Н. М. Логачева и др. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 210 с.
7. Ли А. С. Об одном алгоритме оценки уровня устойчивого развития региона // *π-Economy*. 2011. № 6 (137). С. 48–52.

8. Литвинцева Г. П., Шмаков А. В., Стукаленко Е. А., Петров С. П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // *Пространство экономики*. 2019. № 3. С. 107–127.
9. Магдеева К. Р., Павлова С. А. Интеграция социально-экологических показателей в оценку медико-экологической ситуации Мордовии // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2017. № 19 (12). С. 180–184.
10. Преображенский Б. Г., Недикова Л. Г. Концептуальные аспекты формирования региональной экологической программы и оценка практики ее реализации в контексте устойчивого и безопасного развития территории // *РСЭУ*. 2020. № 4 (51). С. 143–160.
11. Саламатов А. А., Гордеева Д. С. Модель онтологической рефлексии формирования эколого-экономических ценностных ориентаций в процессе профессионального образования // *Образование и наука*. 2020. № 22 (2). С. 53–76.
12. Сосунова И. А., Мамонова О. Н. Экологическое поведение граждан и качество жизни в условиях глобализации // *Философия и соц. Науки*. 2011. № 3–4. С. 62–65.
13. Kollmuss A., Agyeman J. Mind the Gap: Why Do People Act Environmentally and What are the Barriers to Pro-environmental Behavior? // *Environmental Education Research*. 2014. DOI: 10.1080/13504620220145401
14. Shonnard D. R., Kicherer A., Saling Pr. Industrial application using BASF eco-efficiency analysis: perspectives on green engineering principles // *Environmental science and technology journal*. 2003. № 37 (23). P. 5340–5348.
15. Stern P. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior // *Journal of Social Issues*. 2000. № 56. P. 407–424. DOI: 10.1111/0022-4537.00175.

References

1. Bobin DV. Assessing the energy efficiency of socio-ecological-economic systems of regions. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2017;(12):66-69. (In Russ.).
2. Vasilenko N.V. External effects and rationality of behavior of economic agents in socio-ecological-economic systems. *π-Economy*. 2018;(3):9-20. (In Russ.).
3. Gordin IV, Ryumina EV. Regional-ecological factors in the mental component of human potential. *Regionologiya = Regionology*. 2021;1(114):151-171. (In Russ.).
4. Dmitriev VV, Kaledin NV. Integral assessment of the state of regional socio-ecological-economic systems and the quality of life of the population (on the example of the subjects of the North-Western Federal District of Russia. *Baltiyskij region = Baltic Region*. 2016;(2):125-140. (In Russ.).
5. Zhukov RA, Kozlova NO, Khlynin EV, Gorodnichev SV. Assessment of the ecological state of the regions of the Central Federal District on the basis of economic and mathematical modeling of priority directions of environmental protection. *Izvestiya TulGU. Nauki o Zemle = Izvestia of Tula State University. Earth Sciences*. 2022;(4):465-479. (In Russ.).
6. Quality of life and regional transformation of the economy: regional aspect: monograph; O. V. Artemova, A. Yu. Davankov, N. M. Logacheva et al. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. 210 p. (In Russ.).
7. Lee AS. About one algorithm for assessing the level of sustainable development of a region. *π-Economy*. 2011;6(137):48-52. (In Russ.).
8. Litvintseva GP, Shmakov AV, Stukalenko EA, Petrov SP. Assessment of the digital component of the quality of life of the population in the regions of the Russian Federation. *Prostranstvo ekonomiki = Economic Space*. 2019;(3):107-127. (In Russ.).
9. Magdeeva KR, Pavlova SA. Integration of socio-ecological indicators in assessing the medical and environmental situation of Mordovia. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke = Health and education in the XXI century*. 2017;19(12):180-184. (In Russ.).
10. Preobrazhensky BG, Nedikova LG. Conceptual aspects of the formation of a regional environmental program and assessment of the practice of its implementation in the context of sustainable and safe development of the territory. *RSEU*. 2020;4(51):143-160. (In Russ.).
11. Salamatov AA, Gordeeva DS. Model of ontological reflection of the formation of environmental and economic value orientations in the process of vocational education. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*. 2020;22(2):53-76. (In Russ.).

12. Sosunova IA, Mamonova ON. Environmental behavior of citizens and quality of life in the context of globalization. *Filosofiya i soc. Nauki = Philosophy and Soc. Sciences*. 2011;(3-4):62-65. (In Russ.).

13. Kollmuss A, Agyeman J. Mind the Gap: Why Do People Act Environmentally and What are the Barriers to Pro-environmental Behavior? *Environmental Education Research*. 2014. DOI: 10.1080/13504620220145401

14. Shonnard DR, Kicherer A, Saling Pr. Industrial application using BASF eco-efficiency analysis: perspectives on green engineering principles. *Environmental science and technology journal*. 2003;37(23):5340-5348.

15. Stern P. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*. 2000;(56):407-424. DOI: 10.1111/0022-4537.00175.

Информация об авторах

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития.

А. О. Ужegov — младший научный сотрудник.

Information about the authors

A. A. Salamatov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Regional Development.

A. O. Uzhegov — Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 314.02

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-56-66

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Жаля Рахман Алиева

Азербайджанский университет, Министерство науки и образования, Азербайджанская Республика, jale.aliyeva@au.edu.az, ORCID 0000-0003-4469-6399

Аннотация. Цель исследования — проанализировать и оценить изменения демографической ситуации сельского населения в Азербайджане. В этом контексте рассматриваются изменения численности населения Азербайджана за последние годы, естественный прирост населения в сельской местности, ранние браки в сельской местности и нынешняя ситуация с браками и разводами сельского населения. В исследовательской работе использовались статистические показатели, связанные с демографией в нашей стране и мире, отчеты международных организаций. Использовались методы сравнительного экономико-статистического анализа, обобщения, систематического анализа, личного наблюдения и суждения.

Ключевые слова: демографическая ситуация в сельской местности, браки и разводы в сельской местности, естественный прирост населения в сельской местности

Для цитирования: Алиева Ж. Р. Демографические изменения в сельской местности Азербайджана // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 56–66. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-56-66.

Original article

DEMOGRAPHIC CHANGES IN RURAL AREAS OF AZERBAIJAN

Zhala R. Aliyeva

Azerbaijan University, Ministry of Science and Education Institute of Economics, Republic of Azerbaijan, jale.aliyeva@au.edu.az, ORCID 0000-0003-4469-6399

Abstract. The purpose of the study is to analyze and evaluate changes in the demographic situation of the rural population in Azerbaijan. In this context, changes in the population of Azerbaijan in recent years, natural population growth in rural areas, early marriages in rural areas and the current situation with marriages and divorces of the rural population are examined. Research methodology — the research work used statistical indicators related to demography in our country and the world, reports of international organizations. Methods of comparative economic and statistical analysis, generalization, systematic analysis, personal observation and judgment were used.

Keywords: demographic situation in rural areas, marriages and divorces in rural areas, natural population growth in rural areas

For citation: Aliyeva Zh. R. Demographic Changes in Rural Areas of Azerbaijan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):56-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-56-66.

Введение

В современное время быстрый рост населения планеты и изменение демографических процессов оказывают большое влияние на политику, проводимую странами как в международном мире, так и внутри страны. Это, в свою очередь,

требует новых подходов к демографическим процессам и решению проблем в этой сфере. В связи с этим актуальна оценка демографической ситуации в Азербайджане, в том числе в сельской местности.

После обретения независимости как политические, так и социально-экономические изменения в стране оказали серьезное влияние на демогра-

фическое развитие. Произошли изменения в системе социальных ценностей населения, их демографических взглядах и демографическом поведении. Изменились также место и роль семьи в обществе, ее состав, функции, а также социально-экономический статус. «Институт семьи, существовавший тысячи лет, сегодня находится на грани краха. Эту ситуацию можно увидеть более четко в мировых обществах, где процессы модернизации быстро прогрессируют. Основным показателем упадка современного института семьи является развод» [12].

Демографическая ситуация и уровень жизни в сельской местности Азербайджана имеют уникальные особенности. Хотя уровень жизни и социального обеспечения сельского населения ниже, чем у городского, его естественный прирост высок. Несмотря на то, что число многодетных семей в сельской местности в течение многих лет было высоким, в последние годы предпочтение отдавалось меньшему количеству детей. «Сегодня, как и во всех сферах, наблюдается процесс глобализации в демографическом поведении населения. Рождаемость населения продолжает неуклонно снижаться практически во всех регионах мира, в том числе и в Азербайджане. Этот процесс проявляется и в сельских районах нашей страны» [10]. Это обусловлено различными социальными и экономическими причинами. С одной стороны, это связано с низкими доходными возможностями населения сельской местности. Таким образом, согласно анализу материалов по основным результатам обследования домохозяйств, «доходы различаются в зависимости от размера домохозяйства. Домохозяйства из 1 человека имеют более высокий доход на душу населения в месяц, чем домохозяйства с 6 и более членами. К такому же результату можно отнести сравнение доходов домохозяйств с детьми до 18 лет. Домохозяйства с одним ребенком имеют более высокие доходы, чем семьи с четырьмя и более детьми» [13]. С другой стороны, это также связано с желанием людей потратить больше времени на свое личностное развитие. «Современная женщина отказывается от рождения второго ребенка в семье, если рождение детей окажется непреодолимым барьером на пути ее профессионального роста. О рождении второго и третьего ребенка не может быть и речи» [5]. В настоящее время современные молодые родители предпочитают иметь в семье максимум двух детей.

Средний возраст рожаящих женщин в сельской местности ниже, чем в городах. В иссле-

довании, посвященном среднесрочной перспективе численности сельских женщин репродуктивного возраста отмечается, что «В сельской местности уменьшение численности женщин репродуктивного возраста выступает одним из факторов риска спада рождаемости, что повышает актуальность прогнозного моделирования среднесрочных демографических изменений» [14]. В сельской местности увеличилось количество разводов. По словам профессора Ш. Мурадова, «Параметры брака, развода и развития семьи зависят не только от основных демографических показателей (рождения, смертности, естественного прироста населения, половозрастной структуры), но и от социально-экономических условий страны и существующих обычаев и традиций народа». В период пандемии Covid-19 произошло снижение количества браков из-за запрета торжеств, ограничений на выезд из места жительства, а также переноса большинства запланированных браков среди населения в сельской местности Азербайджана. Также изменилось отношение к разводу в глазах общества.

Перечисленные проблемы требуют анализа изменений в демографическом развитии сельской местности нашей страны. Цель статьи — проанализировать и оценить текущую демографическую ситуацию в сельской местности Азербайджана.

Подход к демографическому развитию в мире

Индустриализация во всём мире, особенно в развитых странах, ускорила процесс урбанизации. В промышленно развитых странах сельское население сокращается, а городское — увеличивается. По данным Всемирного банка, в настоящее время 44 % населения мира проживает в сельской местности (рис. 1). В 1980 г. доля сельского населения составляла 61 %. «Ожидается, что городское население мира, составлявшее 3,6 миллиарда человек в 2011 году, увеличится на 72 процента до 6,3 миллиарда человек в 2050 году. По оценкам, сельское население мира сократится с 3,4 миллиарда человек в 2021 году до 3,05 миллиарда человек»¹.

¹ World Urbanization Prospects The 2011 Revision. Department of Economic and Social Affairs Population Division. United Nations New York, 2012. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/WUP2011_Report.pdf. (дата обращения: 15.04.2023).

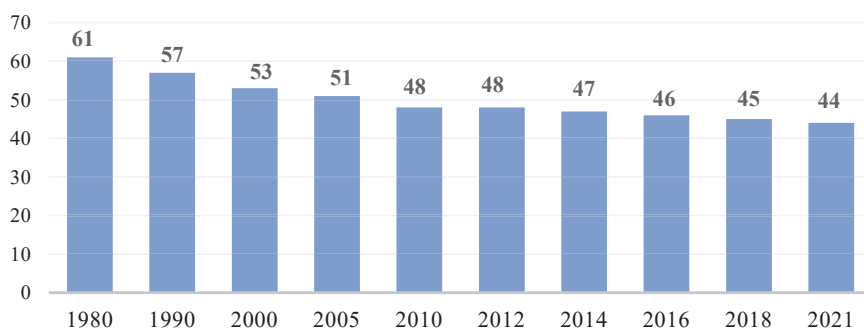
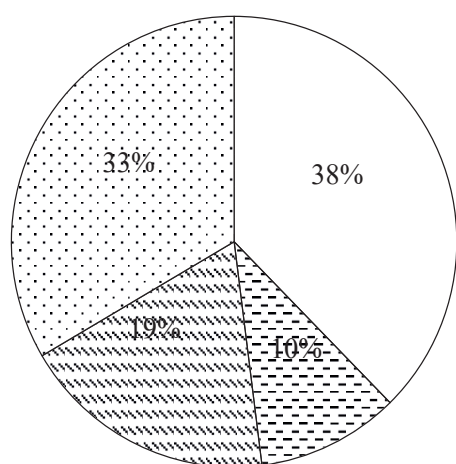

Рис. 1. Доля сельского населения в мировом населении, %
 Fig. 1. The share of the rural population in the global population, %

Источник: Официальный сайт Всемирного банка. Прирост сельского населения (годовой, %).
 URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZG>. (дата обращения: 19.05.2023)

Около 60–67 % сельского населения мира проживает в странах с низким уровнем дохода и уровнем дохода ниже среднего (рис. 2). По этой причине развитие сельских территорий и повышение уровня жизни населения, проживающего в этих местах, являются актуальными задача-

- страны с низким доходом
- ▨ страны с высоким уровнем дохода
- ▧ страны с доходом выше среднего
- ▩ страны с высоким и низким доходом

Рис. 2. В странах по уровню дохода доля сельского населения в общей численности населения, 2020 г., %

Fig. 2. In countries by income level, the share of the rural population in the total population, 2020, %

Источник: United Nations. World Social Report 2021 Reconsidering Rural Development. URL: https://www.un.org/development/desa/dspd/wpcontent/uploads/sites/22/2021/05/OVERVIEW_WSR2021.pdf. (дата обращения: 17.05.2023).

ми. В странах с высоким уровнем дохода около 1/5 населения проживает в сельской местности. По этой причине развитие сельских территорий в этих странах также необходимо.

Изменение количества жителей в Азербайджане

Демографическая ситуация и уровень жизни в сельской местности Азербайджана имеют свои особенности. Уровень жизни и социальная обеспеченность сельского населения низкие по сравнению с городскими, а естественный прирост высокий.

В сравнительных 1920–2022 гг. численность сельского населения увеличилась в 3,1 раза и достигла 4 787,9 тыс. человек, а численность городского населения увеличилась в 13,2 раза и достигла 5 368,5 тыс. человек (табл. 1).

До 1968 г. большая часть населения страны проживала в сельской местности, но в последующие годы она начала сокращаться. Однако значительная часть населения страны и сейчас проживает в сельской местности. В настоящее время 52,9 % населения республики проживает в городах, а 47,1 % — в сельской местности.

«Особенно в начале сравниваемого периода (до 2000 г.) увеличение численности населения в сельской местности было связано с развитием в сельском хозяйстве, с одной стороны, крестьянских хозяйств, а с другой стороны — большинства промышленных предприятий. В городах работали не на полную мощность и, как следствие, выросла безработица» [6].

В 2022 г. в сельской местности проживали 2 417,1 тыс. мужчин и 2 370,8 тыс. женщин.

Жизнь в сельской местности имеет много преимуществ. Преимущества включают более низкие расходы на проживание и меньшее загряз-

Таблица 1
Table 1

Изменение численности населения по месту жительства в Азербайджане, тыс. человек
Population change by place of residence in Azerbaijan, thousand people

Год	Деревня	Город	% от общей численности населения	
			Деревня	Город
1920	1 546,4	405,8	79,2	20,8
1930	1 818,6	750,9	70,8	29,2
1940	2 062,0	1 212,0	63,0	37,0
1950	1 606,6	1 252,3	56,2	43,8
1968	2 444,6	2 442,9	50,0	50,0
2000	3 925,5	4 107,3	48,9	51,1
2010	4 222,7	4 774,9	46,9	53,1
2020	4 755,1	5 312,0	47,2	52,8
2021	4 760,6	5 358,5	47,0	53,0
2022	4 787,9	5 368,5	47,1	52,9

Источник: Статистические показатели Азербайджана. Баку, 2022. URL: <https://www.stat.gov.az>

нение окружающей среды. Однако для сельской местности характерны низкие возможности трудоустройства, слабая инфраструктура (энергетические, транспортные, информационные и коммуникационные сети), низкая обеспеченность социальными услугами, такими как здравоохранение и образование, и небольшое количество коммерческих услуг и развлекательных заведений.

Также существующие производственные мощности в сельской местности не позволяют эффективно использовать все трудовые ресурсы. В качестве регулирующей меры рекомендуется принять меры по стимулированию населения к проживанию в селе, достижению социально-эконо-

мического развития в сельской местности, созданию новых рабочих мест, расширению возможностей трудоустройства. Экономисты Дж. Гулиев [3], Ж. Алиева [7; 8] и И. Гурбанова [4] подчеркивают, что расширение возможностей молодежи в приобретении профессий и навыков оказывает существенное влияние на уровень занятости и улучшение социального статуса населения.

Согласно анализу статистических данных, в последние годы в сельской местности снижение показателя естественного прироста населения выше, чем в городской местности. Естественный прирост на тысячу человек населения в 2021 г. составил 5,7 человека в сельской местности и 1,6 — в городской (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Естественный прирост населения в сельской местности Азербайджана
Natural population growth in rural areas of Azerbaijan

Год	Человек			На тысячу человек населения		
	Естественный рост	Число рожденных	Число погибших	Естественный рост	Число рожденных	Число погибших
2000	44 192	67 363	23 171	11,3	17,3	6,0
2005	52 924	77 539	24 615	13,3	19,5	6,2
2010	58 680	83 891	25 211	14,0	20,0	6,0
2015	59 992	85 061	25 069	13,4	19,0	5,6
2019	47 115	72 514	25 399	10,1	15,5	5,4
2020	31 458	65 056	33 598	6,7	13,9	7,2
2021	26 824	58 519	31 695	5,7	12,4	6,7

Источник: Государственный комитет статистики Азербайджана. Демографические показатели Азербайджана. Баку, 2022. URL: <https://www.stat.gov.az> (дата обращения: 13.05.2023).

За сопоставимый период снижение этого показателя в сельской местности составило 5,6 человека, а в городской — 4,8. Снижение естественного прироста связано с увеличением числа смертей и разводов, снижением числа браков и рождений. Снижение естественного прироста в последние годы было связано с пандемией Covid 19. Так, за сопоставимый период 2000–2021 гг. наибольшее количество смертей на тысячу человек населения произошло в 2020 и 2021 гг., составив 7,2 и 6,7 соответственно.

Смертность также играет важную роль при анализе обобщенных показателей воспроизводства населения в сельской местности. Смертность в сельской местности Азербайджана намного ниже, чем в городах. Основные причины смертности в сельской местности, особенно детской, можно объяснить несколькими факторами: низким уровнем медицинского обслуживания и профилактических мероприятий, отсутствием возможностей у безработных женщин, тяжестью рабочей силы, фронтальными стрессами в приграничных районах.

В течение многих лет в сельской местности было много многодетных семей. В последние годы преобладает количество малодетных семей. Уменьшение числа многодетных семей в сельской местности связано с увеличением семейных расходов, особенно из-за того, что расходы на детей занимают слишком много места в бюджете домохозяйства. Это обуславливает необходимость усиления государственной заботы о детях. По подсчетам Фонда народонаселения ООН, между детьми, рожденными в Азербайджане, существует гендерная разница, и предпочтение отдается больше мальчикам. Если серьезное нарушение этого соотношения будет продолжаться, к 2050 г. число мальчиков, рождающихся ежегодно, будет на 12–15 тыс. больше, чем число девочек.

Коэффициент рождаемости значительно снизился (рис. 3). Следует отметить, что общий коэффициент рождаемости (фертильности) показывает, сколько детей в среднем может родить женщина за репродуктивный период. В сельской местности снижение больше, чем в городах. Указанный показатель снизился с 2,2 до 1,7 в сельской местности и с 1,6 до 1,4 в городской местности. Факторы, способствующие ухудшению коэффициента фертильности: увеличение числа разводов, увеличение числа аборт из-за девочек, трудности, связанные с условиями жизни, омоложение смертности и др.

Снижение коэффициента рождаемости также наблюдается во всем мире: по данным Всемирного банка, этот показатель снизился с 2,7 в 2000 г. до 2,3 в 2021 г.

Ранние браки в сельской местности Азербайджана

Известно, что ранние браки заставляют девочек бросать школу, повышают риски осложнений во время беременности и родов. ЮНИСЕФ оценивает ранние браки как ситуацию, угрожающую жизни, благополучию и будущему девочек во всем мире. По данным организации, примерно каждая пятая девушка в мире рано выходит замуж. «Причины ранних браков различаются в разных странах и культурах. Однако основными причинами являются бедность, отсутствие возможностей для получения образования и ограниченный доступ к услугам здравоохранения. Некоторые семьи выдают своих дочерей замуж, чтобы уменьшить свое экономическое бремя или получить доход, в то время как другие делают это, потому что верят, что это обеспечит будущее их дочерей или защитит их»¹.

¹ UNICEF. Конвенция о правах ребенка. 1989. URL: <https://www.unicef.org/protection/child-mar>

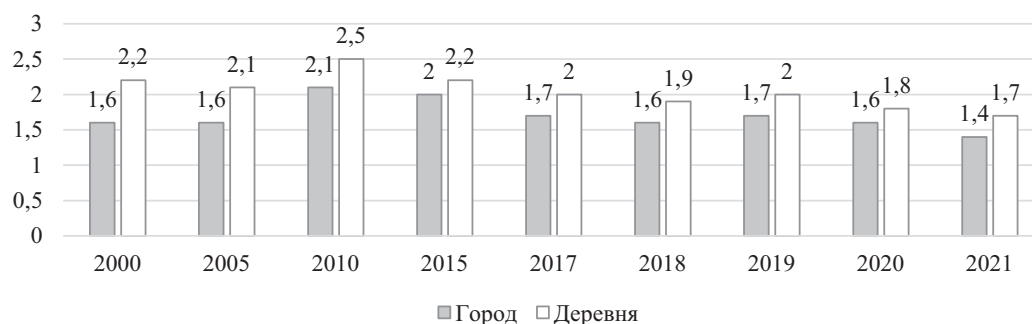

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости по месту жительства

Fig. 3. The total fertility rate at the place of residence

Источник: Официальный сайт Всемирного банка. Прирост сельского населения (годовой%).

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZG>. (дата обращения: 19.05.2023)

По данным Фонда народонаселения ООН, «каждый день в развивающихся странах рождают 20 000 девочек в возрасте до 18 лет. Это означает 7,3 млн детей в год. Ранняя беременность заставляет девочек бросать школу и снижает перспективы трудоустройства. Таким образом, девочка становится более уязвима перед бедностью, а ее здоровье подвергается опасности. Осложнения беременности и родов являются основной причиной смерти девочек-подростков. Подростковая беременность часто не является результатом их выбора, эти девушки часто не принимают решения о своей жизни. Наоборот, ранняя беременность связана с плохим доступом к школьному обучению, информации или медицинскому обслуживанию или с его отсутствием. Кроме того, в каждом регионе мира, даже в странах с высоким уровнем дохода, риск беременности выше среди девочек, живущих в сельской местности, чем в городах»¹.

Отметим, что предотвращение ранних браков входит в цели Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития. Таким образом, ООН призывает страны к глобальным действиям по прекращению детских браков к 2030 г.

«За последние 5 лет количество девушек в возрасте до 18 лет, рано вступивших в брак, в мире сократилось на 10 процентов. Однако из-за экономических потрясений, закрытия школ и социальных трудностей во время пандемии COVID-19 количество девушек в этой группе риска сократилось, и в 2021 году доля девушек, рано вступающих в брак, увеличилась до 20 процентов. Ранние браки более распространены в странах Африки к югу от Сахары и Южной Азии. В этих регионах процент девочек, вышедших замуж в детстве, составил соответственно 35 и 28 процентов»².

Подростковая беременность является глобальным явлением, имеющим причины и серьезные медицинские, социальные и экономические последствия. Хотя статистические данные показывают, что число подростковых рождений во всем мире сокращается, эта ситуация различается в зависимости от региона. Подростковая беремен-

ность чаще встречается среди населения с более низким уровнем образования и более низким экономическим статусом.

Согласно анализу показателя ранних браков, который является одним из показателей субиндекса индекса социального прогресса под названием «личная свобода и выбор», страной с наименьшим количеством ранних браков среди стран мира является Северная Корея, а страной с наибольшим количеством ранних браков является Нигерия. Хотя позиция нашей страны по этому показателю хорошая по сравнению с некоторыми соседними странами (Грузия, Иран), но его состояние неудовлетворительное [11].

Следует отметить, что ранние браки исторически были характерны для населения Азербайджана. Профессор Ш. Мурадов отмечает, что в южных и северных районах нашей республики, особенно в селах, стали традицией случаи выдачи девушек замуж в 15–16 лет, даже в 13–14 лет. «В некоторых регионах, особенно в сельской местности, такие браки и дети, рожденные от этих браков, во многих случаях держались в тайне от общества и официальных государственных органов, что в конечном итоге вызывало серьезные проблемы для этих семей и возникновение внутрисемейных конфликтов» [1]. Профессор оценивает повышение брачного возраста для девушек с 16 до 18 лет с 1967 г. как очень положительное с точки зрения того, что девушки тратят свое время на обучение и приобретение профессий и квалификации, прежде чем выйти замуж и заботиться о детях.

Однако в сельской местности нашей республики велико количество девушек, ставших матерями в раннем возрасте. В сравнительных 2000–2021 гг. число матерей в возрасте до 20 лет в сельской местности было самым высоким в 2015 г. (табл. 3). Снижение этого показателя наблюдается в последующие годы. Из 58 519 детей, родившихся в 2021 г., 6 637, или 11,3 %, родились от матерей в возрасте до 20 лет.

9 147, или 15,6 %, живорожденных детей родились у женщин в возрасте 30–34 лет. В анализируемый период женщины 20–34 лет играли решающую роль в обеспечении естественного воспроизводства населения в сельской местности. Также увеличилась частота родов у женщин в возрасте 50 лет и старше. Если в 2000 г. от женщин этого возраста в сельской местности родилось 13 детей, то в 2021 г. их стало 23. Число детей, рожденных женщинами в возрасте 50 лет и старше, также увеличилось в городских районах. В городах

riage. (дата обращения: 28.03.2023).

¹United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/adolescent-pregnancy#readmore-expand>. (дата обращения: 24.03.2023);

² Государственный комитет по Статистике Азербайджанской Республики. Цели устойчивого развития. Баку, 2022. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/DIM_stat_2022.zip. (дата обращения: 22.03.2023).

Таблица 3
Table 3**Число живорожденных по возрасту матери по возрастным группам в сельской местности, чел.**
The number of live births by maternal age by age group in rural areas, people

Год	до 20 лет	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	Старше 50 лет
2000	7 288	26 172	17 835	10 392	4 506	1 082	75	13
2005	9 998	33 819	19 995	8 507	3 948	1 154	107	11
2010	13 432	37 995	20 542	7 985	3 016	845	68	8
2015	12 123	38 053	22 055	9 117	2 986	659	55	13
2019	9 932	29 734	20 265	9 003	2 930	579	63	8
2020	8 419	25 782	18 614	8 762	2 831	569	60	19
2021	6 637	21 805	17 308	9 147	2 953	584	62	23

Источник: Демографические показатели Азербайджана. Число живорождений по возрасту матери. URL: https://www.stat.gov.az/source/demography/az/003_1.xls (дата обращения: 03.06.2023).

женщины этого возраста родили в 2021 г. 23 ребенка, в 2020 г. — 42 ребенка, в 2000 г. — 10 детей.

Средний возраст рожениц в сельской местности ниже, чем в городах. В 2021 г. этот показатель составил 27,5 лет в городах и 25,5 лет в сельской местности.

«Роды вне брака» относятся к женщинам, не состоящим в законном браке на момент родов. Сюда входят роды у матерей, которые одиноки или живут с партнером. «Примерно 42 % рождений в странах ОЭСР происходят вне брака. В 13 странах ОЭСР (Бельгия, Дания, Эстония, Франция, Исландия, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Словения и Швеция) более 50 % детей рождаются вне брака. В Мексике (70 %), Коста-Рике (73 %) и Чили (75 %). Напротив, в четырех других странах ОЭСР (Израиль, Япония, Корея и Турция) менее 10 % детей рождаются вне брака. В последние десятилетия доля детей, рожденных вне брака, увеличилась во всех странах ОЭСР»¹.

Дело в том, что гражданский брак имеет такой же правовой статус, как и официальный брак во всех странах Евросоюза. Кроме того, национальные правила заключения брака отличаются друг от друга в странах, входящих в состав Европейского союза. Так, в одних странах религиозный брак считается приравненным к гражданскому браку, а в других — неравным².

«В развитых странах снижается интерес насе-

ления, особенно молодежи, к гражданскому браку и созданию семьи. Эти молодые люди предпочитают быть более свободными и свободно мыслить» [9].

Процесс глобализации, как и во многих областях, вызвал «радикальные изменения и новации в образе жизни людей и правилах общества, в социальной структуре и социальном управлении, в характере общественных отношений» [15]. Хотя в Азербайджане признаны только официальные браки, в стране есть люди, живущие в религиозном и гражданском браке. Также неоднозначно отношение нашего общества к живущим в гражданском браке. Люди, проживающие в некоторых регионах, где распространен религиозный традиционализм, довольствуются религиозным приютом. Хотя анализ статистических данных показывает, что количество детей, рожденных женщинами в незарегистрированных браках, уменьшилось, эта проблема всё еще остается. В этом отношении необходимо повышать осведомленность граждан.

Хотя число детей, рожденных женщинами в незарегистрированных браках, в сельской местности уменьшилось, оно более распространено, чем в городах. В 2021 г. 11 тысяч, или 62,6 %, из 17 566 детей, рожденных вне брака в стране, родились в сельской местности (рис. 4). В 2021 г. доля детей, рожденных женщинами в незарегистрированных браках, составляет 18,8 % от общего числа рожденных младенцев.

В городской местности количество детей, рожденных женщинами в незарегистрированных браках, составляет 6 566 человек, или 12,2 %. Число детей, рожденных от незаконных браков, в Баку в 2021 г. составило 1 913 человек.

¹ OECD Family Database. URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_2_4_Share_births_outside_marriage.pdf. (дата обращения: 21.05.2023).

² An official website of the European Union. URL: https://europa.eu/youreurope/citizens/family/couple/marriage/index_en.htm. (дата обращения: 21.05.2023).

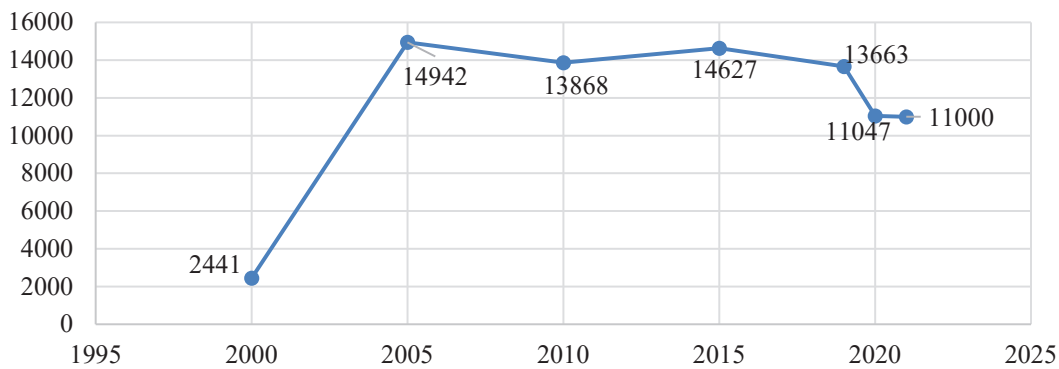

Рис. 4. Численность детей, рожденных женщинами в незарегистрированных браках в сельской местности, чел.

Fig. 4. The number of children born to women in unregistered marriages in rural areas, people
 Источник: Государственный комитет статистики Азербайджана. Демографические показатели Азербайджана. Баку, 2022. URL: <https://www.stat.gov.az/>. (дата обращения: 13.05.2023)

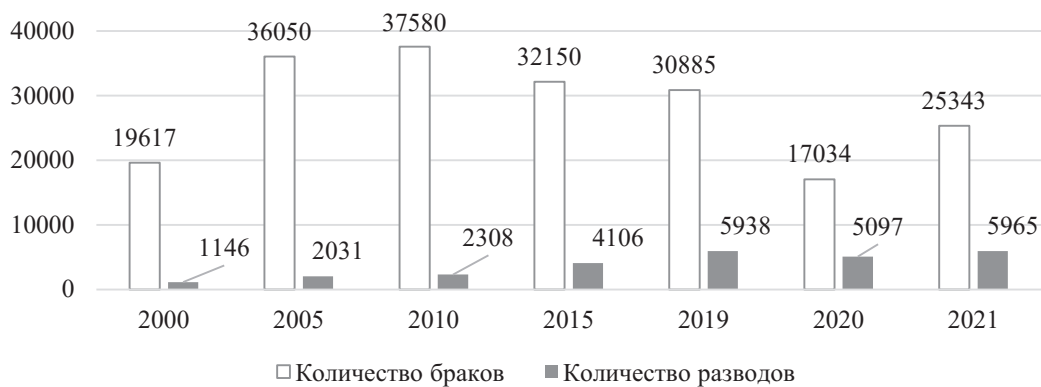

Рис. 5. Количество официально зарегистрированных браков и разводов в сельской местности, чел.

Fig. 5. The number of officially registered marriages and divorces in rural areas, people
 Источник: Демографические показатели Азербайджана. Число и общее соотношение официально зарегистрированных браков и разводов. https://www.stat.gov.az/source/demography/az/006_1.xls. (дата обращения: 15.03.2023).

Анализ современной ситуации браков и разводов сельского населения Азербайджана

Анализ демографической ситуации в сельской местности вызывает необходимость изучения динамики показателей количества браков и разводов.

Согласно законодательству Азербайджанской Республики предельный возраст вступления в брак установлен в 18 лет для обоих полов. Семейные и брачные права в нашей республике отражены в Семейном кодексе Азербайджанской Республики. Согласно ст. 34 Конституции Азербайджанской Республики, озаглавленной «Право на брак», «брак заключается на основе взаимного согласия, брак находится под защитой государства, права мужа и жены равны»¹.

В течение сравниваемых 2000–2021 гг. по обо-

им показателям наблюдались взлеты и падения (рис. 5). Количество браков увеличилось с 19 617 до 25 343. Больше всего браков было заключено в 2010 г. (37 580 браков). На динамику брака также повлияла пандемия Covid-19. Так, в период пандемии на резкое снижение числа браков в 2020 г. повлиял запрет торжеств, ограничение выезда с места жительства и перенос большинства запланированных браков среди населения. За этот период в сельской местности официально зарегистрировано 17 034 брака. В 2021 г. количество браков составило 25 343.

Причины развода многофакторны и различаются в зависимости от страны и региона. Причины разводов в богатых и бедных странах отличаются друг от друга. На низкое количество разводов влияют такие факторы, как религия, законы о расторжении брака, социальная поддержка разведенного населения и отсутствие возможностей трудоустройства.

¹ Конституция Азербайджанской Республики. [принята 12.11.1995]. URL: <https://www.e-qanun.az/framework/897>. (дата обращения: 04.04.2023).

Есть также факторы, которые способствуют высокому уровню разводов.

В одних странах этот фактор связан с тем, что бракоразводный процесс проходит быстро и дешево, а в других — с тем, что женщины образованны и имеют финансовую свободу. Наиболее распространенными причинами развода являются измена, ранний брак, финансовые трудности, наркомания и насилие в семье. В целом причины разводов можно классифицировать как экономические, социальные, социально-биологические, демографические и психологические факторы. «Развод в нашей стране связан с изменением структуры и функций семьи, особенно в результате повышения уровня образования и занятости, экономической независимости женщин, улучшения семейных отношений, увеличения спроса и, дело в том, что брак всё больше основывается на любви, взаимных отношениях и интересе» [2].

За сопоставимый период количество разводов в сельской местности увеличилось в 5,2 раза. Количество разводов увеличилось с 51146 до 5965. В течение 2019–2021 гг. наблюдается резкий рост числа разводов.

Следует отметить, что увеличилось количество браков и разводов и в городской местности. В 2021 г. количество официально зарегистрированных браков на тысячу человек в городах составило 5,8 (в сельской местности 5,4), а количество разводов — 2,1 (в сельской местности 1,3), что больше, чем в сельской местности.

Заключение

Индустриализация ускорила процесс урбанизации во всём мире, особенно в развитых странах. В развитых индустриальных странах сель-

ское население сокращается, а городское увеличивается. По данным Всемирного банка, 44 % населения мира в настоящее время проживает в сельской местности.

В исследуемый период в Азербайджане, до 2021 г., численность городского населения из года в год постепенно увеличивалась. Однако начало возвращения на наши земли, освобожденные от оккупации, дает надежду на то, что в ближайшем будущем мы будем наблюдать противоположную вышеупомянутой тенденции. То есть потенциал наших освобожденных земель позволит нам и дальше развивать нашу экономику в сельской местности и люди будут переезжать из городов в сельскую местность, чтобы жить и работать более охотно.

На демографические процессы, происходящие в мире, также повлияла пандемия Covid-19. В Азербайджане снижение естественного прироста населения в последние годы также было связано с пандемией Covid-19. Пандемия Covid-19 также повлияла на снижение количества браков в сельской местности Азербайджана.

Кроме того, демографическая ситуация и уровень жизни в сельской местности Азербайджана имеют уникальные особенности. Хотя уровень жизни и социальной защищенности сельского населения в Азербайджане низок по сравнению с городским населением, естественный прирост высок. Рождаемость значительно снизилась. В сельской местности больше всего детей рожали женщины в возрасте 20–29 лет. Женщины в возрасте 20–34 лет сыграли решающую роль в обеспечении естественного прироста населения в сельской местности.

Список источников

1. Мурадов, Ш. М. Демографическое развитие Азербайджанской Республики: исторические изменения, новые тенденции, проблемы (1828–2020-е годы). Баку, 2021.
2. Мурадов Ш. М. Динамика и структура населения Азербайджанской Республики: основные демографические и этнодемографические показатели (1897–2007 гг.). Баку, 2008.
3. Гулиев, Дж. Б. Уровень жизни: Социально-экономические факторы, вызывающие и снижающие бедность. Баку, 2011.
4. Гурбанова И. М. Основные приоритеты профессионального образования и обучения в повышении эффективной занятости // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). С. 102–114.
5. Мамедзаде И. Р. Социология жизни. Баку, 2018.
6. Мехбалиев С., Искендеров Р. Рынок труда и социальная защита населения. Баку, 2002.
7. Алиева Ж. Р. Роль и значение профессионального образования в повышении уровня жизни сельского населения Азербайджана // Ассоциация финансовых исследований. Международный конгресс социальных, политических и финансовых исследований (USSMAK). Турция, 2023. С. 59–65.

8. Алиева Ж. Р. Анализ некоторых социальных факторов, влияющих на уровень жизни сельского населения Азербайджанской Республики // Экономисты. Тбилисский государственный университет имени Иване Джавахишвили. Международный рецензируемый научно-аналитический журнал Института экономики имени Пааты Гугушвили. 2021. № 1. С. 106–112.
9. Салманова Н. А. Развитие семейно-брачных отношений в Азербайджане. Баку, 2013.
10. Мурадов Ш. М., Бахиш Ч. А. Этнодемографические процессы в Азербайджанской Республике: исторические изменения и факты. Баку, 2013.
11. Индекс социального прогресса-2020: улучшение положения Азербайджана : коллективная монография / под науч. ред. Р. С. Абдуллаева. Баку, 2021.
12. Мамедов Р. Азербайджанская семья: вчера и сегодня. Баку, 2018.
13. Алиева Ж. Р. Оценка региональных различий в структуре денежных доходов и потребительских расходов населения и некоторых факторов, влияющих на них // Журнал Бакинского инженерного университета. 2018. № 1. С. 75–81.
14. Блинова Т. В., Былина С. Г. Среднесрочный прогноз численности сельских женщин репродуктивного возраста. Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2020.
15. Гезалов А. А. Глобализация как результат трансформаций // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : сборник материалов международной научной конференции. 2010. С. 64–66.

References

1. Muradov ShM. Demographic development of the Azerbaijan Republic: historical changes, new trends, problems (1828–2020years). Baku, 2021. (In Azerb.).
2. Muradov ShM. Dynamics and structure of the population of the Republic of Azerbaijan: main demographic and ethno-demographic indicators (1897–2007). Baku, 2008. 122 p. (In Azerb.).
3. Guliyev C. Standard of living: Socio-economic factors causing and reducing poverty. Baku, 2011. (In Azerb.).
4. Gurbanova İM. The main priorities of vocational education and training in increasing effective employment. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(2):102-114 p. (In Russ.).
5. Mamedzade İR. Sociology of life. Baku, 2018. (In Azerb.).
6. Mechbaliyev S, İskenderov R. Labor market and social protection of the population. Baku, 2002. (In Azerb.).
7. Aliyeva ZhR. The role and importance of vocational education in improving the living standards of the rural population of Azerbaijan. In: *Assosciaciya finansovyh issledovanij. Mezhdunarodnyj kongress social'nyh, politicheskij i finansovyh issledovanij (USSMAK). Turciya = Association of Financial Research. International Congress of Social, Political and Financial Studies (USSMAK). Türkiye*. 2023. Pp. 59–65. (In Azerb.).
8. Aliyeva ZhR. Analysis of some social factors influencing the standard of living of the rural population of the Azerbaijan Republic. *Ekonomisty. Tbilisskij gosudarstvennyj universitet imeni Ivane Dzhavahishvili Mezhdunarodnyj recenziruemyj nauchno-analiticheskij zhurnal Instituta ekonomiki imeni Paaty Gugushvili = Ekonomisti. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University Paata Gugushvili Institute of Economics International Reviewed Scientific-Analytical Journal*. 2021;(1):106-112. (In Azerb.).
9. Salmanova NA. Development of family and marriage relations in Azerbaijan. Baku, 2013. 98 p. (In Azerb.).
10. Muradov ShM, Bachish Ch. Ethnodemographic processes in the Republic of Azerbaijan: historical changes and facts. Baku, 2013. (In Azerb.).
11. With the scientific editorship of Abdullayeva R. S. Social Progress Index 2020: İmproving the situation of Azerbaijan. Baku, 2021. (In Azerb.).
12. Mamedov R. Azerbaijani family: yesterday and today. Baku, 2018. (In Azerb.).
13. Aliyeva ZhR. Assessment of regional differences in the structure of cash income and consumer expenditures of the population and some factors influencing them. *Zhurnal Bakinskogo Inzhenernogo Universiteta = Journal of the Baku Engineering University*. 2018;(1):75-81. (In Azerb.).
14. Blinova TV, Bylina SG. Medium-term forecast of the number of rural women of reproductive age. In: *Social aspects of population health [online publication]*. 2020. (In Russ.).
15. Gezalov AA. Globalization as a result of transformations. In: *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj*

nauchnoj konferencii “Sud’by nacional’nyh kul’tur v usloviyah globalizacii” = Collection of materials from the International Scientific Conference “The Fates of National Cultures in the Conditions of Globalization”. 2010. Pp. 64–66. (In Azerb.).

Информация об авторе

Ж. Р. Алиева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник (Азербайджанская Республика Министерство Науки и Образования Институт Экономики), преподаватель (Азербайджанский Университет, кафедра «Экономика и управление»).

Information about the author

Zh. R. Aliyeva — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher (Azerbaijan Republic Ministry of Science and Education Institute of Economics), Lecturer (Azerbaijan University, Department of Economics and Management).

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 18.06.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 67–78.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(12(482):67-78. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.147

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-67-78

СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ В КОРПОРАТИВНОМ СЕКТОРЕ ТРУБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Сергей Петрович Сазонов¹, Ирина Александровна Езангина^{2✉},
Павел Михайлович Тимофеев³

¹ Волгоградский государственный технический университет, Россия, Волгоград, sazonovsp08021951@gmail.com, ORCID 0000-0003-3485-8390

² Волгоградский государственный технический университет, Россия, Волгоград, ezangirina@rambler.ru, ORCID 0000-0002-9441-4401

³ Волгоградский государственный технический университет, Россия, Волгоград, easternparzival@gmail.com, ORCID 0009-0009-7071-8820

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определена значимостью слияний и поглощений как современных инструментов расширенного диверсифицированного роста, прямого инвестирования, производственной синергии, преодоления усиливающихся рисков внешней среды компаний. В работе уточнено содержание процессов слияния и поглощения с позиции реорганизации и развития бизнеса, доминирующего и частичного акционерного контроля. Подчеркнута высокая концентрированность трубной отрасли России, которая обусловлена исторической территориальной концентрацией ключевых предприятий отрасли и современными тенденциями укрупнения и движения в направлении крупномасштабной олигополии на внутреннем рынке. В основе слияний отмечены признаки как вертикальной, так и горизонтальной интеграции, с нацеленностью на формирование модели бизнес-единиц, каждая из которых представляет собой укрупненный производственный комплекс. Ключевой движущей силой признан растущий внутренний спрос на трубную продукцию предприятий нефтегазового сектора, коммунальной инфраструктуры в контексте приоритетов национальной стратегии развития и активной государственной политики проектного финансирования. Доказано непротиворечивое сочетание инструментов жесткой интеграции с программами технологического сотрудничества со стратегическими контрагентами. Признаки слияния отмечены на уровне консолидации внутренних активов инфраструктурных подразделений крупных компаний металлургической отрасли.

Ключевые слова: слияние, поглощение, межфирменный стратегический альянс, трубная промышленность, концентрация активов и капитала, диверсификация бизнеса

Для цитирования: Сазонов С. П., Езангина И. А., Тимофеев П. М. Слияния и поглощения в корпоративном секторе трубной промышленности России // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 67–78. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-67-78.

Original article

MERGERS AND ACQUISITIONS IN THE CORPORATE SECTOR OF THE RUSSIAN PIPE INDUSTRY

Sergey P. Sazonov¹, Irina A. Ezangina^{2✉}, Pavel M. Timofeev³

¹ Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, sazonovsp08021951@gmail.com, ORCID 0000-0003-3485-8390

² Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, ezangirina@rambler.ru, ORCID 0000-0002-9441-4401

³ Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, easternparzival@gmail.com, ORCID 0009-0009-7071-8820

Abstract. The relevance of this study is determined by the significance of mergers and acquisitions as modern tools for expanded diversified growth, direct investment, production synergy, and overcoming the increasing risks of companies' external environment. The work clarifies the content of mergers and acquisitions from the perspective of reorganization and business development, dominant and partial shareholder control. The high concentration of the Russian pipe industry is emphasized, which is due to the historical territorial concentration of key enterprises in the industry and modern trends of consolidation and movement towards a large-scale oligopoly in the domestic market. The mergers are based on signs of both vertical and horizontal integration, with a focus on creating a model of business units, each of which represents an enlarged production complex. The key driving force is recognized as the growing domestic demand for pipe products from enterprises in the oil and gas sector and municipal infrastructure in the context of the priorities of the national development strategy and the active state policy of project financing. A consistent combination of tight integration tools with technological cooperation programs with strategic counterparties has been proven. Signs of a merger were noted at the level of consolidation of internal assets of infrastructure divisions of large companies in the metallurgical industry.

Keywords: merger, acquisition, intercompany strategic alliance, pipe industry, concentration of assets and capital, business diversification

For citation: Sazonov SP, Ezangina IA, Timofeev PM. Mergers and Acquisitions in the Corporate Sector of the Russian Pipe Industry. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):67-78. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-67-78.

Введение

Современные условия бизнес-среды заставляют компании трансформироваться с высокой динамичностью, ускоренными темпами улучшать экономические процессы и повышать эффективность сотрудничества на рынке капитала. Исходя из сложившейся ситуации наиболее эффективным инструментом для поддержания деятельности бизнеса признается реорганизация, которая может проводиться в различных формах: начиная с реинжиниринга процессов внутри компании до модернизации, корпоративной реструктуризации и технического перевооружения. В среде российского бизнеса реорганизация преобладает в формах слияния или поглощения¹.

Подразумевается реорганизация, протекающая как слияние капитала и присоединение одного юридического лица к другому. Слияние определяется как создание нового юридического лица путем объединения капиталов, долгов и активов двух и более юридических лиц, в соответствии с Гражданским кодексом РФ, Законом «Об акционерных обществах», Законом «Об обществах с ограниченной ответственностью». Известны горизонтальное, вертикальное, параллельное, конгломератное слияния, объединение в форме реорганизации.

С позиции действующего законодательства, более радикальный характер объективно носит поглощение одного предприятия другим, под которым признается приобретение последним кон-

трольного пакета акций первого. При этом поглощаемое предприятие трактуется холдинговой компанией (если это не имело места ранее), а поглощающее — ее дочерним предприятием. Часто поглощение связано с тендерными предложениями, характеризующимися особой враждебностью и прямым намерением к поглощению чужого бизнеса [9].

Современный взгляд на «слияния» и «поглощения»

В настоящем часто имеет место смешение трактовок «слияния» и «поглощения». П. Гохан акцентирует внимание на процессе слияния как объединении корпораций, при котором компания, поглощающая другую, перенимает все обязательства и активы второй. После чего поглощенная компания перестает существовать [2].

Д. Депаффилис описывает результат слияния как сохранение одной компанией своего юридического лица, в то время как акционеры компании-таргета (цели) производят обмен акций на акции компании-поглотителя. Данный процесс автор называет приобретением обязательств и активов поглощенной фирмы. Аналогичную трактовку процессов можно наблюдать у А. Дамодарана, который таким же образом концентрирует внимание на том, что поглощенная компания становится частью компании поглотителя и перестает существовать. Данный подход подразумевает собой рассмотрение сделки по слиянию активов компаний, фокусируясь на рыночной оценке активов и в перспективе — увеличении их стоимости.

¹ Динамика цен на металл: сайт. URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/metalmarket/statistics> (дата обращения: 10.03.2023).

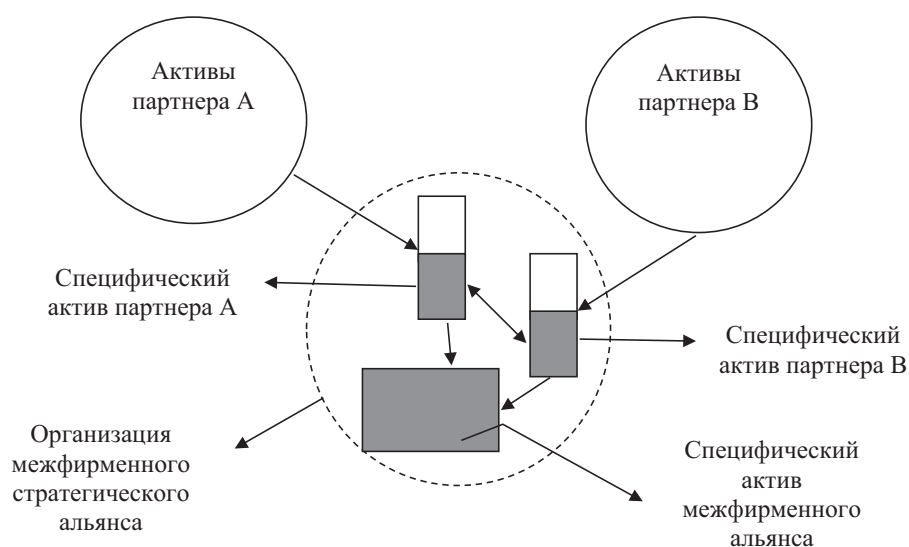

Рис. 1. МСА как форма отношенческого контракта

Fig. 1. ISA as a form of a relational contract

Источник: составлено авторами на основе [11]

В свою очередь Е. Г. Чернова трактует термин «слияние» как специфическую форму сделки по поглощению. Эта специфика заключается в том, что в процессе такого слияния сразу две компании перестают существовать как юридическое лицо, а взамен формируется новая компания с юридической самостоятельностью. Новое юридическое лицо имеет право перенять название одной из фирм, участвующих в сделке.

А. А. Бегаева утверждает, что слияние связано с процессом установки контроля над поглощаемой компанией посредством приобретения пакетов акций, долей в уставном капитале и иной собственности. Слиянием может признаваться интеграция двух и более обществ в связи с внесением вкладов в уставный капитал¹.

Резюмируя, считаем, что в основе современных форм слияний лежит покупка/поглощение одной компании (нескольких компаний) другим юридическим лицом. В случае с покупкой слияние происходит на основе доминирующего частичного контроля, а в случае с поглощением — на основе преобладающего частичного контроля [7].

В том случае, если имеет место дружественное объединение активов, то его следует трактовать межфирменным стратегическим альянсом (МСА). В отличие от традиционных вертикально интегрированных комплексов стратегической

альянс является формой межфирменного взаимодействия сохраняющих самостоятельность участников. Речь идет о неполном отношенческом контракте, основанном на объединении специфических с позиции альянсового взаимодействия активов, но несоизмеримых по масштабу с основным капиталом каждого участника (рис. 1).

Среди мотивационных факторов процессов слияния и поглощения («Mergers and Acquisitions» (M&A) — «слияние и «приобретение»): рост бизнеса, увеличение эффективности, уменьшение издержек производства, расширение влияния и монополизация деятельности, диверсификация бизнеса, синергия, решение вопросов долговой нагрузки, воспроизводство инноваций на перманентной основе. Авторы считают, что вступление в альянсовые отношения в настоящем имеет более локальное целеполагание, в основном связанное с достижением конечного эффекта от временного объединения взаимодополняемых факторов, лежащих в основе создания «открытых инноваций». При этом в основе институционального механизма МСА лежит доверие, которое, с течением времени повышая вероятность оппортунистического поведения партнеров по отношению друг к другу, а также операционные и отношенческие риски взаимодействия, перестает быть залогом эффективного сотрудничества и снижает популяризацию практики МСА в рыночной среде.

В пользу слияний и поглощений свидетельствует и тот факт, что в некоторых отраслях, в частности в российской трубной промыш-

¹ Савосин Д., Бахтина О. ТМК закрыла сделку по покупке ЧТПЗ// Neftegaz.RU. 2021. URL: <https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/671209-tmk-zakryla-sdelku-po-pokupke-chnpz/> (дата обращения: 18.12.2022).

ленности, консолидация активов и капитала — не столько инструмент дальнейшей монополизации отечественных рынков присутствия, сколько расширения вертикальной и горизонтальной интеграции, формирования выгодных позиций в глобальной олигополии рынков факторов производства, укрепления стратегической безопасности государства.

Движущие силы и проявления слияний и поглощений в трубной промышленности России

Следует обратить внимание на ряд особенностей становления и развития трубной промышленности России. Речь идет о крупной отрасли российской металлургии, исторически масштабно представленной в Уральском, Поволжском и Южном округах. Традиционными конкурентными преимуществами отрасли признаются: наличие энергосырьевых ресурсов, недорогая рабочая сила, высокий уровень организации труда, солидные инвестиционные вливания государства, сопряженная стратегия развития со смежными отраслями экономики.

Концентрированное развитие отрасли получила в советские времена, что связано с высокими темпами комплексного роста в нефтяной и газовой промышленности, энергетике, машиностроении, приборостроении, строительстве железных дорог и составов, мелиорации, оборонной промышленности. Во времена СССР уровень технической оснащенности и технологий в производстве трубного сектора соответствовал мировым тенденциям развития, а автоматизация и механизация производственных процессов признавались локомотивами перспективного роста. Даже несмотря на времена первых пятилетних планов и послевоенный период, когда большая часть оборудования импортировалась (в основном из Германии и США), страна осуществляла расширение производственных мощностей и за счет отечественного оборудования, начиная с 1950-х гг. Уровень производительности и техники отечественного образца того времени превосходил лучшие зарубежные образцы крупномасштабного производства.

Подчеркиваем, что в России новейшей истории отечественные компании признавались значимыми игроками мирового рынка стальных труб, на которые приходилось около 5–7 % мирового экспорта. В период с 2017 по 2020 г. общий объем экспортируемой продукции составил 2 млн т в год и более, с учетом потребностей строитель-

ства морских газопроводов¹. Важно подчеркнуть, что отечественные производители освоили производство премиальной продукции, необходимой для нефтедобывающей промышленности на шельфе и в условиях Крайнего Севера.

На данный момент трубная отрасль России включает в себя восемь основных игроков (заводов), а также 54 производства, выпускающие трубы сварного сортамента. При этом отрасль следует признать высококонцентрированной, поскольку на долю трех крупнейших компаний приходится обобщенно по всем продуктовым позициям 80 % совокупного объема реализации на внутреннем рынке (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Крупнейшие игроки трубной отрасли РФ The largest players in the Russian pipe industry

Наименование	Занимаемая доля рынка, %
Трубная металлургическая компания (ТМК)	41,0
Объединенная металлургическая компания (ОМК)	34,0
ЗАО «Ижорский трубный завод»	5,0
Прочие	20,0

Источник: составлено авторами на основе [10].

Согласно табл. 1 основную долю трубного сектора РФ занимают ТМК и ОМК, тенденциозно наращивающие свое влияние. Объективно работа зарубежных дивизионов этих компаний стала невозможной в условиях экономических санкций, направленных на бизнес и персонал акционеров. Созданные производственные мощности и инвестиционный потенциал вынужденно подлежат перераспределению в масштабах внутреннего рынка страны посредством известных инструментов слияния и поглощения. Речь идет именно о внутренних слияниях и поглощениях.

Для производства труб нефтегазового сортамента и труб большого диаметра (ТБД) характерна наивысшая концентрация. В период с 2021 г. известны всего два производителя бесшовных труб, пять производителей (ТБД) и четыре производителя сварных труб OCTG (нефтегазодобыча). Сегменты сварных труб малого и среднего диаметра, а также профильных труб демонстрируют наименьшую концентрацию (табл. 2).

¹Заводы ТМК отошли на сербскую сторону: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5783900> (дата обращения: 16.12.2022)

**Коэффициенты концентрации производства труб в 2021 г.
Concentration coefficients of pipe production in 2021**

Группа предприятий	Трубы					
	Сварные, наруж- ным диаметром не более 406,4 мм, стальные	Сварные, наруж- ным диаметром более 406,4 мм, стальные, в т. ч.:	стальные для нефте- и газопроводов бес- шовные	обсадные, насо- чно-компрессор- ные трубы и бу- рильные трубы	стальные волога- зопроводные	некруглого сече- ния и профили пустотелые, стальные
По трем предприятиям	54,49	80,15	78,4	63,21	65,81	61,75
По четырем предприятиям	63,97	89,52	95,14	79,3	81,09	73,07
По шести предприятиям	77,49	96,31	99,6	95,33	99,72	87,54
По восьми предприятиям	86,96	100,00	100,00	99,93	100,00	95,76

Источник: составлено авторами на основе данных fedstat.ru (Коэффициенты концентрации производства по видам продукции (в соответствии с ОКПД2). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58998> (дата обращения: 16.03.2023).

Увеличение динамики слияний и поглощений в корпоративной сфере трубных компаний и предприятий за период последних трех лет объясняется необходимостью оперативной смены стратегий производств под влиянием увеличивающегося внутреннего спроса на продукцию трубной промышленности от нефтегазового сектора. Например, для ускоренной прокладки трубопроводов «Сила Сибири» в 2023–2024 гг. прогнозируется увеличение объемов производств от основных производителей: Челябинского трубопрокатного завода, Ижорского трубного завода и Выксунского металлургического завода. Ожи-

дается, что в будущем спрос на ТБД в России будет поддерживаться и растущими потребностями Газпрома в связи с потенциальными новыми проектами Бованенково-Ухта 3, Ухта-Торжок 3 (рис. 2).

Проект «Восток Ойл» (ПАО «НК «Роснефть»») для проведения строительно-монтажных работ согласно плану нуждается в поставках металлоконструкций, резервуарного парка и вспомогательных металлоемких элементов с производства ТМК. Дополнительным драйвером роста спроса на трубы большого диаметра может стать отечественная программа газификации,

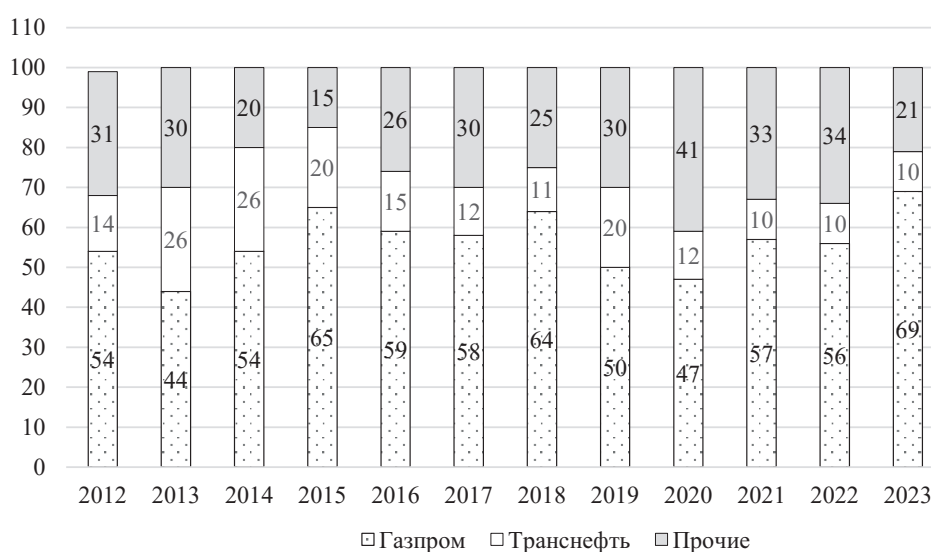

Рис. 2. Динамика спроса на трубы большого диаметра ТМК в 2012–2023 гг. (прогноз), %

Fig. 2. Dynamics of demand for TMK large diameter pipes in 2012–2023 (forecast), %

Источник: составлено авторами на основе данных ТМК (TMK IR PRESENTATION. URL: <https://www.tmk-group.ru/storage/files/s-903/948/tmk-ir-presentation-dec-2021q3-v-2.pdf> (дата обращения: 10.01.2023))

Рис. 3. Программы технологического сотрудничества ТМК

Fig. 3. TMK's technological cooperation programs

Источник: составлено авторами на основе данных ТМК (TMK IR PRESENTATION).

URL: <https://www.tmk-group.ru/storage/files/s-903/948/tmk-ir-presentation-dec-2021q3-v-2.pdf>
(дата обращения: 10.01.2023))

предполагающая строительство 24 000 км новых газопроводов.

При этом практику слияний и поглощений ТМК дополняет инструментами «мягкой» интеграции с ведущими стратегическими заказчиками (рис. 3).

Отмечено также увеличение спроса на сварные трубы со стороны института государства для модернизации изношенной инфраструктуры ЖКХ (сетей водоснабжения, теплоснабжения и водоотведения): на начало 2023 г. утверждены 14 региональных программ модернизации коммунальной инфраструктуры с объемом финансирования из федерального бюджета в 2023–2024 гг. в размере 130 млрд руб.¹

В период 2020 г. ТМК, являясь крупнейшим производителем труб на территории России, приобрел металлургическое предприятие ООО

¹ 14 регионов получают около 16 млрд рублей для модернизации ЖКХ сайт. URL: <http://government.ru/news/47596/> (дата обращения: 05.03.2023).

«Парус» (в настоящем ООО «ТМК—ЯМЗ»). Также приобрел 100%-ную долю участия в уставном капитале ООО «Трубы 2000», после чего выкупил контрольный пакет ОАО «Ракитянский арматурный завод» и ОАО «Гусь-Хрустальное ремонтно-техническое предприятие», которые являлись подконтрольными ООО «Трубы 2000». ТМК увеличил долю до 75 % в уставном капитале АО «Уралчермет».

В 2021 г. ТМК совершил покупку 86,54 % Челябинского трубопрокатного завода (ЧТПЗ). Данная сделка является крупнейшей на рынке труб за последние время, и ее сумма составила 82,407 млрд руб. (табл. 3), а сама компания оценена в 97,3 млрд руб. В состав этой сделки входили сервисные и производственно-сбытовые активы, переработка и ломозаготовка и другие активы, связанные с деятельностью трубо-магистрального дивизиона ЧТПЗ.

Необходимо отметить синергетический эффект от процесса поглощения, следствием которого яв-

Таблица 3
Table 3

**Стоимость приобретения ЧТПЗ
для ТМК в 2021 г.
The cost of acquiring ChTPZ for TMK in 2021**

Состав стоимости приобретения	Млн руб.
Денежные средства и их эквиваленты	12 092
Торговая и прочая дебиторская задолженность	22 235
Запасы	22 521
Основные средства	108 088
Нематериальные активы	21 228
Отложенные налоговые активы	2 997
Прочие активы	3 863
Итого активы	193 024
Торговая и прочая кредиторская задолженность	25 478
Процентные кредиты и займы	87 413
Резервы и начисленные обязательства	6 485
Отложенные налоговые обязательства	17 806
Прочие обязательства	8 529
Итого обязательства	145 711
Итого идентифицируемые чистые активы	47 313
Неконтролируемые доли участия	14
Гудвил	35 108
Стоимость приобретения	69 316
Стоимость приобретения по обязательному выкупу	13 091
Итого стоимость приобретения	82 407
Прочие	20,0

Источник: составлено авторами на основе данных ТМК (Заключение по результатам обзорной проверки промежуточной финансовой информации ПАО «ТМК»). URL: <https://www.tmk-group.ru/storage/section/99/tmk-fs-300622-rus.pdf> (дата обращения: 20.02.2023)).

ляются: оптимизация загрузки мощностей и логистических расходов, расширение ассортимента производимой продукции, увеличение операционной эффективности бизнеса (10 % EBITDA и выше), увеличение доли участия на трубном рынке по позициям:

- трубы большого диаметра (ТБД) — 30,0 %;
- бесшовные трубы нефтяного сортамента (ОСТГ), которые используются при бурении и эксплуатации скважин для добычи полезных ископаемых — 79,0 %. Более того, в июне 2022 г. цена на ОСТГ показывала рост, следуя за ценами на сталь. Во втором полугодии 2022 г. произ-

водителям труб Группы ТМК была оказана дополнительная поддержка вследствие роста цен на нефть, увеличения строительной активности на рынке РФ и снижения цен на листовую прокат; – на рынке бесшовных труб РФ — до 84,0 %.

При этом поглощение сопровождается присоединением не единичного бизнес-субъекта, а укрупненного производственного комплекса. Например, в момент объединения ЧТПЗ представляла собой группу предприятий и компаний черной металлургии, таких как: Первоуральский новотрубный завод, Мета (компания по заготовке и переработке металлолома), Челябинский трубопрокатный завод, Торговый дом «Уралтрубо-сталь» — металлоторговое подразделение.

В процессе поглощения сильного игрока на трубном рынке ТМК ориентируется не только на расширение производства и рынков сбыта, на диверсификацию продуктового портфеля, но и на развитие инновационной составляющей бизнеса (ускорение внедрения новых технологий добычи и транспортировки сырья, технологий обустройства и сервиса скважин и инфраструктуры)¹.

По данным отчетности ТМК за первое полугодие 2021 г. отмечен рост выручки на 56,0 %, до 174,3 млрд руб., а скорректированной EBITDA — до 22,7 млрд руб. (на 11 %). От общей выручки ТМК доля ЧТПЗ составила 25,0 %. По заявлениям специалистов ТМК, это является эффектом высокой базы первого полугодия 2021 г. и увеличения цен на металл (рис. 4).

Согласно рис. 4, пик цен на металл пришелся на 1 февраля 2022 г., в период начала работы ЧТПЗ в составе ТМК. Рост цен на металл постепенно компенсирован, в том числе за счет формульного ценообразования в рамках контрактов с основными клиентами. Так, Evraz и ТМК заключили контракт в марте 2021 г. на 160 тыс. т заготовки с поставкой в 2021–2022 гг. на базе формульного ценообразования¹.

Сделка имеет и большое макроэкономическое значение, поскольку направлена на укрепление энергетической безопасности России (расширение объема производств труб большого диаметра) и обеспечение решения стратегических задач по импортозамещению, позволит полностью закрыть потребности отечественных компаний

¹ Заключение по результатам обзорной проверки промежуточной финансовой информации ПАО «ТМК». URL: <https://www.tmk-group.ru/storage/section/99/tmk-fs-300622-rus.pdf> (дата обращения: 20.02.2023)

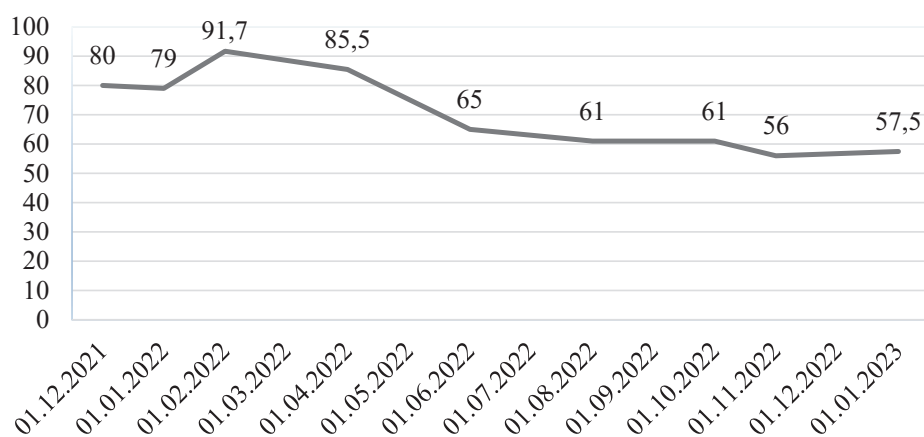

Рис. 4. Динамика цен на металл ТМК в первом полугодии 2021 года, тыс. руб.

Fig. 4. Dynamics of TMK metal prices in the first half of 2021, thousand rubles

Источник: по материалам metal.info (Динамика цен на металл.

URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/metalmarket/statistics> (дата обращения: 10.03.2023))

ТЭЖа в специальных видах труб и снять в этой части технологическую зависимость сложных нефтегазовых проектов от иностранных разработок и поставщиков.

Свидетельством стратегической важности отмеченного выше события признается решение Федеральной антимонопольной службы (ФАС). ФАС, одобряя ходатайство ТМК о покупке трубных активов ЧТПЗ, впервые при контроле за экономической концентрацией на рынках металлопродукции выставила структурные условия. Сделка при определенных условиях может привести к ограничению конкуренции на рынке труб большого диаметра и бесшовных труб. С учетом предоставленных компанией обоснований по ст. 13 Закона о защите конкуренции и взятых на себя обязательств по совершенствованию производства, в том числе разработке новых видов продукции, сделка согласована с одновременной выдачей предписания. Последнее включает поведенческие условия, направленные на недопущение необоснованного роста цен и дискриминации¹.

В 2022 г. ТМК, приобретая контрольный пакет акций Челябинского завода металлоконструкций (ЧЗМК), реализует важнейшую цель расширения собственных компетенций не только как поставщика передовой трубной продукции, но и комплексных решений в области машиностроительного оборудования и элементов промышленных конструкций для технологических комплексов

¹ ФАС России, одобряя ходатайство ТМК при покупке трубных производств, выставила сложные условия. URL: <https://www.tek-all.ru/news/id7350-fas-rossii-odobryaya-hodataystvo-tmk-pri-pokupke-trubnih-proizvodstv-vstavila-slozhnie-usloviya/> (дата обращения: 16.12.2022).

энергетической и горнодобывающей отраслей, для объектов транспортной инфраструктуры и общественных сооружений.

По состоянию на 2022 г. производственные активы ТМК включают:

- Волжский трубный завод,
- Первоуральский новотрубный завод,
- Северский трубный завод,
- Синарский трубный завод,
- Таганрогский металлургический завод,
- Челябинский трубопрокатный завод,
- Челябинский завод металлоконструкций,
- Орский машиностроительный завод,
- Екатеринбургский нефтегазсервис,
- Ярцевский метзавод,
- Ракитянский арматурный завод,
- Казтрубпром (Казахстан),
- ТМК-ИНОКС в городе Каменске-Уральском.

Доказательством межотраслевой диверсификации бизнеса субъектов российской трубной промышленности выступает и состоявшаяся в 2020 г. договоренность о приобретении ОМК 100 % акций ведущей энергомашиностроительной компании России ООО «Белэнергомаш-БЗЭМ». Цель — выход на новые направления рынка — металлоконструкций, котельного оборудования и расширение сегмента производства деталей трубопроводов с новыми свойствами для атомной промышленности. При этом следует отметить, что ОМК работает по принципу отраслевой бизнес-модели из восьми единиц, каждая из которых исторически входила в состав группы посредством поглощения регионального завода и в настоящем максимально ориентирована на удовлетворение запросов клиентов разных сфер промышленности (рис. 5).

Рис. 5. Межотраслевая диверсификация субъектов в ОМК

Fig. 5. Intersectoral diversification of subjects in OMK

Источник: составлено авторами на основе данных ОМК Энергомаш (ОМК Энергомаш.

URL: <https://omk.ru/units/omk-energomash/> (дата обращения: 20.03.2023))

Так, в 2002 г. в состав ОМК вошел Альметьевский трубный завод, в 2005 г. — челябинский завод ОАО «Трубодеталь», в 2012 г. ОМК приобрела Благовещенский арматурный завод, выстраивая высокоинтегрированное производство нефтегазопроводной продукции, включая трубы, соединительные детали трубопроводов и трубопроводную арматуру.

Вместе с тем в практике слияний и поглощений субъектов трубной промышленности РФ имеют место и примеры схемы «1+1». Так, 1 марта 2022 г. состоялось объединение металлургического комбината полного цикла «Уральская Сталь» (г. Новотроицк, Оренбургская область) и Загорского трубного завода (ЗТЗ) — производителя труб большого диаметра (г. Пересвет, Московская область) в единый вертикально-интегрированный металлургический холдинг.

В результате поглощения (приобретения 100 % акций АО «Уральская Сталь» ЗТЗ)

– ЗТЗ получил гарантированные поставки стального листа требуемого качества для производства труб большого диаметра, что стало для предприятия заметным конкурентным преимуществом;

– холдинг выпустил первую промышленную партию ТБД для зон активных тектонических разломов;

– расширена география поставок на региональные рынки — от Мурманска до Петропавловска-Камчатского.

Альтернативные проявления слияний и поглощений

Политика концентрации активов посредством слияния и поглощения вынужденно сопровождается обратными процессами по разукрупнению бизнеса и продаже активов на внешних рынках. В частности, знаковыми стали следующие события в практике ТМК:

– продажа крупнейшего дивизиона ТМК в Северной Америке IPSCO производителю сварных и бесшовных труб Tenaris в контексте монетизации международного бизнеса и снижения долговой нагрузки. IPSCO специализируется на выпуске труб для нефтегазовой промышленности. По данным 2018 г., выручка дивизиона составила 1,349 млрд долл., что составляет более четверти от общей выручки ТМК;

– продажа по причине дискриминационных условий для российского бизнеса завода по выпуску бесшовных труб в Румынии ТМК–Artrom сербской инвестиционной компании Hefestos Capital. Предприятие, находящееся в Румынии, имело производственную мощность 200 тыс. т в год (бесшовные трубы) и филиалы сбыта в США, Германии и Италии.

По оценке аналитиков НРА, ТМК–Artrom обеспечивал до 70 % сбыта труб ТМК в Европе. Считается, что в случае сохранения поставок российских полуфабрикатов на завод до конца 2024 г. актив останется одним из самых прибыльных на территории ЕС, где большая часть черной металлургии в настоящем не функционирует либо работает с неполной загрузкой¹.

Наконец, практика слияния реализуется ТМК на уровне консолидации внутренних активов инфраструктурных подразделений.

Так, трансформацию системы региональных продаж ТМК завершило созданием единой площадки сбыта трубной продукции клиентам в регионах. Речь идет о Торговом доме ТМК (ТД ТМК), выступающем результатом реорганизации и объединения активов Торгового дома «Уралтрубосталь», располагающего 15 складскими площадками в нескольких регионах РФ — от Санкт-Петербурга до Красноярска. Кроме этого, в структуру ТД ТМК вошли 16 филиалов, расположенных в 14 регионах страны и реализующих трубную продукцию шести заводов ТМК, а также два представительства за рубежом².

Создание новой терминальной сети поставок труб в настоящем актуально и в рамках реализации проекта «Пакистанский поток». Труба протяженностью 1,1 тыс. км с пропускной способностью до 16 млрд м³ в год должна связать терми-

¹ Заводы ТМК отошли на сербскую сторону. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5783900> (дата обращения: 16.12.2022).

² ТМК консолидировала региональные продажи в контуре Торгового дома ТМК. URL: <https://www.tmk-group.ru/storage/news/4307/20221010-tmk-td-tmk.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

налы по приему сжиженного газа (СПГ) в портах Карачи и Гвадар на юге Пакистана с электростанциями и промышленными потребителями газа в Лахоре на севере страны.

Выводы

Таким образом, на примере крупнейших бизнес-субъектов трубной отрасли России была доказана многогранность реализации политики корпоративного слияния и поглощения. Современная политика ориентирована на концентрированный рост прежде всего на внутреннем рынке посредством поглощения функционирующих групп, отдельных производственных единиц. Вместе с тем отмечено расширение региональных сбытовых сетей на основе объединения инфраструктурных центров уже присоединенных объектов. Процессы слияния и поглощения инициируются в настоящем и с целью стратегической диверсификации бизнеса на смежных рынках, исторически продиктованной особым значением предприятий трубной отрасли для комплексного обслуживания топливно-энергетического комплекса, в том числе в условиях санкционного давления. При этом важнейшим источником финансирования сделок М&А выступает вынужденная продажа активов за рубежом, что, однако, не оказывает существенного влияния на прирост долговой нагрузки консолидированной отчетности трубных компаний. Наконец, фактически наблюдаемая монополизация внутреннего рынка труб сопровождается повышением энергетической безопасности России, решением стратегических задач по импортозамещению, выстраиванием со стороны государства в области антимонопольного регулирования политики «наблюдателя».

Список источников

1. Бегаева А. А. Корпоративные слияния и поглощения: проблемы и перспективы правового регулирования / отв. ред. Н. И. Михайлов. М. : Инфотропик Медиа, 2010. 132 с.
2. Гохан П. А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний / пер. с англ. [А. Шаматова]. 7-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2018. 742 с.
3. Дадаев Я. Э. Современные тенденции развития процессов слияния и поглощения предприятий // ФГУ Science. 2022. № 1 (25). С. 52–58.
4. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов : пер. с англ. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Альпина Паблишер, 2019. 1316 с.
5. Депаффилис Д. Слияния, поглощения и другие способы реструктуризации компании. Процесс, инструментарий, примеры из практики, ответы на вопросы. М. : Олимп-бизнес, 2007. 960 с.
6. Дранев С. Я. Сравнение институциональных признаков и тенденций развития крупнейших металлургических компаний России и мира // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2021. Т. 19. С. 240–263.
7. Ильин М. С. О некоторых тенденциях в российской практике слияний и поглощений / М. С. Ильин, А. Г. Тихонов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2005. № 3. С. 3–21.

8. Истомина Е. В. Повышение эффективности сделок слияния и поглощения // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 34. С. 2386–2394.
9. Паштова Л. Г. Эффективность рынка M&A в России: проблемы и перспективы / Л. Г. Паштова, М. С. Маймулов // *Финансы: теория и практика*. 2020. Т. 24, № 1. С. 76–86.
10. Пензина К. О. Потенциал металлургических предприятий России в кризисных условиях // *Корпоративная экономика*. 2022. № 1 (29). С. 4–24.
11. Петрова И. А. Институциональная природа межфирменного стратегического альянса: специальность 08.00.01 «Экономическая теория»: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2004. 26 с.
12. Степанова А. К. Слияния и поглощения как эффективный инструмент антикризисного управления в современных условиях развития экономики России // *Стратегии бизнеса*. 2022. Т. 10, № 4. С. 94–97.
13. Тимофеев П. М. Анализ трубной промышленности России: состояние, проблемы, перспективы // *Менеджмент и финансы производственных систем: сборник научно-практических статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции*, Волгоград, 12 декабря 2022 года / отв. реда. И. А. Езангина, И. А. Чеховская; редколлегия: С. П. Сазонов [и др.]. Курск: Университетская книга, 2023. С. 223–228.
14. Чернова Е. Г. Слияния и поглощения как основной способ роста крупных корпораций // *Проблемы современной экономики*. 2007. № 4 (24). С. 477–486.
15. Тоноян Р. Г. Теоретические аспекты сделок слияния и поглощения // *Вектор экономики*. 2020. № 3 (45). С. 41.
16. Неменов А. М. События в цифрах и фактах // *Металлург*. 2021. № 6. С. 104–110.
17. Горелик А. А. Олигополии и особенности их функционирования в российской экономике / А. А. Горелик, А. В. Дзгоева // *Неделя молодежной науки: в 4 т., Москва, 20 февраля — 1 марта 2021 г.* Т. 2. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2022. С. 60–66.

References

1. Begaeva AA. Corporate mergers and acquisitions: problems and prospects of legal regulation. Moscow; 2010. 132 p. (In Russ.).
2. Gohan PA. Mergers, acquisitions and restructuring of companies. Translated from English by Shakhmatova AM. Moscow; 2018. 742 p. (In Russ.).
3. Dadaev YA. Current trends in the development of mergers and acquisitions of enterprises. *Zhurnal FGU Science = Journal FGU Science*. 2022;1(25):52-58. (In Russ.).
4. Damodaran A. Investment valuation: tools and methods for valuing any assets. Translated from English. Moscow; 2019. 1316 p. (In Russ.).
5. Depamfilis D. Mergers, acquisitions and other ways of restructuring the company. Process, tools, practical examples, answers to questions. Moscow; 2007. 960 p. (In Russ.).
6. Dranev SYA. Comparison of institutional features and development trends of the largest metallurgical companies in Russia and the world. In: *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of RAS*. 2021. Vol. (19). Pp. 240–263. (In Russ.).
7. Il'in MS, Tihonov AG. About some trends in the Russian practice of mergers and acquisitions. *Moscow University Economic Bulletin*. 2005;(3):3-21. (In Russ.).
8. Istomin EV. Improving the efficiency of mergers and acquisitions. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovation. Science. Education*. 2021;(34):2386-2394. (In Russ.).
9. Pashtova LG, Majmulov MS. M&A market efficiency in Russia: problems and prospects. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2020;24(1):76-86. (In Russ.).
10. Penzina KO. The potential of Russian metallurgical enterprises in crisis conditions. *Korporativnaya ekonomika = Corporate economics*. 2022;1(29):4-24. (In Russ.).
11. Petrova IA. Institutional nature of the inter-firm strategic alliance: specialty 08.00.01 “Economic Theory”. Thesis abstract. Volgograd; 2004. 26 p. (In Russ.).
12. Stepanova AK. Mergers and acquisitions as an effective anti-crisis management tool in modern conditions of economic development in Russia. *Strategii biznesa = Business strategies*. 2022;10(4):94-97. (In Russ.).
13. Timofeev PM, Ezangina IA, Chekhovskaya IA, Sazonov SP. Analysis of the Russian pipe industry: sta-

tus, problems, prospects. In: *Menedzhment i finansy proizvodstvennyh sistem: Sbornik nauchno-prakticheskikh statej Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoy konferencii = Management and finance of production systems: collection of scientific and practical articles of the All-Russian (national) Scientific and Practical Conference*. 2022. Kursk; 2023. Pp. 223–228. (In Russ.).

14. Chernova EG. Mergers and acquisitions as the main way of growth of large corporations. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of the modern economy*. 2007;4(24):477-486. (In Russ.).

15. Tonoyan, RG. Theoretical aspects of mergers and acquisitions. *Vektor Ekonomiki = The vector of the economy*. 2020;3(45):41. (In Russ.).

16. Nemenov AM. Events in figures and facts. *Metallurg = Metallurgist*. 2021;(6):104-110. (In Russ.).

17. Gorelik AA, Dzgoeva AV. Oligopolies and features of their functioning in the Russian economy. Youth Science Week: In 4 volumes, Moscow, February 20–01, 2021. Volume 2. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2022. Pp. 60–66. (In Russ.).

Информация об авторах

С. П. Сазонов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и финансов производственных систем.

И. А. Езангина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и финансов производственных систем.

П. М. Тимофеев — магистрант кафедры менеджмента и финансов производственных систем.

Information about the authors

S. P. Sazonov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management and Finance of Production Systems.

I. A. Ezangina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management and Finance of Production Systems.

P. M. Timofeev — Master Student, Department of Management and Finance of Production Systems.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-79-90

ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (по результатам опроса сельхозтоваропроизводителей)

Светлана Сергеевна Патракова¹, Тамара Витальевна Ускова²

¹ Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, sspatrakova@bk.ru, ORCID 0000-0002-4834-3083

² Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, tvu@vscc.ac.ru, ORCID 0000-0001-9416-1136

Аннотация. Развитие связей и укрепление сотрудничества городов и сельских территорий — это актуальная научная и практическая задача. При этом сельхозтоваропроизводители выступают одними из ключевых участников такого сотрудничества в сфере экономики. В связи с этим целесообразно учитывать их мнение при определении перспектив, разработке мероприятий и инструментария развития сельско-городских связей. Статья посвящена обоснованию перспективных направлений развития экономических связей городов и сельских территорий с опорой на результаты опроса руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области. Установлено, что наиболее актуальными и перспективными, по мнению сельхозтоваропроизводителей, сферами развития сельско-городских связей, сотрудничества являются сельское хозяйство и АПК в целом, а также сфера образования. Выявлено, что основными связями между сельхозорганизациями и фирмами, организациями, учреждениями, расположенными в городах, являются: проведение лабораторных исследований в учреждениях городов; обучение и повышение квалификации сотрудников сельхозорганизаций в образовательных учреждениях городов; сбыт произведенной сельхозпродукции на перерабатывающие предприятия, в магазины, торговые сети городов и покупка у городских предприятий сырья, материалов, оборудования, необходимых в сельхозпроизводстве; реализация совместных инвестпроектов. Предложены направления укрепления и развития сельско-городских связей в отмеченных направлениях.

Ключевые слова: сельские территории, город, связи, сотрудничество, сельхозтоваропроизводители, сельское хозяйство, опрос

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Для цитирования: Патракова С. С., Ускова Т. В. Перспективы укрепления экономических связей городов и сельских территорий (по результатам опроса сельхозтоваропроизводителей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 79–90. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-79-90.

Original article

PROSPECTS FOR STRENGTHENING ECONOMIC RELATIONS BETWEEN CITIES AND RURAL AREAS (According to the Results of the Survey of Agricultural Producers)

Svetlana S. Patrakova¹, Tamara V. Uskova²

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, sspatrakova@bk.ru, ORCID 0000-0002-4834-3083

² Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, tvu@vscc.ac.ru, ORCID 0000-0001-9416-1136

Abstract. An urgent scientific and practical task is to develop ties and strengthen cooperation between cities and rural areas. Agricultural producers are one of the key participants in such cooperation in the economic sphere. In this regard, it is advisable to take their opinion into account when determining prospects, developing measures and

tools for the development of rural-urban relations. The article is devoted to the substantiation of promising directions for the development of economic relations between cities and rural territories based on the results of a survey of heads of agricultural organizations and farms of the Vologda Region. It is established that the most relevant and promising, according to agricultural producers, areas of development of rural-urban relations, cooperation are agriculture and agriculture in general, as well as the field of education. It has been revealed that the main links between agricultural organizations and firms, organizations, institutions located in cities are: conducting laboratory research in urban institutions; training and advanced training of employees of agricultural organizations in educational institutions of cities; marketing of agricultural products to processing enterprises, shops, retail chains of cities and buying from urban enterprises of raw materials, materials, equipment needed in agricultural production; implementation of joint investment projects. The directions of strengthening and development of rural-urban relations in the mentioned directions are proposed.

Keywords: rural territories, city, communications, cooperation, agricultural producers, agriculture, survey

Funding. The article has been prepared in the framework of the state task for the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences on the topic of research No. FMGZ-2022-0012 “Factors and methods of sustainable socio-economic development of territorial systems in changing conditions of the external and internal environment”.

For citation: Patrakova SS, Uskova TV. Prospects for Strengthening Economic Relations Between Cities and Rural Areas (According to the Results of the Survey of Agricultural Producers). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):79-90. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-79-90.

Введение

К настоящему времени в научном сообществе сложилось два ключевых, но противоположных подхода к восприятию города и села, что отмечают и отечественные, и зарубежные исследователи [6; 11; 13; 17]. В рамках первого, контрастно-дихотомического подхода город и село предстают как два диаметрально противоположных вида населенных пунктов, отличающихся образом жизни населения, структурой экономики, архитектурой, плотностью застройки и иными характеристиками. В рамках второго, континуального подхода отмечается существование плавного перехода от села к городу: чем они ближе друг к другу, тем интенсивнее на селе проявляются такие «городские черты», как плотность застройки и наличие наружной рекламы, увеличивается разнообразие мест приложения труда и организации досуга и т. п. Однако в рамках и первого, и второго подхода признается существование связей между городом и селом в различных сферах (например, экономика, культура) и отмечается необходимость, значимость их развития.

Устойчивые, интенсивные и паритетные (эквивалентные) связи могут обеспечить получение позитивных эффектов для всех участников сельско-городского сотрудничества. Для сельских территорий — нивелирование негативного влияния их периферийного положения в пространстве, например, практически полного отсутствия точек генерации высоких технологий¹. Для urba-

низированных территорий — повышение эффективности использования потенциала села, являющегося внешним источником человеческих, природных и иных ресурсов для развития городов. Для региона — укрепление связности и сбалансированности его пространства по линии «город — село», что является стратегически важной задачей для Российской Федерации². По этим причинам исследование проблем и перспектив развития и укрепления сельско-городских связей находится в фокусе внимания ученых из России и других стран.

Среди отечественных работ на эту проблематику выделяется исследование [7], в котором изложена специфика взаимодействия города и села в советский и постсоветский периоды. В работе [3] представлен критический обзор европейского опыта скоординированного сельско-городского развития и возможности его применения в России. В статье [10] изучены теоретико-методологические и практические аспекты взаимодействия малых и средних городов как опорных точек системы сельского расселения и главных центров диверсификации экономики сельских территорий. В работах [1; 4] предложены авторские классификации сельско-городских связей.

Среди зарубежных работ можно выделить исследование сотрудников Института глобальных экологических стратегий Японии [18], посвящен-

мераций, влияние указанных проблем может быть незначимым.

² Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р.

¹ В ряде случаев, например, для сельских территорий, входящих в зоны развитых городских агло-

ное анализу и систематизации методов интеграции города и села для управления природными ресурсами. Работа [16] освещает перспективы сельско-городского взаимодействия для повышения продовольственной, энергетической, водной безопасности в «постковидную» эпоху. Среди исследований, направленных на выявление проблем уже существующих механизмов взаимодействия города и села и поиск мер по их устранению, можно отметить следующие работы: [15], в котором рассмотрены различные аспекты управления сельско-городскими партнерствами в странах Европейского союза; [14], где проведен критический анализ функционирующих в различных сферах деловых партнерств между сельскими и городскими районами Дании; [12], посвященное пересмотру некоторых аспектов управления территориями в США с учетом усиления взаимозависимости сельских и городских районов.

В целом развитие связей и укрепление сотрудничества городов и сельских территорий является актуальной научной и практической задачей. При этом одними из ключевых участников такого сотрудничества в сфере экономики выступают сельхозтоваропроизводители. В связи с этим видится целесообразным учет их мнения при определении перспективных направлений и в дальнейшем при разработке конкретных мероприятий развития сельско-городских связей.

Цель настоящей работы — обосновать перспективные направления развития экономических связей городов и сельских территорий с опорой на результаты опроса сельхозтоваропроизводителей Вологодской области.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области пространственной и региональной экономики, экономической географии. Информационную базу — результаты анкетного опроса руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, проведенного Вологодским научным центром РАН. Целью опроса является качественная оценка изменений и отдельных процессов, которые невозможно фиксировать с помощью статистического учета. Опрос проводится ежегодно, носит структурированный характер: в предлагаемой респондентам анкете последовательно представлены вопросы по отдельным темам (общее состояние организации; инвестиционно-инновационная деятельность; трудовой по-

тенциал; взаимодействие с контрагентами и т. д.). Информация собирается путем заполнения респондентами анкет и их последующей отправки в ФГБУН ВолНЦ РАН по почте, в том числе электронной, а также посредством заполнения онлайн-анкеты. Ежегодно с 2015 г. объем выборки составляет 145 руководителей аграрных хозяйств направлений животноводство, свиноводство, овцеводство, птицеводство, из них непосредственное участие в опросе принимают 35–60 чел. С начала проведения опросов в 1992 г. их результаты доводятся до широкой общественности через публикацию статей сотрудников ВолНЦ РАН в научных журналах (см., например, [2; 8; 9]).

При подготовке статьи были использованы методы анализа, синтеза, обобщения, индукции и дедукции и иные.

Результаты исследования и их обсуждение

Сельское хозяйство является одной из ключевых связующих экономику города и села отраслей.

Так, сельскохозяйственные организации и крестьянские (фермерские) хозяйства производят сельхозсырье и продовольственные товары в границах сельских территорий, а затем сбывают их перерабатывающим предприятиям, расположенными преимущественно в городах, либо напрямую конечным потребителям — населению, основная масса которого, опять же, находится в городах. В Вологодской области, по данным на 2022 г., 72,5 % (821,8 тыс. чел.) населения проживает в городах и поселках городского типа.

В свою очередь сельхозтоваропроизводители закупают, арендуют, берут в лизинг у городских организаций¹ машины, оборудование и иную технику, комплектующие к ним, компьютерные программы и приложения, необходимые для производства. Стоит отметить, что предприятия, разрабатывающие и производящие высокотехнологичные продукты и технологии, без которых не видится современное сельское хозяйство, располагаются именно в городах и городских агломерациях. Обусловлено это доказанной в теории (теории городской агломерации Х. Ричардсона и диффузии инноваций Т. Хегерстранда, кластерная теория М. Портера, малые районы Алава-Беккатины и т. д.) и на практике склонностью

¹ Здесь и далее под городскими организациями / предприятиями / фирмами имеются в виду организации / предприятия / фирмы, размещенные в городах, соответственно под сельскими — размещенные на сельских территориях.

к концентрации в пространстве тех отраслей и видов деятельности, в которых новое знание, инновации, креативные технологии играют большую роль.

Учреждения высшего и среднего образования, профессиональной подготовки и переподготовки, также расположенные в городах, являются источниками квалифицированных кадров для ветеринарной, агрономической, инженерной, экономической и иных служб сельхозпредприятий. В свою очередь предприятия выступают площадками для их подготовки в рамках производственной практики обучающихся.

Города, являющиеся центрами концентрации финансовых ресурсов, выступают поставщиками кредитных и заемных средств, страховых и т. п. услуг для аграриев.

Вышеуказанные примеры не охватывают всего спектра складывающихся в отрасли сельского хозяйства связей города и села, но в целом отражают их разнообразие и значение для развития городской и сельской экономики, экономики региона в целом.

Важно отметить, что предприятия сельского хозяйства являются одними из ключевых работодателей для сельских жителей: в Вологодской области в 2022 г. предприятия отрасли обеспечивали занятость 11,0 тыс. чел., значительная часть из которых проживает на селе. Однако, как отмечают сами сельхозтоваропроизводители, их роль

и значение в социально-экономическом развитии муниципалитета, в границах которого они находятся, существенно шире. Они формируют налоговые доходы местных бюджетов (роль налогоплательщика), поддерживают инициативы местных органов власти и участвуют в реализации муниципальных проектов (роль активного и социально ориентированного бизнеса; табл. 1) и т. д. Это подтверждает актуальность учета их мнения о перспективах развития сотрудничества по линии «город—село».

По результатам опроса, проведенного в 2023 г. ВолНИЦ РАН, в числе наиболее важных факторов, сдерживающих развитие сельских территорий региона, более 1/2 сельхозтоваропроизводителей отмечают: недостаточное внимание со стороны органов власти и в целом общества к развитию села, акцент на развитии городов и городских агломераций; разрушение экономики сельских территорий, отсутствие импульсов для ее развития; слабая обеспеченность сельских населенных пунктов объектами и услугами здравоохранения, образования, культуры и т. д. (табл. 2).

Несмотря на тот факт, что проблема слабого развития в регионе сотрудничества и кооперации между городом и селом оказалась наименее значимой как фактор, сдерживающий сельское развитие, ни один из сельхозтоваропроизводителей не указал на нецелесообразность или отсутствие необходимости ее решения (табл. 2 и 3). В числе

Таблица 1

Table 1

Ответы респондентов на вопрос «Какие функции Вашей сельхозорганизации являются наиболее значимыми для социально-экономического развития муниципалитета?»
Respondents' answers to the question "Which functions of your agricultural organization are the most important for the socio-economic development of the municipality?"

Вариант ответа	% от числа ответивших
Трудоустройство населения и сокращение безработицы, предотвращение миграционного оттока населения	94,1
Уплата налогов в местный бюджет	76,5
Поддержка инициатив местных органов власти (участие в ярмарках и выставках, профориентационная работа с молодежью и т. д.)	52,9
Реализация товаров на местном рынке	41,2
Участие в реализации муниципальных проектов	35,3
Сохранение и развитие социальной и инженерной (жилищной, транспортной и др.) инфраструктуры территории	23,5

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2023 г.

Примечание: здесь и далее превышение суммы ответов респондентов отметки 100 % означает, что вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа; проценты считаются от числа ответивших на соответствующий вопрос из анкеты; ранжировано в порядке убывания значений процента ответивших.

Таблица 2

Table 2

Ответы респондентов на вопрос «Укажите наиболее важные, на Ваш взгляд, факторы, сдерживающие развитие сельских территорий региона»
Respondents' answers to the question "Indicate the most important, in your opinion, factors hindering the development of rural areas of the region"

Вариант ответа	% от числа ответивших
Недостаточное внимание со стороны органов власти и в целом общества к развитию села; акцент на развитии городов, городских агломераций	82,4
Разрушение экономики сельских территорий, отсутствие импульсов для ее развития	76,5
Слабая обеспеченность сельских населенных пунктов объектами и услугами здравоохранения, образования, культуры и т. д.	64,7
Недостаток или отсутствие финансовых, организационных, кадровых и иных ресурсов и возможностей развития внутреннего потенциала села	47,1
Слабость / неразвитость института местного самоуправления	29,4
Слабое развитие в регионе сотрудничества и кооперации между городом и селом	11,8
Факторов, сдерживающих развитие сельских территорий, нет	0,0

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2023 г.

наиболее актуальных сфер развития сельско-городского сотрудничества, взаимодействия и кооперации, по мнению более половины опрошенных: сельское хозяйство и АПК (указали 88 %, что объясняется их принадлежностью к данным видам деятельности; табл. 3), а также образовательная сфера (53 %).

Как отметили сельхозтоваропроизводители, между их организациями и организациями, фирмами, учреждениями, расположенными в городах Вологодской области, существуют следующие связи.

Прежде всего это проведение лабораторных исследований (качества произведенной сельхозпродукции, химического состава и питательности кормов, биохимических показателей крови животных и птицы и т. п.) в учреждениях городов, на что указали 94 % руководителей сельхозорганизаций. Сотрудничество в этом направлении является неотъемлемым условием не только развития, но и просто функционирования сельхозтоваропроизводителей. Так, согласно приказу Минсельхоза России от 17.11.2011 г. № 431 «Об утверждении Правил в области племенного

Таблица 3

Table 3

Ответы респондентов на вопрос «В каких сферах, на Ваш взгляд, целесообразно развивать сельско-городское сотрудничество, взаимодействие, кооперацию?»
Respondents' answers to the question "In what areas, in your opinion, is it advisable to develop rural-urban cooperation, interaction, cooperation?"

Вариант ответа	% от числа ответивших
Сельское хозяйство и АПК в целом	88,2
Образовательная сфера	52,9
Сфера здравоохранения	47,1
Отрасли промышленного производства (ЛПК, машиностроение и т. п.)	35,3
Сфера туризма, культуры, досуга	29,4
Сфера ЖКХ, инженерной и транспортной инфраструктуры	17,6
Сфера торговли, в том числе посредством потребительской кооперации	5,9
Развивать сельско-городское сотрудничество не целесообразно / нет необходимости	0,0

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2023 г.

Таблица 4

Table 4

Ответы респондентов на вопрос «Заключались ли Вашей организацией в 2018–2022 гг. договоры о целевом обучении с образовательными учреждениями?», % от числа ответивших
Respondents' answers to the question "Did your organization conclude contracts on targeted training with educational institutions in 2018–2022?"; % of the number of respondents

Вариант ответа		Да, в т. ч. заключены в настоящее время	Нет, но планируется в ближайшие 3–5 лет	Не заключались и не планируется
Учреждения высшего образования	Вологодской области	35,3	41,2	23,5
	иных регионов РФ	0	0	100
Учреждения среднего профессионального образования	Вологодской области	5,9	41,2	52,9
	иных регионов РФ	0	0	100

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2023 г.

животноводства «Виды организаций, осуществляющих деятельность в области племенного животноводства», и о признании утратившими силу приказов Минсельхоза России» на достоверность происхождения должны тестироваться все коровы быкопроизводящей группы и весь молодняк, подлежащий племпродаже. Приказ Минсельхоза от 02.06.2022 г. № 336 «Об утверждении требований к видам племенных хозяйств» устанавливает обязательные требования к племенным организациям по разведению крупного рогатого скота (племзаводам, племрепродукторам, генофондным хозяйствам) в части проведения генетической экспертизы на достоверность его происхождения.

Отметим, что по состоянию на 01.01.2023 г. в регионе 42 юридических лица имеют 55 статусов племенных организаций, в том числе по разведению крупного рогатого скота, лошадей, рыбы и птицы. Функционирует восемь сервисных организаций: региональный информационно-селекционный центр, три лаборатории селекционного контроля качества молока, три лаборатории иммуногенетической экспертизы, одна лаборатория молекулярно-генетической экспертизы¹.

Порядка 60 % сельхозтоваропроизводителей, принявших участие в опросе, указали, что проводят обучение и повышение квалификации своих сотрудников в учреждениях городов. Так, сельхозорганизации в целях подготовки и переподготовки кадров могут напрямую взаимодействовать

с образовательными учреждениями посредством заключения договоров о целевом обучении. Согласно результатам опроса, такое взаимодействие они развивали и планируют развивать с учреждениями высшего и среднего профессионального образования в основном Вологодской области (табл. 4).

В рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» (утв. постановлением Правительства от 31 мая 2019 г. № 696) предусмотрена возможность получения сельхозтоваропроизводителями субсидий на возмещение части фактически понесенных затрат по заключенным с работниками ученическим договорам и договорам о целевом обучении, а также затрат, связанных с оплатой труда и проживанием студентов, привлеченных для прохождения производственной практики. Почти 30 % сельхозорганизаций, принявших участие в опросе, получили указанные субсидии; 59 % — мерами поддержки в рамках госпрограммы не пользовались, но хотели бы получить. Лишь 11 % отметили отсутствие интереса или необходимости в получении подобных мер поддержки.

Однако, несмотря на интерес руководителей к указанным мерам укрепления кадрового потенциала отрасли, основными способами повышения квалификации работников сельхозорганизаций на протяжении пяти последних лет остаются обмен и использование опыта лучших хозяйств области, участие в конференциях и семинарах (табл. 5).

Возможные причины этого многообразны и могут заключаться в отсутствии необходимых сельхозтоваропроизводителям направлений подготовки / переподготовки кадров или их сильной

¹ Сайт Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области. URL: https://agro.gov35.ru/deyatelnost/deyatelnost-strukturnykh-podrazdeleniy/index.php?SECTION_ID=231

Ответы респондентов на вопрос «Каким образом работники Вашей организации повышали свою квалификацию?»¹», % от числа ответивших
Respondents' answers to the question "How did the employees of your organization improve their qualifications?"¹», % of the number of respondents

Вариант ответа	2018	2019	2020	2021	2022
Обмен и использование опыта лучших хозяйств области	52	60	54	52	82
Участие в конференциях, семинарах и т. п.	60	55	63	45	77
Обучение в вузах	21	20	17	7	41
Подготовка и переподготовка кадров в организации	32	35	38	16	4
Курсы повышения квалификации	34	50	46	42	0
Обучение в средних специальных и профтехучилищах	4	5	4	3	0

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2019–2023 гг.

¹ В году, предшествующем году опроса. То есть в опросе 2023 г. указывались данные за 2022 г.

Ответы респондентов на вопрос «Какие направления государственной аграрной политики, по Вашему мнению, необходимо развивать?»¹», % от числа ответивших
Respondents' answers to the question "What areas of the state agrarian policy, in your opinion, should be developed?"¹», % of the number of respondents

Направление	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Снижение цен на удобрения	46	40	55	88	84	88
Снижение цен на ГСМ	56	80	65	83	81	82
Кадровое обеспечение и повышение престижа работы в отрасли	–	52	60	67	84	71
Снижение налогового бремени для товаропроизводителей	38	52	60	54	29	53
Обеспечение устойчивого развития сельских территорий, в т. ч. строительство и содержание в надлежащем порядке связывающих населенные пункты автомобильных дорог	50	34	75	58	58	47
...

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2019–2023 гг.

¹ По состоянию на год проведения опроса.

«оторванности» от реальной хозяйственной деятельности, в высокой стоимости и длительном периоде обучения и даже обыкновенном отсутствии необходимости. Хотя последняя причина довольно спорная. По результатам опроса, «кадровое обеспечение и повышение престижа работы в отрасли» входит в топ-3 наиболее важных для предприятий сельского хозяйства направлений государственной аграрной политики (табл. 6).

Около 53 % сельхозтоваропроизводителей, принявших участие в опросе, указали на наличие двусторонних производственно-сбытовых связей¹ с фирмами, организациями, учреждени-

¹ Сельхозтоваропроизводители сбывают продукцию на перерабатывающие предприятия, в магазины, торговые сети городов и в то же время закупают

ями, расположенными в городах. При этом руководители сельхозпредприятий, как и годами ранее, стремятся развивать деловое сотрудничество с поставщиками и подрядчиками (в 2023 г. указали 82 % ответивших; табл. 7), а также перерабатывающими предприятиями и фирмами (88 %). В развитии деловых связей с сельхозорганизациями, коммерческими банками, научно-консультационными организациями заинтересовано по 29 % респондентов. В установлении деловых связей с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, страховыми организациями — менее ¼ прошедших опрос руководителей.

у городских предприятий сырье, материалы, оборудование и т. п., необходимые для сельхозпроизводства.

Таблица 7

Table 7

Ответы респондентов на вопрос «С какими организациями Вы развиваете деловое сотрудничество?»*, % от числа ответивших
Respondents' answers to the question "With which organizations do you develop business cooperation? **", % of the number of respondents

Контрагенты	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Перерабатывающие предприятия и фирмы	78	58	80	92	74	88
Поставщики и подрядчики	72	80	85	79	87	82
Сельскохозяйственные организации	78	56	30	54	26	29
Коммерческие банки	16	24	35	17	19	29
Научно-консультационные организации	12	10	5	13	10	29
Страховые организации	0	6	5	17	0	18
Крестьянские (фермерские) и личные подсобные хозяйства населения	6	18	5	17	3	6

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2019–2023 гг.

* По состоянию на год проведения опроса.

Что касается мест сбыта продукции сельхозорганизациями области, то в 2022 г., как и ранее, они реализовывали свою продукцию преимущественно на районном рынке и рынке областного центра (отметили 65 и 59 % опрошенных соответственно; табл. 8).

Около 12 % сельхозтоваропроизводителей, принявших участие в опросе, реализуют совместно с фирмами / организациями / предприятиями городов инвестиционные проекты. Однако они не привели подробной информации о проектах (предметах, сроках и т. п.); в открытом доступе в сети Интернет такая информация отсутствует. В связи с этим провести подробный анализ та-

кого сотрудничества не представляется возможным.

С учетом результатов опроса сельхозтоваропроизводителей Вологодской области, в том числе в отношении актуальных сфер развития сотрудничества по линии «город—село», видится целесообразной реализация следующих направлений укрепления сельско-городских связей.

Развитие сети сервисных организаций, предоставляющих сельхозтоваропроизводителям услуги по контролю качества молока, химического анализа кормов, проведению иммуногенетической и молекулярно-генетической экспертизы скота и птицы и т. п., в том числе на базе

Таблица 8

Table 8

Места сбыта продукции сельхозорганизаций Вологодской области*, % от числа ответивших
Places of sale of products of agricultural organizations of the Vologda region*, % of the number of respondents

Место сбыта	2018	2019	2020	2021	2022
Районный рынок	58	100	75	84	65
Рынок областного центра (г. Вологда)	36	75	38	29	59
Рынки соседних муниципальных районов области	44	95	38	58	47
Рынки субъектов Европейского Севера (Мурманская и Архангельская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий авт. округ), за исключением Вологодской области	10	45	21	13	29
Рынки других субъектов РФ (кроме Европейского Севера)	34	80	38	29	24
Международный рынок	2	0	4	0	0

Источник: анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, 2019–2023 гг.

* В год, предшествующий году опроса.

научно-исследовательских центров. Например, в Вологодском научном центре РАН с 2021 г. функционирует центр коллективного пользования «Центр сельскохозяйственных исследований и биотехнологий»¹. При этом выезд специалистов для отбора растительного и биоматериала в удаленные районы осуществляется безвозмездно.

Это особенно актуально в условиях усиления надзора и контроля за качеством сельскохозяйственной продукции. Так, с марта 2022 г. согласно приказу Минсельхоза России от 28.06.2021 № 421 «Об утверждении Ветеринарных правил назначения и проведения ветеринарно-санитарной экспертизы молока и молочных продуктов, предназначенных для переработки или для реализации на розничных рынках» вступили в силу новые правила ветсанэкспертизы молока: каждую партию надлежит проверять на консистенцию, вкус, запах, цвет, температуру, массовую долю жира и белка, плотность, кислотность; не реже одного раза в десять календарных дней проверять содержание соматических клеток, потенциально опасных веществ (антибиотиков), массовую долю СОМО (содержание всех компонентов молока); не реже одного раза в шесть месяцев исследовать содержание токсичных элементов, микотоксинов, антибиотиков, пестицидов и т. д. Согласно приказу Минсельхоза России от 24.11.2021 № 794 «Об утверждении Ветеринарных правил назначения и проведения ветеринарно-санитарной экспертизы яиц сельскохозяйственных птиц и яйцепродукции, предназначенных для переработки и реализации» вступили в силу новые правила ветсанэкспертизы яиц сельскохозяйственных птиц и яйцепродукции: яйца и яйцепродукцию надлежит проверять на остаточное содержание ветпрепаратов, в том числе антибиотиков; не реже одного раза в месяц исследовать продукцию на содержание микроорганизмов, в том числе сальмонелл, не реже одного раза в квартал — на содержание токсичных элементов, пестицидов, антибиотиков. Помимо этого, каждую партию яиц надо проверять по ряду показателей, в том числе состоянию скорлупы, запаху, плотности и цвету белка, состоянию и положению желтка.

Видится важным активизация потенциала сельско-городской кооперации в сфере образо-

¹ Сайт ЦКП «Центр сельскохозяйственных исследований и биотехнологий» ФГБУН ВолНЦ РАН. URL: <http://ckp.volnc.ru/>

вания посредством организации выездных и онлайн-лекций, семинаров, мастер-классов по вопросам развития сельхозпроизводства от вузов, научно-образовательных, исследовательских организаций для сотрудников сельхозпредприятий, а также школьников и студентов как потенциальных работников отрасли. Примерами реализации такого сотрудничества, которые могут быть тиражированы и в другие регионы РФ, являются:

– создание «Школы фермера» на базе Кубенского филиала Вологодского технического колледжа (проект направлен на знакомство слушателей с основами законодательства, технологиями ведения хозяйства, мерами поддержки КФХ и ЛПХ);

– создание школы агробизнес-образования в партнерстве образовательных учреждений Вологодского муниципального округа с Вологодской ГМХА и «Академического класса» — с ВолНЦ РАН (проекты направлены на знакомство школьников с основами финансовой грамотности, бизнес-планирования, современными технологиями в сельском хозяйстве, биотехнологиями и т. д.).

Увеличение числа мест на целевое обучение в высшие учебные заведения с последующим распределением выпускников по хозяйствам области. При этом важно понимать, что отрасль нуждается не только в профильных специалистах — ветеринарах, зоотехниках, технологах и т. п., но и в выпускниках направлений подготовки «Строительство», «Электроэнергетика и электротехника», «Информационные системы и технологии» и т. п.²

На наш взгляд, укреплению сельско-городского сотрудничества будет также содействовать реализация мер по ориентации горожан на потребление продуктов местных сельхозтоваропроизводителей посредством:

– проведения большего числа сельхозярмарок и выставок сельхозпродукции в городах;

– развития сети фермерских рынков в разных районах крупных и больших городов (например, в Вологде с 2022 г. функционирует один такой специализированный рынок);

² Информация о работодателях, готовых заключить договоры целевого обучения с выпускниками с их последующим трудоустройством после завершения обучения // Сайт Департамента труда и занятости населения Вологодской области. URL: <https://depzan.gov35.ru/dokumenty/metodicheskie-materialy/grazhdanam/tselevoe-obuchenie/index.php>

– организации прямых поставок продуктов местных производителей в учреждения социальной сферы (школы, детские сады, больницы и т. п.). В Вологодской области такая практика реализуется с 2022 г.

Актуальным направлением укрепления сельско-городского сотрудничества может стать и реализация совместных инвестиционных проектов. При этом не только в отрасли сельского хозяйства, но и, например, туризма, спрос на услуги которого в настоящее время стимулируется государством [5].

Реализация указанных направлений может оказать позитивное влияние на состояние сельского хозяйства региона и укрепление связности, сбалансированности регионального экономического пространства по линии «город—село». Однако для этого, на наш взгляд, потребуются не только инициатива самих сельхозтоваропроизводителей и фирм / организаций / предприятий городов, но и активная поддержка (организационная, информационная, финансовая и т. д.) органов государственной власти регионов и местного самоуправления.

Заключение

В ходе проведения исследования, основу которого составили результаты анкетного опроса руководителей сельхозорганизаций и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, получены следующие результаты.

Установлено, что наиболее актуальными и перспективными, по мнению сельхозтоваропроизводителей, сферами и направлениями развития сельско-городского сотрудничества, взаимодействия, кооперации являются сельское хозяйство и АПК, образовательная сфера.

Выявлено, что основными связями между сельхозорганизациями и организациями, учреждениями, расположенными в городах, являются: проведение лабораторных исследований в учреждениях городов; обучение и повышение квалификации сотрудников организации в образовательных учреждениях городов; сбыт произведенной сельхозпродукции на перерабатывающие предприятия, в магазины, торговые сети городов и покупка у городских предприятий сырья, материалов, оборудования, необходимых в сельхозпроизводстве. На это указали более ½ руководителей предприятий, принявших участие в опросе.

Предложены мероприятия по укреплению связей города и села в отрасли сельского хозяйства, среди которых: развитие сети сервисных организаций, предоставляющих сельхозтоваропроизводителям услуги по проведению разнообразных экспертиз, анализов и т. п.; организация лекций, семинаров, мастер-классов по вопросам развития сельхозпроизводства от вузов, научно-образовательных, исследовательских и т. п. организаций; ориентация горожан на потребление продуктов местных сельхозтоваропроизводителей; реализация совместных инвестиционных проектов сельхозпредприятиями и городскими организациями в сельском хозяйстве и иных отраслях.

Полученные результаты могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, а также органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления при реализации проектов и совершенствовании политики пространственного развития территорий, в части укрепления внутрирегиональной, по линии «город—село» связности.

Список источников

1. Авдеева Т. Т., Скрипиль И. А. Взаимодействие городских и сельских территорий в экономическом пространстве региона. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 170 с.
2. Анищенко А. Н., Селименков Р. Ю. Оценка функционирования сельского хозяйства региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5 (29). С. 156–168.
3. Головина С. Г., Ручкин А. В. Европейский опыт сельско-городского развития: возможности для сельскохозяйственных кооперативов // Вестник НГИЭИ. 2022. № 8 (135). С. 71–86.
4. Гунько М. С. Взаимосвязь малых городов и сельских районов в Центральной России : дис. ... канд. геогр. наук. М., 2015. 208 с.
5. Леонидова Е. Г., Сидоров М. А. Оценка и прогноз внутреннего туристического потребления в России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1 (196). С. 193–205. DOI: 10.47711/0868-6351-196-193-205.
6. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М. : Новый хронограф, 2016. 504 с.
7. Никифоров Л., Кузнецова Т. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2 (5). С. 179–200.

8. Патракова С. С. Проблемы развития сельского хозяйства Вологодской области: оценки аграриев // Вопросы территориального развития. 2022. Т. 10, № 2. DOI: 10.15838/tdi.2022.2.62.7
9. Пашко А. А. Функционирование агропромышленного комплекса Вологодской области в 1997–1998 гг. (по результатам опроса) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 1998. № 6. С. 81–86.
10. Секушина И. А., Ворошилов Н. В. Взаимодействие малых и средних городов и сельских территорий в пространстве региона // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 121–137.
11. Трейвиш А. И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 1. С. 52–70.
12. Brown D. L., Shucksmith M. Reconsidering Territorial Governance to Account for Enhanced Rural-Urban Interdependence in America // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2017. Vol. 672 (1). Pp. 282–301. DOI:10.1177/0002716217706495.
13. Golding S. A., Winkler R. L. Tracking Urbanization and Exurbs: Migration Across the Rural-Urban Continuum, 1990–2016 // Population Research and Policy Review. 2020. № 39. Pp. 835–859. DOI: 10.1007/s11113-020-09611-w
14. Hjalager A.-M. Rural–urban business partnerships — Towards a new trans-territorial logic // Local Economy. 2017. Vol. 32 (1). Pp. 34–54. DOI: 10.1177/0269094216686528
15. Kabus J. The essence of urban-rural partnership management // World Scientific News. 2016. Vol. 57. Pp. 361–367.
16. Mitra P., Shaw R., Sukhwani V., Mitra B. K., Rahman M. A., Deshkar S., Sharma D. Urban-Rural Partnership Framework to Enhance Food-Energy-Water Security in the Post-COVID-19 Era // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18 (23). DOI: 10.3390/ijerph182312493
17. Oommen T. The Rural-Urban Continuum Re-examined in the Indian Context // Sociologia Ruralis. 2008. № 7. Pp. 30–48. DOI: 10.1111/j.1467–9523.1967.tb01044.x.
18. Sukhwani V., Mitra B. K., Takasawa H., Ishibashi A., Shaw R., Yan W. Urban-Rural Partnerships: A win-win approach to realize Regional CES (Regional Circular & Ecological Sphere), Compendium of Good Practices from Japan. Yokohama, Japan: IGES. 2019. 27 p.

References

1. Avdeeva TT, Skripil IA. Interaction of urban and rural territories in the economic space of the region. Krasnodar, Kuban State University; 2018. 170 p. (In Russ.).
2. Anishchenko AN, Selimenkov RYu. Assessment of the functioning of agriculture in the region. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 2013;5(29):156-168. (In Russ.).
3. Golovina SG, Ruchkin AV. The European experience of rural-urban development: opportunities for agricultural cooperatives. *Vestnik NGIJeI = Bulletin of NGIEI.* 2022;8(135):71-86. (In Russ.).
4. Gunko MS. Interrelation of small towns and rural areas in Central Russia. Thesis. Moscow; 2015. 208 p. (In Russ.).
5. Leonidova EG, Sidorov MA. Assessment and forecast of domestic tourist consumption in Russia. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting.* 2023;1(196):193-205. DOI: 10.47711/0868-6351-196-193-205. (In Russ.).
6. Between the house and ... a house. Recurrent spatial mobility of the population of Russia, ed. by T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova. Moscow, New Chronograph; 2016. 504 p. (In Russ.).
7. Nikiforov L, Kuznetsova T. City and village: features of integration in the Soviet and post-Soviet periods. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki = Journal of Social Policy Research.* 2007;2(5):179-200. (In Russ.).
8. Patrakova SS. Problems of agricultural development in the Vologda oblast: assessments of agrarians. *Voprosy territorial'nogo razvitija = Issues of territorial development.* 2022;10(2). DOI: 10.15838/tdi.2022.2.62.7 (In Russ.).
9. Pashko AA. Functioning of the agro-industrial complex of the Vologda Oblast in 1997–1998 (according to the survey results). *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 1998;(6):81-86. (In Russ.).
10. Sekushina IA, Voroshilov NV. Interaction of small and medium-sized cities and rural territories in the space of the region. *Problemy razvitija territorii = Problems of territory development.* 2020;6(110):121-137. (In Russ.).

11. Trayvish AI. Rural-urban continuum: the fate of representation and its relation to spatial mobility of the population. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic review*. 2016;(1):52-70. (In Russ.).
12. Brown DL, Shucksmith M. Reconsidering Territorial Governance to Account for Enhanced Rural-Urban Interdependence in America. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2017;672(1):282-301. DOI:10.1177/0002716217706495
13. Golding SA, Winkler RL. Tracking Urbanization and Exurbs: Migration Across the Rural–Urban Continuum, 1990–2016. *Population Research and Policy Review*. 2020;(39):835-859. DOI: 10.1007/s11113-020-09611-w.
14. Hjalager A-M. Rural-urban business partnerships — Towards a new trans-territorial logic. *Local Economy*. 2017;32(1):34-54. DOI:10.1177/0269094216686528
15. Kabus J. The essence of urban-rural partnership management. *World Scientific News*. 2016;(57):361-367.
16. Mitra P, Shaw R, Sukhwani V, Mitra BK, Rahman MA, Deshkar S, Sharma D. Urban-Rural Partnership Framework to Enhance Food-Energy-Water Security in the Post-COVID-19 Era. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(23). DOI: 10.3390/ijerph182312493
17. Oommen T. The Rural-Urban Continuum Re-examined in the Indian Context. *Sociologia Ruralis*. 2008;(7):30-48. DOI: 10.1111/j.1467-9523.1967.tb01044.x.
18. Sukhwani V, Mitra BK, Takasawa H, Ishibashi A, Shaw R, Yan W. Urban-Rural Partnerships: A win-win approach to realize Regional CES (Regional Circular & Ecological Sphere), Compendium of Good Practices from Japan. Yokohama, Japan: IGES; 2019. 27 p.

Информация об авторах

С. С. Патракова — научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах.

Т. В. Ускова — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах.

Information about the authors

S. S. Patrakova — researcher of the Department for the Studies of Socio-Economic Development Problems and Management in Territorial Systems.

T. V. Uskova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Head of the Department for the Studies of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: С. С. Патракова — обзор литературы; сбор, анализ и обработка данных; интерпретация результатов исследования. Т. В. Ускова — научное руководство; критический анализ и доработка текста.

Contribution of the authors: S. S. Patrakova — literature review; data collection, analysis and processing; interpretation of research results. T. V. Uskova — scientific guidance; critical analysis and revision of the text.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.02

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-91-100

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И НАЛОГОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В БЮДЖЕТЫ РЕГИОНОВ

Алексей Юрьевич Даванков¹, Александра Анатольевна Егорова²,
Константин Евгеньевич Нестеров³✉

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, iserp@csu.ru, ORCID 0000-0002-0209-5301

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, f1-174@mail.ru, ORCID 0009-0002-4365-770X

Аннотация. Проведен анализ зависимости между факторами внешнеэкономической среды, которые способны повлиять на значения базовых показателей результатов основной деятельности промышленных предприятий. Выявлена прямая математическая зависимость между изменением выручки от реализации на экспорт и динамикой показателей прибыли до налогообложения и добавленной стоимости реализуемой продукции. Перечислен ряд данных по структуре издержек и стартовых значений доходов организаций, которые необходимы для осуществления прогнозного анализа. Обоснована прямая зависимость между показателями деятельности предприятий и поступлениями в налоговые бюджеты регионов в зависимости от природы внешнеэкономического фактора, оказывающего влияние на экспортные доходы. Целью проведенного анализа является создание инструментария прогноза изменения прибыли до налогообложения и добавленной стоимости под воздействием изменяющихся цен и объемов реализации на внешних рынках. Созданная модель содержит в себе четыре математические зависимости, которые выражались при помощи общепринятой теории финансового менеджмента с добавлением новых показателей для анализа нестандартных ситуаций. Представленная технология прогнозирования динамики налоговых поступлений (на основе изменения показателей, являющихся их налоговой базой) может быть использована аналитическими органами региональной власти для оценки последствий реализации внешнеэкономических рисков и выработки рекомендаций для федерального бюджета по перераспределению средств на поддержание расходов тех субъектов Федерации, которые будут испытывать на себе наиболее выраженное воздействие данного явления.

Ключевые слова: внешнеэкономические риски, экспорт, результаты основной деятельности, производственное предприятие, региональный бюджет, прибыль до налогообложения, налог на добавленную стоимость, фонд оплаты труда

Для цитирования: Даванков А. Ю., Егорова А. А., Нестеров К. Е. Анализ взаимосвязи факторов внешнеэкономической деятельности предприятий и налоговых поступлений в бюджеты регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 91–100. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-91-100.

Original article

ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FACTORS OF ENTERPRISES FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY AND TAX REVENUES TO REGIONAL BUDGETS

Alexey Yu. Davankov¹, Alexandra A. Egorova², Konstantin E. Nesterov³✉

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, iserp@csu.ru, ORCID 0000-0002-0209-5301

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

³Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, f1-174@mail.ru, ORCID 0009-0002-4365-770X

Abstract. The article analyzes the main factors of foreign economic activity, which can affect the results of basic indicators values of the industrial enterprises main activity. The direct mathematical dependence between the change in revenues from export sales and the dynamics of profit indicators before taxation and value added of sold products is revealed. A few data on the structure of costs and starting values of organizations' incomes, which are necessary for the forecast analysis, are listed. The direct dependence between the performance indicators of enterprises and revenues to the regions tax budgets depending on the nature of the foreign economic factor that affects export revenues is substantiated. The purpose of the analysis is to create a tool for forecasting changes in pre-tax profit and value added under the influence of changing prices and sales volumes on foreign markets. The created model contains four final formulas, which were expressed using the generally accepted theory of financial management with the addition of new indicators for the non-standard situations analysis. The presented technology of forecasting the dynamics of tax revenues (based on changes in the indicators that are their tax base) can be used by analytical bodies of regional authorities to assess the consequences of the foreign economic risks implementation and develop recommendations for the federal budget to reallocate funds for support the expenditures of those subjects of the federation, which will experience the most pronounced impact of this phenomenon.

Keywords: foreign economic risks, export, results of the main activity, manufacturing enterprise, regional budget, profit before taxation, value added tax, labor remuneration fund

For citation: Davankov AYu, Egorova AA, Nesterov KE. Analysis of the Relationship Between the Factors of Enterprises Foreign Economic Activity and Tax Revenues to Regional Budgets. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):91-100. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-91-100.

Введение

Промышленный и энергетический сектор экономики Российской Федерации на протяжении последних десятилетий развивался в сторону активной экспансии внешних рынков, что позволяло им активно наращивать объемы производства и реализации. Данная тенденция имела положительное влияние как на сами отрасли, так и на социально-экономическое положение тех регионов, в которых данные сектора имеют наибольшее влияние на величину валового внутреннего продукта. Но опыт последних лет показывает, что активная внешнеэкономическая деятельность несет за собой ряд рисков, способных оказать существенное влияние на показатели основной деятельности экспортеров. Негативное влияние данных рисков на экономические результаты работы основных производителей в регионах может оказывать и столь же существенное влияние на доходную часть бюджетов субъектов Федерации. В результате как и у руководства представителей отраслей, так и у органов местного самоуправления возникает потребность в инструментарию прогнозирования изменения основных показателей деятельности предприятий и налоговых поступлений в бюджет под воздействием внешнеэкономических факторов, а именно динамики цен и объемов продаж экспортной продукции [1].

Продажа продукции на экспорт несет за собой риски, связанные с колебанием курса иностранной валюты в сторону понижения по отношению к национальной, а также риски увеличения экспортных пошлин со стороны собственного правительства или же увеличения таможенных по-

шлин со стороны государства-импортера. Данные факторы оказывают непосредственное влияние на прибыль, приносимую отдельной единицей экспортируемой продукции. Цена также может колебаться и вследствие общемировой тенденции изменения цен на данный вид продукции, с чем часто сталкиваются экспортеры энергоресурсов и металлургические предприятия [2, с. 60].

Практика последних лет показала, что влияние на доход с каждой единицы экспортируемой отраслями продукции может оказывать и фактор возрастающих логистических издержек, в особенности при поставках более отдаленным потребителям, не готовым брать на себя данные издержки.

Наличие такого ряда внешнеэкономических факторов, которые могут поставить под удар результаты основной деятельности отраслей экспортеров, а также сильная экономическая зависимость регионов их размещения от состояния данных показателей (прежде всего из-за влияния на налоговые поступления в региональные бюджеты) обуславливают необходимость отслеживания и прогнозирования изменений показателей деятельности как отдельных предприятий, так и промышленных групп, чтобы иметь общее представление о всех экономических потерях в случае реализации негативных факторов (приводящих к уменьшению экспортных доходов) и принятия решения о мерах по возможному парированию данных явлений развитием сторонних видов деятельности в будущем [3, с. 124].

Государственные органы также нуждаются в инструментарии, который бы позволил заблаговременно прогнозировать изменения в налоговых поступлениях от пострадавших отраслей и выдавать рекомендации по распределению ресурсов федерального бюджета в будущем для предотвращения дефолта в регионах.

Существующие подходы к рассмотрению представленной проблемы

Выбранный подход к достижению поставленной цели требует обратиться к исследованиям в области региональной экономики и финансового менеджмента. Большинство специалистов в области региональной экономики в своих исследованиях проблемы прогноза перспектив развития отраслей и регионов делают акцент на макроэкономических факторах, влияющих на деловую активность.

Так, в частности, ряд авторов в своей прогнозной оценке экономического положения опираются на теорию монетаризма и выделяют денежно-кредитную политику Центрального банка как основной фактор влияния на экономическое развитие регионов. К данным авторам можно отнести М. С. Марамыгина, Л. И. Юзвович и Е. Г. Князева [4].

Другие специалисты ключевым фактором в развитии регионов считают их инвестиционную привлекательность. Т. А. Селищев и Е. Л. Плисецкий отмечают, что развитие социально-экономической среды напрямую зависит от государственной политики в отношении налогового законодательства, а также в отношении административного надзора в сфере организации производственных процессов и контроля качества продукции [5; 6, с. 64].

Помимо этого, многие специалисты в области региональной экономики делают акцент на территориальной политике размещения производственных мощностей как главном факторе обеспечения стабильности экономического развития регионов и оптимизации логистических издержек в отраслях. Подробно данный фактор экономических взаимоотношений в отраслях и регионов рассматривался Л. Э. Лимоновым и В. В. Коршуновым [7, с. 105; 8].

Основная проблема представленных подходов заключается в том, что они не учитывают активную внешнеэкономическую деятельность основных отраслей экономики страны в качестве главного источника внутреннего регионального продукта и, как следствие, налоговых поступлений

в региональный и федеральный бюджеты. А так как основным субъектом инвестиций в транспортную и социальную инфраструктуру страны являются прежде всего органы региональной власти, то именно размер располагаемых ими ресурсов и является основным фактором, влияющим на социально-экономическое развитие регионов в сегодняшних условиях.

Второй проблемой представленных подходов является тот аспект, что макроэкономические факторы способны дать прогнозную оценку динамики деловой активности лишь опосредованно и не учитывают всю специфику внутренних экономических процессов в различных отраслях.

Для решения данной проблемы необходимо обратиться к инструментам, предложенным в цикле исследований из области финансового менеджмента. В данном случае авторы ставят перед собой задачу прогнозирования результатов деятельности коммерческих структур в результате изменения рыночной конъюнктуры. Для этого используются текущие значения показателей финансово-хозяйственной деятельности. Чаще всего специалистами из этой области определяющим фактором развития предприятий считается динамика объемов продаж основной продукции. К авторам, чьи труды подробно описывают практику использования инструментов финансового менеджмента в сегодняшних условиях, относятся И. Я. Лукасевич и А. З. Бобылева [9; 10].

Основной проблемой существующего инструментария прогноза результатов деятельности предприятий является прежде всего упор на влияние динамики объема продаж. В сложившихся макроэкономических условиях дополнительным определяющим фактором может быть и динамика цен реализуемой продукции, особенно на внешних рынках. Если существующие продажи на внутреннем рынке часто определяются условиями заключенных долгосрочных договоров, то в условиях ведения внешнеэкономической деятельности на мировом рынке с более существенной конкуренцией часто имеет место регулярная динамика цен как в сторону повышения, так и в сторону снижения. Влияние этого фактора отдельно от динамики объемов продаж существующими инструментами прогнозирования не выделяется.

Помимо этого, основная масса инструментов прогнозирования ставит перед собой задачу определения динамики показателя «Прибыль до налогообложения». Если целью анализа является исключительно выработка стратегии дальнейших

действий со стороны руководства предприятий, то прогноз этого показателя является достаточным. Но если ставить задачу прогноза изменения поступлений по различным видам налогов, а не только налога на прибыль, тогда в целях анализа текущей ситуации органами региональной власти возникает потребность в прогнозировании такого показателя, как «Добавленная стоимость продукции». Влияние рыночной конъюнктуры на его значение рассматривается довольно редко и без акцента на оценку влияния на налоговые поступления.

Таким образом, возникает потребность в создании инструментария прогнозирования динамики изменения двух показателей основной деятельности предприятий (прибыли до налогообложения и добавленной стоимости продукции), на основе которого можно осуществлять прогноз налоговых поступлений в бюджеты различных уровней, что может дать более корректную картину дальнейших перспектив социально-экономического развития регионов, так как этот аспект напрямую связан с финансовыми возможностями государственного бюджета как основного источника финансирования внутренних инвестиций в социальную и транспортную инфраструктуру.

Результаты исследования и их обсуждение

Чтобы оценить непосредственное влияние внешнеэкономической деятельности основных отраслей, формирующих внутренний региональный продукт, необходимо провести полный анализ зависимости между динамикой экспортных доходов (под воздействием меняющихся объемов реализации и цен на внешних рынках) и показателями основной деятельности предприятий. Помимо распространенного анализа динамики прибыли до налогообложения, необходимо также внедрить в анализ и создать аналогичный инструмент прогнозирования динамики показателя добавленной стоимости реализованной продукции. Так как оба этих показателя являются налоговой базой для взимания налога на прибыль и налога на добавленную стоимость, то возникает возможность прогнозирования динамики поступлений в бюджеты регионов под воздействием тех же внешнеэкономических факторов с поправкой на долю конкретных отраслей во внутреннем региональном продукте. Кроме того, стоит отметить, что фактор, связанный с динамикой объемов продаж экспортируемой продукции, может оказывать влияние и на занятость в анализируемой отрасли, так как он напрямую влияет на уро-

вень задействования производственных мощностей и персонала, что будет вызывать соответствующие изменения в налоговых поступлениях, связанных с фондом оплаты труда.

Для разработки математических методов прогнозирования изменения показателей основной деятельности предприятий и отраслей необходимо принять к рассмотрению первый и основной: выручка организации, которая будет определяться как сумма двух составляющих:

$$TR = TR_{\text{int}} + TR_{\text{exp}}, \quad (1)$$

где TR (Total Revenue) — выручка от всей деятельности организации, в ден. ед.; TR_{int} — выручка от реализации продукции на внутреннем рынке, в ден. ед.; TR_{exp} — выручка от реализации продукции на внешнем рынке, в ден. ед.

В дальнейшем необходимо принять обозначение для доли экспорта в общих доходах организации, который определяется следующим образом:

$$\omega TR_{\text{exp}} = \frac{TR_{\text{exp}}}{TR}, \quad (2)$$

где ωTR_{exp} — доля экспорта в общей выручке организации, в отн. выр.

По схожему принципу можно обозначить и долю внутренних продаж в общей выручке организации. В дальнейшем влияние изменения реализации на внутреннем рынке рассматриваться не будет, но стоит отметить, что в случае уменьшения продаж на внешнем рынке предприятия могут компенсировать их на внутреннем рынке, если будет найден потребитель.

В рамках рассматриваемой темы необходимо определить непосредственное влияние внешнеэкономических факторов, приводящих к снижению экспортной выручки и, как следствие, общего объема реализации организации. Зависимость относительного изменения общей выручки от динамики экспортных доходов необходимо корректировать на их долю в итоговом значении объемов реализации, выведенную в предыдущем равенстве:

$$\Delta\%TR = \omega TR_{\text{exp}} \cdot \Delta\%TR_{\text{exp}}, \quad (3)$$

где $\Delta\%TR$ — изменение общей выручки, в отн. выр.; $\Delta\%TR_{\text{exp}}$ — изменение экспортной выручки, в отн. выр.

Если бы объектом исследования выступала организация, чья налоговая база ограничивалась лишь выручкой, то этого изменения было бы достаточно для понимания динамики налоговых поступлений по системе УСН (упрощенная система налогообложения), но так как большинство

крупных предприятий работают в рамках общей системы налогообложения, то необходимо определить изменение показателя «Прибыль до налогообложения», так как именно она является базой для начисления налога на прибыль.

В рамках общепринятой теории финансового менеджмента влияние фактора динамики объемов реализации продукции на промежуточный показатель операционной прибыли и целевой показатель прибыли до налогообложения определяется при использовании коэффициентов «Операционный рычаг» и «Сила финансового рычага». Используя их значения, а также выведенную ранее зависимость для относительного изменения выручки (3), можно получить окончательный вид равенства для определения относительного изменения прибыли до налогообложения:

$$\Delta\%EBT_{\Delta Q \text{ exp}} = DFL \cdot DOL \cdot \omega TR_{\text{exp}} \cdot \Delta\%TR_{\text{exp}}, \quad (4)$$

где $\Delta\%EBT_{\Delta Q \text{ exp}}$ — изменение прибыли до налогообложения вследствие изменения натурального объема продаж на внешнем рынке; DOL (Degree operating leverage) — операционный рычаг, в ед.; DFL (Degree financial leverage) — сила финансового рычага, в ед.

Произведем пример расчета по выведенному инструменту с использованием исходных данных и по принятой гипотезе о снижении экспортных продаж на 10 % в натуральном выражении. Исходные данные для расчета представлены в табл. 1.

После подготовки необходимых исходных данных можно произвести расчет изменения прибыли до налогообложения:

$$\begin{aligned} \Delta\%EBT_{\Delta Q \text{ exp}} &= DFL \cdot DOL \cdot \omega TR_{\text{exp}} \cdot \Delta\%TR_{\text{exp}} = \\ &= 1,45348022 \cdot 2,35388446 \cdot 0,217 \cdot (-0,1) = \\ &= -0,0743 (-7,43 \%) \end{aligned}$$

Таким образом, для оперативного прогнозирования относительного изменения прибыли до на-

логообложения в результате изменения объемов продаж экспортируемой продукции необходимо вести учет трех участвующих в анализе показателей: «Сила финансового рычага», «Операционный рычаг» и доля экспортных доходов предприятия в общей выручке. Все эти показатели безусловно имеют изменчивый характер, и их обновление необходимо производить с определенной регулярностью, чтобы обеспечить наиболее корректные прогнозы результатов основной деятельности [11].

Применяя данный инструмент, руководство организации или группы предприятий, входящих в общий холдинг, смогут оценивать возможные последствия в результате реализации внешнеэкономических факторов, оказывающих воздействие на объемы реализации продукции на экспорт. По результатам проведенного выше расчета руководство может сделать вывод о том, что снижение объема продаж единиц продукции на экспорт на 10 % приведет к снижению прибыли до налогообложения на 7,43 % согласно тем исходным данным, что были представлены в табл. 1. Точно такое же изменение претерпит и чистая прибыль организации, что в свою очередь повлечет за собой и снижение рентабельности собственного капитала, что способно спровоцировать отток инвесторов этого предприятия до того момента, пока рыночная стоимость размещенных на бирже акций не достигнет той отметки, пока рентабельность акционерного капитала не вернется на прежние значения. Но данный сценарий приведет к удешевлению портфеля крупных держателей акций, если подобная ситуация не будет исправлена в среднесрочной перспективе.

Применяя данную расчетную модель, органы региональной власти или же местного самоуправления способны оценивать изменения поступлений по налогу на прибыль, так как его динамика будет иметь прямую зависимость

Таблица 1
Table 1

Исходные данные для расчета целевого показателя под воздействием динамики объемов продаж на экспорт
Initial data for calculating the target indicator under the influence of the dynamics of export sales

Показатель	Значение
DOL (Операционный рычаг), в ед.	2,35388446
DFL (Сила финансового рычага), в ед.	1,45348022
ωTR_{exp} (доля экспорта в общей выручке), в отн. выр.	0,217
$\Delta\%TR_{\text{exp}}$ (изменение экспортных продаж), в отн. выр.	-0,1

Источник: составлено авторами.

от налоговой базы — показателя прибыли до налогообложения. В результате реализации того сценария, по которому ранее был представлен расчет последствий, региональный бюджет получит поступлений по налогу на прибыль меньше на 7,43 % по сравнению с предыдущим периодом.

Но данная ситуация приведет к изменению не только итоговых финансовых результатов деятельности предприятий, но и к изменению такого показателя, как «Добавленная стоимость». Для дальнейшего анализа примем следующий экономический смысл данного показателя:

$$VA = TR = Cfp, \quad (5)$$

где VA (Value added) — добавленная стоимость реализованной продукции, в ден. ед.; Cfp (Cost of purchase) — входящая стоимость закупаемого предприятием сырья, полуфабрикатов и т. д., в ден. ед.

При рассмотрении сценариев изменения объемов добавленной стоимости необходимо учитывать, в результате какого именно фактора это произошло. В случае ранее рассмотренной ситуации, когда у производителя снижаются объемы производства, но не уровень цен на экспортируемую продукцию, в учете расчета добавленной стоимости реализованной продукции будет участвовать лишь выручка (TR) от реализованной продукции и затраченная на ее производство входящая стоимость (Cfp). То есть при расчете нового значения VA в случае снижения показателя TR ровно на то же относительное значение будет снижаться и Cfp .

В этом случае относительное изменение добавленной стоимости будет в точности повторять динамику выручки, но при условии сохранения прежнего уровня цен на единицу продукции, что приводит к возникновению их равенства:

$$\Delta\%VA_{\Delta Q_{exp}} = \Delta\%TR, \quad (6)$$

где $\Delta\%VA_{\Delta Q_{exp}}$ — изменение добавленной стоимости в результате изменения объемов единиц экспортируемой продукции, в отн. выр.

При замене относительного изменения выручки предприятия на производство доли экспортных доходов в общей выручке и их относительного изменения из правой части (3) будет получен итоговый вид инструмента, прогнозирующего изменение добавленной стоимости реализованной продукции вследствие изменения натуральных объемов экспорта (7):

$$\Delta\%VA_{\Delta Q_{exp}} = \omega TR_{exp} \cdot \Delta\%TR_{exp}. \quad (7)$$

Для примера произведем расчет по тем же исходным данным и гипотезе о снижении объемов экспортных продаж на 10 %, что использовались ранее. Итоговое значение изменения добавленной стоимости представлено в табл. 2.

Таким образом, для осуществления прогноза изменения данного целевого показателя необходимо вести регулярный учет лишь доли экспортной выручки в общем объеме доходов. Но данный инструмент применим только в ситуации, когда экспортная выручка меняется исключительно в результате изменения натурального объема продаж.

Прогноз изменения данного показателя имеет важное значение для понимания динамики поступлений налога на добавленную стоимость (НДС) в бюджеты разных уровней, так как именно он выступает в качестве базы для данного налога. В результате расчет по ранее приведенному сценарию показывает, что объем производства и начисленная добавленная стоимость снизятся на 2,17 % в результате снижения натурального объема экспорта на 10 %.

Также необходимо принять во внимание, что снижение добавленной стоимости в результате уменьшения объемов производства неминуемо приведет к снижению начислений налогов, напрямую связанных с фондом оплаты труда (заложенным внутри добавленной стоимости помимо амортизации оборудования и прибыли предприятия), так как заработная плата основной массы

Таблица 2
Table 2

Расчет относительного изменения добавленной стоимости вследствие изменения объемов экспорта
Calculation of the relative change in value added due to changes in export volumes

Показатель	Значение
ωTR_{exp} (доля экспорта в общей выручке), в отн. выр.	0,217
$\Delta\%TR_{exp}$ (изменение экспортных продаж), в отн. выр.	-0,1
$\Delta\%VA_{\Delta Q_{exp}}$ (изменения добавленной стоимости вследствие изменения объемов экспорта), в отн. выр.	$0,217 \cdot (-0,1) = -0,0217 \cdot (-2,17 \%)$

Источник: составлено авторами.

производственных рабочих является сдельной. Вследствие того, что количество задействованных трудовых ресурсов прямо пропорционально утверждаемой производственной программе, динамика ФОТ (без учета не задействованного в производстве административного персонала) будет напрямую равняться динамике добавленной стоимости, что приводит к такому же изменению начислений налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и взносов во внебюджетные страховые фонды [12, с. 128].

Это обстоятельство приводит к пониманию, что при ранее приведенном сценарии снижения доходов экспортеров региональным бюджетам стоит ожидать такого же снижения поступлений по налогам, связанным с фондом оплаты труда, на 2,17 %.

Ранее выведенная модель прогнозирования изменения прибыли до налогообложения (4) и добавленной стоимости реализованной продукции (7) для производственных отраслей имеет ограничение, связанное с тем, что прогноз будет состоятелен в ситуации, когда меняются лишь объемы реализации продукции на экспорт. Но не менее важным выступают и факторы динамики цен продукции на внешних рынках, а также динамики курса национальной валюты по отношению к иностранной. Ранее выведенная модель прогнозирования не учитывала того факта, что при изменении выручки у предприятия текущие прямые издержки на производство продукции могут оставаться неизменными (при сохранении объемов производственной программы), что кардинальным образом меняет процесс расчета изменения целевых показателей основной деятельности [13].

Предварительно необходимо отметить, что ранее используемый коэффициент «Операционный рычаг» в ситуации изменения цен продукции с сохранением изначальных объемов реализации

более невозможно использовать как инструмент прогнозирования относительного изменения операционной прибыли под влиянием динамики выручки. Это связано с неравенством относительного изменения маржинальной прибыли и выручки, что требуется для использования данного инструмента [14].

В рамках проведенного исследования была выведена зависимость относительного изменения операционной прибыли от ряда показателей основной деятельности предприятия (8):

$$\Delta\%OI = \frac{\Delta\%TR}{CMR - \omega TFC_{TR1}}, \quad (8)$$

где $\Delta\%OI$ (Operating income) — изменение операционной прибыли, в отн. выр.; CMR (Contribution margin ratio) — коэффициент маржинальной прибыли, в отн. выр.; ωTFC_{TR1} — доля постоянных издержек в первоначальном значении выручки, в отн. выр.

Изменение прибыли до налогообложения под воздействием динамики операционной прибыли определяется при помощи показателя «Сила финансового рычага». Используя его, выведенную ранее (8) и (3), выразим окончательный вид зависимости целевого показателя:

$$\Delta\%EBT_{\Delta P_{exp}} = \frac{DFL \cdot \omega TR_{exp} \cdot \Delta\%TR_{exp}}{CMR - \omega TFC_{TR1}}, \quad (9)$$

где $\Delta\%EBT_{\Delta P_{exp}}$ — изменение прибыли до налогообложения вследствие изменения цены продукции на внешнем рынке.

Для примера произведем расчет на основе ранее используемых значений доли экспорта в общей выручке, силы финансового рычага, а также дополним часть необходимых данных (табл. 3).

На основе принятых исходных данных, а также гипотезы об удешевлении экспортируемой продукции на 15 %, произведем пример расчета на основе выведенной (9):

Таблица 3
Table 3

Исходные данные для расчёта целевого показателя под воздействием динамики цен
Initial data for calculating the target indicator under the influence of price dynamics

Показатель	Значение
ωTR_{exp} (доля экспорта в общей выручке), в отн. выр.	0,217
$\Delta\%TR_{exp}$ (изменение экспортных продаж), в отн. выр.	-0,15
DFL (Сила финансового рычага), в ед.	1,45348
CMR (коэффициент маржинальной прибыли), в отн. выр.	0,2726
ωTFC_{TR1} (доля постоянных издержек в первоначальной выручке), в отн. выр.	0,1568

Источник: составлено авторами.

$$\Delta\%EBT_{\Delta P_{\text{exp}}} = \frac{1,45348 \cdot 0,217 \cdot (-0,15)}{0,2726 - 0,1568} = -0,4086(-40,86\%).$$

Результаты проведенного расчета можно интерпретировать следующим образом: снижение цен экспортируемой продукции на внешнем рынке на 15 % приведет к падению прибыли до налогообложения на 40,86 %. Такое значительное снижение прибыли диктуется тем фактом, что в рамках данной гипотезы предприятие не могло повлиять на себестоимость производства продукции, свои постоянные издержки и расходы по финансовой деятельности в краткосрочной перспективе. На основе проведенного анализа органы региональной власти могут сделать вывод о снижении поступлений налога на прибыль на те же 40,86 %, если предприятие не сможет принять никаких мер по стимулированию объемов продаж. Но в рамках сложившейся ситуации под удар попадает и значение добавленной стоимости реализованной продукции.

Для вывода инструмента прогнозирования относительного изменения добавленной стоимости необходимо ввести коэффициент, который будет отвечать за демонстрацию доли добавленной стоимости в выручке предприятия:

$$VAR = \frac{VA}{TR}, \quad (10)$$

где VAR (Value added ratio) — коэффициент добавленной стоимости, в отн. выр.

Использование ранее предложенного коэффициента, который отвечает за корректировку влияния относительного изменения выручки из (3), позволяет вывести окончательный вид зависимости целевого показателя динамики добавленной стоимости вследствие изменения цен на экспортируемую продукцию:

$$\Delta\%VA_{\Delta P_{\text{exp}}} = \frac{\omega TR_{\text{exp}} \cdot \Delta\%TR_{\text{exp}}}{VAR}, \quad (11)$$

где $\Delta\%VA_{\Delta P_{\text{exp}}}$ — изменение добавленной стоимости под воздействием динамики цен экспортируемой продукции, в отн. выр.

Для примера расчета примем ранее используемые данные о доли экспорта в общей выручке, дополним их значением коэффициента добавленной стоимости и примем гипотезу об удешевлении экспортируемой продукции на 15 % (табл. 4).

Далее произведем расчет по формуле (11) с использованием приведенных исходных данных:

$$\Delta\%VA_{\Delta P_{\text{exp}}} = \frac{\omega TR_{\text{exp}} \cdot \Delta\%TR_{\text{exp}}}{VAR} = \frac{0,217 \cdot (-0,15)}{0,5116} = -0,0636(-6,36\%).$$

На основе полученных итогов расчета органы региональной власти могут сделать вывод о том, что в результате снижения цен экспортируемой продукции на 15 % можно ожидать снижения на 6,36 % поступлений налога на добавленную стоимость. Но в рамках данной ситуации ожидать снижения по налогам, связанным с фондом оплаты труда, не приходится, так как объемы производства предприятия не меняются.

Выводы

В результате проведенного исследования зависимости между изменениями результатов основной деятельности предприятий и налоговых поступлений в региональные бюджеты можно сделать вывод о том, что активная внешнеэкономическая деятельность несет за собой риски, которые провоцируют снижение результатов деятельности организаций и, как следствие, уменьшение доходов бюджета регионов. Но экономические последствия данных рисков являются прогнозируемыми, а значит, и у предприятий, и у министерства экономического развития есть возможности по заблаговременному принятию управленческих решений, в том числе в сторону диверсификации деятельности предприятий с целью сниже-

Таблица 4
Table 4

Исходные данные для расчета динамики добавленной стоимости под воздействием фактора изменения цен на экспортируемую продукцию Initial data for calculating the dynamics of value added under the influence of the factor of price changes for exported products

Показатель	Значение
ωTR_{exp} (доля экспорта в общей выручке), в отн. выр.	0,217
$\Delta\%TR_{\text{exp}}$ (изменение экспортных продаж), в отн. выр.	-0,15
Коэффициент добавленной стоимости (VAR), в отн. выр.	0,5116

Источник: составлено авторами.

ния возможных негативных последствий ухудшения внешнеэкономической среды [15].

Предложенный авторами инструментарий позволяет оценить динамику показателей прибыли до налогообложения (4) и добавленной стоимости продукции (7) под воздействием фактора изменения объемов продаж на экспорт анализируемых отраслей, а также динамику данных показателей ((9) и (11) соответственно) под воздействием фактора изменения цен экспортируемой продукции на внешних рынках. Представленная модель опирается как на распространенные показатели из теории финансового менеджмента (операционный и финансовый рычаги) для анализа ситуаций, связанных с динамикой объемов продаж, так и на новые, предложенные авторами статьи, показатели (10) и зависимости (7), (11) для анализа динамики добавленной стоимости реализованной продукции. Использование данного инструментария делает возможным прогнозирование экономических последствий для результатов деятельности самих предприятий и изменений в доходной части бюджетов различных уровней от основных видов налогов (налог на прибыль и НДС). Применение

данной методики требует внедрения базы данных учета ряда показателей финансово-хозяйственной деятельности всех основных отраслей экономики регионов, чтобы использование представленного инструментария позволяло министерству экономического развития делать наиболее точные прогнозы экономического состояния отраслей (на базе меняющейся инвестиционной привлекательности из-за изменений в результатах их деятельности) и динамики налоговых поступлений в региональный бюджет под воздействием двух основных внешнеэкономических факторов, влияющих на экспортные доходы предприятий (динамика цен и спроса на внешних рынках). На основе данных прогнозов руководство самих регионов сможет лучшим образом планировать собственный бюджет (с учетом возможных рисков ухудшения продаж экспортеров), а правительство федерального уровня — составлять резервы на возможные риски возрастания расходов на поддержание региональных бюджетов в случае возникновения негативных внешнеэкономических факторов, способных значительно снизить налоговые поступления, связанные с доходами экспортеров.

Список источников

1. Плисецкий Е. Л. [и др.] Региональная экономика : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 532 с.
2. Пространственная дифференциация и приоритеты социально-экономического развития регионов России : монография / под ред. Е. Л. Плисецкого. М. : РуСайнс, 2018. 234 с.
3. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период : монография / под общ. ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. 316 с.
4. Марамыгин М. С., Юзвович Л. И., Князева Е. Г. [и др.] Денежное хозяйство предприятий : учебник / под общ. ред. М. С. Марамыгина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. 359 с.
5. Селищева Т. А. Региональная экономика : учебник. М. : Инфра-М, 2022. 469 с.
6. Ресурсная обеспеченность как фактор повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности регионов России : монография / под ред. Е. Л. Плисецкого, Ю. А. Симагина. М. : Финансовый университет, 2011. 139 с.
7. Региональная экономика и пространственное развитие учебник для бакалавриата и магистратуры : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Л. Э. Лимонова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 320 с.
8. Коршунов В. В. Совершенствование управления предприятиями промышленности // Экономика в промышленности. 2012. № 2. С. 40–45.
9. Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 680 с.
10. Бобылева А. З. [и др.] Финансовый менеджмент: проблемы и решения : учебник для вузов / под ред. А. З. Бобылевой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 795 с.
11. Антонов А. В. Системный анализ : учебник. М. : Высшая школа, 2004. 454 с.
12. Тертышник М. И. Экономика предприятия : учеб.-метод. комплекс. М. : Инфра-М, 2019. 327 с.
13. Смагин Б. И. Экономико-математические методы : учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 272 с.
14. Шеремет А. Д. Теория экономического анализа : учебник / А. Д. Шеремет, А. Н. Хорин. 4-е изд., доп. М. : Инфра-М, 2021. 389 с.
15. Плисецкий Е. Л. Коммерческая география России. Территориальная организация производства и рынка : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2019. 205 с.

References

1. Plisetsky EL [et al]. Regional economics: textbook for universities. Moscow; 2023. 532 p. (In Russ.).
2. Plisetsky EL. Spatial differentiation and priorities of socio-economic development of Russian regions: monograph. Moscow; 2018. 234 p. (In Russ.).
3. Artobolevsky SS, Glezer OB [et al.]. Regional Development and Regional Policy of Russia in Transition: a monograph. edited by Artobolevsky SS, Glezer OB. Bauman. Moscow; 2011. 316 p. (In Russ.).
4. Maramygin MS, Yuzvovich LI, Knyazeva EG [et al.]. Money management of enterprises: textbook. Ural State University of Economics Publishing House, 2018. 359 p. (In Russ.).
5. Selischeva TA. Regional economy: textbook. INFRA-M, 2022. 469 p. (In Russ.).
6. Plisetsky EL, Simagin YA. Resource endowment as a factor in improving the investment attractiveness and competitiveness of Russian regions: monograph. Moscow; 2011. 139 p. (In Russ.).
7. Limonov LE. Regional Economics and Spatial Development. Vol. 1: textbook for Bachelor's and Master's degree. 2nd ed., revision and additions. Moscow; 2017. 320 p. (In Russ.).
8. Korshunov VV. Improving the management of industrial enterprises. *Ekonomika v promyshlennosti = Economics in Industry*. 2012;(2):40–45. (In Russ.).
9. Lukasevich IYa. Financial Management: textbook and practice for universities. Moscow; 2023. 680 p. (In Russ.).
10. Bobyleva AZ [et al]. Financial management: problems and solutions: a textbook for universities. Moscow; 2023. 795 p. (In Russ.).
11. Antonov AV. System analysis: Textbook. Moscow; 2004. 454 p. (In Russ.).
12. Tertyschnik MI. Economy of the enterprise: educational-methodical complex. Moscow; 2019. 327 p. (In Russ.).
13. Smagin BI. Economic and mathematical methods: textbook for universities. Moscow; 2023. 272 p. (In Russ.).
14. Sheremet AD, Khorin AN. Theory of economic analysis: textbook. Moscow; 2021. 389 p. (In Russ.).
15. Plisetsky EL. Commercial Geography of Russia. Territorial organization of production and market: textbook. Moscow; 2019. 205 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Даванков — доктор экономических наук, профессор.

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета.

К. Е. Нестеров — аспирант, преподаватель.

Information about the authors

A. Yu. Davankov — Doctor of Economics, Professor.

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics.

K. E. Nesterov — Postgraduate Student, Lecturer.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 334.021

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-101-107

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ И ИХ ПОЛИТИК В ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Максим Сергеевич Казадаев^{1✉}, Нгуен Хан Буй²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, max6r@mail.ru, ORCID 0000-0003-0498-322X

²Высшая академия социальных наук, Ханой, Вьетнам, kxanhlaw75@yahoo.com

Аннотация. В современных условиях нестабильности национальной экономической системы актуальным становится вопрос об эффективном стратегическом планировании и реализации организационной стратегии, охватывающей все уровни корпорации. Постпандемийный период и шоковый для многих российских компаний 2022 год заставил топ-менеджмент многих корпораций гибко реагировать на текущие реалии мирового рынка, изменяя прежние стратегии. Интересным в данном ключе представляются факторы, формирующие организационные стратегии исследуемых корпораций. Автором представлена попытка анализа эффективности российских компаний от выбранного типа стратегии применительно к политике в области использования человеческого капитала. В частности, рассмотрены экономикообразующие компании, использующие классическую плановую и классическую процессную стратегии. На основе проведенного исследования выявлено, что взаимосвязь между организационной стратегией и политикой управления в области человеческого капитала существует, более того, чем она выше, тем более успешны компании (выражение в заботе о сотрудниках). Также в качестве отличительного фактора, формирующего организационные стратегии, автором выявлена политика в области охраны труда и промышленной безопасности (являющейся чертой компаний с классической процессной стратегией).

Ключевые слова: стратегия, корпоративная стратегия, Vision Zero, ESG, человеческий капитал, эффективность

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Для цитирования: Казадаев М. С., Буй Н. Х. Взаимосвязь стратегии российских компаний и их политик в области человеческого капитала // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 101–107. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-101-107.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STRATEGY OF RUSSIAN COMPANIES AND THEIR POLICIES IN THE FIELD OF HUMAN CAPITAL

Maxim S. Kazadayev^{1✉}, Nguyen K. Bui²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, max6r@mail.ru, ORCID 0000-0003-0498-322X

²Graduate Academy of Social Science, Hanoi, Vietnam, kxanhlaw75@yahoo.com

Abstract. In modern conditions of instability of the national economic system, the question of effective strategic planning and implementation of an organizational strategy covering all levels of the corporation becomes relevant. The post-pandemic period and the shock year 2022 for many Russian companies forced the top management of many corporations to respond flexibly to the current realities of the global market, changing previous strategies. Interesting in this regard are the factors that shape the organizational strategies of the corporations under study. The author presents an attempt to analyze the effectiveness of Russian companies from the chosen type of strategy in relation to the policy in the field of use of human capital. In particular, economically important companies using classical planned and classical process strategies are considered. Based on the study, it was revealed that there is

a relationship between organizational strategy and management policy in the field of human capital; moreover, the higher it is, the more successful companies are (expressed in caring for employees). Also, as a distinctive factor shaping organizational strategies, the author identified the policy in the field of labor protection and industrial safety (which is a feature of companies with a classic process strategy).

Keywords: strategy, corporate strategy, Vision Zero, ESG, human capital, efficiency

Funding: The reported study was funded by RFBR and VASS, project no. 20-510-92006.

For citation: Kazadayev MS, Bui NK. The Relationship Between the Strategy of Russian Companies and Their Policies in the Field of Human Capital. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):101-107. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-101-107.

Введение

В современных условиях нестабильности национальной экономической системы, выраженных в том числе в виде высокой санкционной нагрузки в отношении многих экономикообразующих корпораций, особенно актуальным становится вопрос об эффективном стратегическом планировании и, как следствие, реализации конкурентной организационной стратегии, охватывающей все уровни компании. Постпандемийный период и события 2022 г., охарактеризованные многочисленными барьерами для российских компаний, буквально обрисовали точную истину в контексте стратегического планирования: мало того, что стратегия компании должна всё больше учитывать интересы заинтересованных сторон в контексте ее инвестиционной привлекательности на рынках как внутренних, так и внешних, но в равной же степени она должна быть гибкой, отвечая на вызовы нового времени.

Человек со всеми его навыками и способностями, определенными в общую категорию — человеческий капитал, становится не просто важным ресурсом для компании, но прежде всего ее ценным активом, генератором нового знания. В своей совокупности весь человеческий капитал и обеспечивает конкурентоспособность компании на рынке, олицетворяя ее преимущества по сравнению с другими. В свою очередь, взаимосвязь человека и корпорации находит свое отражение как в политике компании в области управления человеческим капиталом, так и на более высоком уровне, в общей стратегии развития компании. Именно поэтому интересным представляется вопрос о взаимосвязи или же влиянии факторов, относящихся к использованию человеческого капитала, применительно к формированию общей стратегии фирмы. Таким же образом многие компании ставят актуальной данную задачу, выделяя в качестве одной из заинтересованных сторон своих сотрудников. Так как же обстоят дела в действительности?

Теоретический обзор

Вопросам стратегического планирования и классификации организационных стратегий в экономической литературе посвящено достаточно большое количество работ. Так, например, Н. Р. Чекашкина, рассматривая эволюционное развитие стратегии роста и ее преимущества в современных условиях, говорит о том, что в конечном итоге выбор организационного пути зависит во многом от решений топ-менеджмента компании, однако он должен проходить в ключевых разрезах развития интеллектуального капитала и самой категории знания внутри фирмы, что отвечает складывающимся ныне условиям [11].

В. В. Тарнопольский в своем исследовании также подчеркнул не только роль знаний на уровне стратегического планирования, но и реализацию данного ресурса — знания — непосредственно через сотрудников фирмы и новейших технологий, благодаря чему компания сумеет стать уникальной и конкурентоспособной по отношению к прочим рыночным субъектам [9]. Фактически можно сказать о построении знаниеориентированной стратегии корпорации.

Вопросами классификации общих стратегий также посвящены труды Е. В. Николаевой, Д. А. Плетнёва, Е. В. Козловой. Они, в свою очередь, рассматривая существующие подходы к классификации стратегий корпораций, выделили следующие: компании, использующие классическую плановую стратегию; компании, использующие классическую процессную стратегию; компании, использующие стратегию формирования; компании, использующие стратегию классическую идеологическую; компании, использующие адаптационную стратегию, визионерскую или же стратегию обновления. Но в большинстве своем российские компании используют классическую процессную или же классическую плановую стратегии, реже — стратегию формирования и идеологическую (в основном данные стратегии характерны корпорациям банковской сферы и сферы инновационной: телекоммуника-

ции, IT-индустрия) [5]. В дальнейшем исследовании автор в контексте исследования взаимосвязи или влияния факторов, относящихся к использованию человеческого капитала, применительно к формированию общей стратегии фирмы будет рассматривать предложенную классификацию, поскольку она в большей степени позволяет ответить на поставленные в исследовании задачи.

Взаимосвязи политики, проводимой в области человеческого капитала, и общей стратегии корпорации посвящены исследования Д. А. Плетнёва, О. М. Гусаровой, Т. В. Регер, М. В. Лёвиной, К. Б. Дейновой и др [1; 4; 8]. В проведенных исследованиях авторы не только определяют развитие носителя человеческого капитала как ключевую концепцию в рамках проводимой организационной стратегии, но и обосновывают необходимость инвестиций в развитие человеческих ресурсов, что в конечном итоге не только обеспечит фирме конкурентоспособность, но и ее «уникальность».

Говоря о последнем, в этом разрезе можно выделить феномен корпоративных университетов, благодаря которым данный внутрикорпоративный блок становится не просто центром обучения и повышения квалификации своих сотрудников, но уникальной разработкой компании, отвечающей ее потребностям [6].

О взаимосвязи факторов, относящихся к политике в области человеческого капитала, применимо к факторам формирования и реализации общих стратегий говорится в исследовании Д. А. Плетнёва, Е. А. Степанова, Е. В. Козловой и др [10]. В частности, интересным представляется проводимая политика компаний в области промышленной безопасности и охраны труда — «Vision Zero», включающей такие показатели, как коэффициенты травматизма, частоты несчастных случаев на предприятии, заболеваемости.

Политика в области промышленной безопасности и охраны труда направлена не только на снижение частоты несчастных случаев на производстве, но и на повышение производительности труда как одного из ключевых факторов, выделяемых в общеорганизационных стратегиях исследуемых компаний. В частности, о важности производительности труда в контексте развития компаний пишут Д. А. Плетнёв и Е. В. Козлова [7], а о необходимости инвестиций в разрезе охраны труда и промышленной безопасности с целью укрепления «здоровья» человеческого капитала и его работоспособности говорится в исследовании Л. Н. Кончаковой и С. В. Чугуновой [3].

Методология исследования

Определив теоретический базис взаимосвязи факторов, относящихся к политике в области человеческого капитала, и общей организационной стратегии, обратимся к практической части исследования, в рамках которого авторами было отобрано 18 компаний (девять компаний с классической плановой стратегией и девять компаний с классической процессной стратегией, в основном характеризующихся выбором стратегии вследствие отраслевой специфики) таких микрообразующих отраслей, как нефтяная промышленность (ПАО «Татнефть» — классическая плановая стратегия, ПАО «Роснефть» — классическая процессная стратегия, ПАО «Газпром» — классическая процессная стратегия, ПАО «Лукойл» — классическая процессная стратегия, ПАО «НОВАТЭК» — классическая процессная стратегия), электроэнергетика (ПАО «Россети» — классическая плановая стратегия, ПАО «РусГидро» — классическая плановая стратегия, ПАО «Иркутскэнерго» — классическая плановая стратегия), металлургия (ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» — классическая плановая стратегия, ПАО «Мечел» — классическая плановая стратегия, ПАО «Северсталь» — классическая плановая стратегия, ПАО «Трубная металлургическая компания» — классическая плановая стратегия, ПАО «НЛМК» — классическая процессная стратегия), добывающая промышленность (ПАО «Полюс» — классическая плановая стратегия, ПАО «Норильский никель» — классическая процессная стратегия), химическая промышленность (ПАО «ФосАгро» — классическая процессная стратегия, ПАО «Акрон» — классическая процессная стратегия) и отрасль строительства (ПАО «Группа ЛСР» — классическая процессная стратегия). Данные компании были отобраны с учетом доступности материалов в свободном доступе (еще одной проблемой шокового 2022 года является то, что многие компании отказались от публикации значительной части своих данных либо же и вовсе провели реструктуризацию в аспекте политики свободного доступа, ограничив во многом информацию для заинтересованных сторон с целью пресечения утечки собственных данных). Авторами были рассмотрены такие показатели эффективности компаний за период с 2018 по 2022 г., как выручка, капитализация и рентабельность продаж, а также показатели в части человеческого капитала: производительность труда, коэффициент травматизма и средний уровень заработной пла-

ты в исследуемых компаниях. Информационную базу исследования составили документы, находящиеся в открытом доступе: годовые отчеты и отчеты об устойчивом развитии компаний, отчеты о финансовых результатах, новостные порталы «РБК» и «Ведомости», а также электронные рекрутинговые сервисы HH.ru и прочие. Авторами были приведены усредненные показатели с 2018 по 2021 г. и с 2018 по 2022 г.: вследствие того, что для многочисленных компаний 2022 г. стал провальным по многим финансовым показателям.

Результаты исследования

Исходя из представленных результатов (табл. 1), мы можем заметить, что практически по всем показателям наибольшую эффективность показывают компании, использующие классическую процессную стратегию: они уступают компаниям, использующим классическую плановую стратегию, только в промежутке с 2018 по 2022 г. с разницей в 2,7 % относительно темпов роста выручки, что в большей степени объ-

ясняется значительными барьерами со стороны мирового рынка. Компании были вынуждены гибко реагировать на введенные санкции и перестраивать производственную, логистическую и прочие структуры, таким образом подтверждая свою стабильность на внутренних и внешних рынках, демонстрируя доверие со стороны заинтересованных лиц (усредненный показатель темпов роста капитализации компаний с процессной стратегией выше, чем у компаний, придерживающихся другого типа стратегии). Данное обстоятельство подтверждается как активной позицией в отношении повышения инвестиционной привлекательности (компании остались привержены политике доступности информации), так и своим отношением к развитию человеческого капитала. Рассмотрим усредненные показатели использования человеческого капитала в табл. 2.

Как можно заметить из приведенных результатов, лидерство по многим показателям в части политики управления человеческим капиталом остается за компаниями, использующими класси-

Таблица 1
Table 1

Усредненные показатели эффективности исследуемых компаний Average performance indicators of the companies studied

Стратегия компании	Средний темп роста выручки 2018–2021, %	Средний темп роста выручки 2018–2022, %	Средняя рентабельность продаж 2018–2021, %	Средняя рентабельность продаж 2018–2022, %	Средний темп роста капитализации 2018–2021, %	Средний темп роста капитализации 2018–2022, %
Классическая плановая стратегия	6	14,8	15,1	13,8	9,4	18,5
Классическая процессная стратегия	10,1	12,1	17,1	14,5	12,5	19,6

Источник: составлено авторами.

Таблица 2
Table 2

Усредненные показатели использования человеческого капитала Average indicators of the use of human capital

Стратегия компании	Средняя производительность труда, 2018–2021, млрд руб./чел.	Средняя производительность труда, 2018–2022, млрд руб./чел.	Средний коэффициент травматизма, 2018–2021	Средний коэффициент травматизма, 2018–2022	Средняя заработная плата, 2022, руб.
Классическая плановая стратегия	0,017	0,017	0,418	0,402	79 075,5
Классическая процессная стратегия	0,026	0,027	0,47	0,452	124 832

Источник: составлено авторами.

ческую процессную стратегию: это подтверждает как рост производительности труда и количественная разница в разрезе с компаниями с классической плановой стратегией, так и показатели заработной платы. Несмотря на то, что коэффициент травматизма в среднем у компаний с классической процессной стратегией выше, однако динамика изменения показателя демонстрирует, что если за весь период исследования рост травм в среднем у компаний с плановой стратегией составил 22,4 %, то рост травм в среднем у компаний с процессной стратегией составил 8,1 %, что говорит об эффективной политике в области охраны труда, промышленной безопасности и заботе о собственных сотрудниках. Примечателен и тот факт, что если компании объединены в стремлении и следовании международной ESG-повестке, то в части политики ОХТ и ПБ имеются существенные различия. Компании с плановой стратегией зачастую не заявляют о проводимой политике такого формата, сетуя на простое следование целям устойчивого развития ООН или же целям ESG-повестки, тогда как компании с процессной стратегией используют совершенно иной подход: выделяя в качестве важного фундамента цели устойчивого развития ООН и ESG, они, тем не менее, на собственных площадках организуют собственные обучающие центры или же внедряют программы по предотвращению несчастных

случаев и обеспечению производственной безопасности, носящие уникальный характер, в корпоративные университеты, во многом опережая своих конкурентов в части инвестирования в здоровье и охрану человеческого капитала.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что связь между эффективностью компаний в зависимости от типа выбранной стратегии и факторами, относящимися к политике в области человеческого капитала, присутствует: компании с классической процессной стратегией не только более гибко реагируют на смену экономической ситуации в мире, успешно управляя собственным активом — человеческим капиталом, но и в первую очередь отдают ему значимую роль в развитии и становлении корпорации на внутренних и внешних рынках, всесторонне развивая и мотивируя своих сотрудников с целью поддержания собственной эффективной деятельности. И, во-вторых, необходимо отметить, что наличие такого фактора, как политика в области охраны труда и промышленной безопасности (либо же политика Vision Zero), является отличительной чертой компаний, использующих классическую процессную стратегию, что позволяет сказать о данном факторе как об одном из формирующих организационную стратегию корпорации.

Список источников

1. Гусарова О. М., Регер Т. В. Стратегии управления человеческими ресурсами и их зависимость от генеральных стратегий компании // *Маркетинг и логистика*. 2019. № 3 (23). С. 24–33.
2. Комарова А. С. Роль человеческого капитала и производительности труда в России // *Известия ТГУ. Экономические и юридические науки*. 2013. № 5. С. 163.
3. Кончакова Л. Н., Чугунова С. В. Человеческий капитал и инвестиции в человеческий капитал предприятия // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2017. Т. 3, № 13. С. 48–50.
4. Левина М. В., Дейнова К. Б. Место и роль кадровой стратегии в общей стратегии управления компанией // *Наука и образование*. 2022. Т. 5, № 1.
5. Николаева Е. В., Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2021. Т. 14, № 3. С. 73–85.
6. Плетнёв Д. А., Казадаев М. С. Корпоративные университеты как факторы устойчивости и эффективности российских компаний в пандемию // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 6 (464). С. 165–178.
7. Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. Особенности отчуждения и оппортунизма работников российских компаний в зависимости от их приверженности к управленческим ролям // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023. № 3 (473). С. 156–169.
8. Плетнёв Д. А., Казадаев М. С. Стратегии управления человеческими ресурсами в российских корпорациях при переходе к ноономике // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 227, № 1. С. 338–359.
9. Тарнопольский В. В. Стратегии управления знаниями в компаниях // *Качество. Инновации. Образование*. 2009. № 5 (48). С. 17–21.

10. Плетнёв Д. А., Степанов Е. А., Буй Н. Х., Козлова Е. В., Наумова К. А., Каздаев М. С. Факторы формирования и реализации стратегий компаний в условиях 2022 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). С. 90–101.
11. Чекашкина Н. Р. Развитие практических подходов к использованию стратегий роста в деятельности компаний в стратегической перспективе // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2021. Т. 9, № 3 (54). С. 116–129.
12. Шардан С. К., Чажаева М. М., Урусова Р. Р. Анализ соответствия стратегии человеческих ресурсов с корпоративной стратегией предприятия // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 3. С. 185–189.

References

1. Gusarova OM, Reger TV. Human resource management strategies and their dependence on the company's general strategies. *Marketing i logistika = Marketing and Logistics*. 2019;3(23):24-33. (In Russ.).
2. Komarova AS. The role of human capital and labor productivity in Russia. *Izvestiya TGU. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki = News of TSU. Economic and legal sciences*. 2013;(5):163. (In Russ.).
3. Konchakova LN, Chugunova SV. Human capital and investments in the human capital of an enterprise. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavтики = Current problems of aviation and astronautics*. 2017;3(13):48-50. (In Russ.).
4. Levina MV, Deynova KB. The place and role of personnel strategy in the overall company management strategy. *Nauka i obrazovaniye = Science and Education*. 2022;5(1). (In Russ.).
5. Nikolaeva EV, Pletnev DA, Kozlova EV. Identification of strategies of Russian corporations: markers and results. *Nauchno-tekhnicheskii zhurnal Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskkiye nauki = Scientific and Technical Journal of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences*. 2021;14(3):73-85. (In Russ.).
6. Pletnev DA, Kazadaev MS. Corporate universities as factors of sustainability and efficiency of Russian companies during a pandemic. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;6(464):165-178. (In Russ.).
7. Pletnev DA, Kozlova EV. Features of alienation and opportunism of employees of Russian companies depending on their commitment to managerial roles. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):156-169. (In Russ.).
8. Pletnev DA, Kazadaev MS. Strategies for managing human resources in Russian corporations during the transition to neonomics. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;227(1):338-359. (In Russ.).
9. Tarnopolsky VV. Knowledge management strategies in companies. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovaniye = Quality. Innovation. Education*. 2009;5(48):17-21. (In Russ.).
10. Pletnev DA, Stepanov EA, Bui NK, Kozlova EV, Naumova KA, Kazadaev MS. Factors in the formation and implementation of company strategies in the conditions of 2022. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;4(462):90-101. (In Russ.).
11. Chekashkina NR. Development of practical approaches to the use of growth strategies in the activities of companies in a strategic perspective. *Aktual'nyye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika = Current directions of scientific research of the XXI century: theory and practice*. 2021;9.3(54):116-129. (In Russ.).
12. Shardan SK, Chazhaeva MM, Urusova RR. Analysis of the correspondence between the strategy of human resources and the corporate strategy of the enterprise. *Regional'naya i promyshlennaya ekonomika = Regional and industrial economics*. 2023;(3):185-189. (In Russ.).

Информация об авторах

М. С. Каздаев — преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков.

Н. Х. Буй — директор.

Information about the authors

M. S. Kazadaev — Lecturer of the Department of Industry and Market Economics.

N. K. Bui — Director.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 108–117.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(12(482):108-117. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 001.891

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-108-117

ОСОБЕННОСТИ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА: КЕЙС НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ» «ВЕСТНИКА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Дмитрий Александрович Плетнёв¹, Татьяна Владимировна Левикова²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tata_levikova2000@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты использования в академическом сообществе статей научного журнала «Вестник Челябинского государственного университета» по направлению «Экономические науки». Исследование основано на данных информационной системы РИНЦ за 2018–2022 гг. Рассчитано общее число цитат каждого выпуска, отдельных статей, индекс Хирша для выпусков и по годам. Выявлены основные тенденции и закономерности цитирования статей, в том числе трехлетняя задержка, увлечение темой цифровизации, невнимание к статьям молодых авторов и к международной тематике. Результаты исследования могут быть полезны редакторам научных журналов для сопоставления показателей их журналов с исследуемым в настоящей статье, а также для совершенствования редакционной политики.

Ключевые слова: наукометрия, научная статья, научные журналы, индексы цитирования, индекс Хирша, h-индекс

Для цитирования: Плетнев Д. А., Левикова Т. В. Особенности наукометрических результатов российского научного журнала: кейс научного направления «Экономические науки» «Вестника Челябинского государственного университета» // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 108–117. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-108-117.

Original article

FEATURES OF SCIENTOMETRIC RESULTS OF A RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL: THE CASE OF THE SCIENTIFIC DIRECTION “ECONOMIC SCIENCES” OF THE BULLETIN OF CHELYABINSK STATE UNIVERSITY

Dmitry A. Pletnev¹, Tatyana V. Levikova²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tata_levikova2000@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the use in the academic community of articles of the scientific journal Bulletin of Chelyabinsk State University in the direction of “Economic Sciences”. The study is based on data from the RSCI information system for 2018–2022. The total number of citations for each issue, individual articles, and the H-index for issues and by year were calculated. The main trends and patterns in citing articles have been identified, including a three-year delay, passion for the topic of digitalization, inattention to articles by young authors and to international topics. The results of the study may be useful to editors of scientific journals for comparing the indicators of their journals with the one studied in this article, as well as for improving editorial policies.

Keywords: scientometrics, scientific article, scientific journals, citation indices, Hirsch index, h-index

For citation: Pletnev DA, Levikova TV. Features of Scientometric Results of a Russian Scientific Journal: the Case of the Scientific Direction “Economic Sciences” of the Bulletin of Chelyabinsk State University. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):108-117. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-108-117.

Введение

Наукометрия постепенно становится органической частью научных исследований, предлагая всё более детальные количественные методы анализа результатов научной деятельности, в том числе оценку научной продуктивности и влияния научных работ. Одним из основных инструментов наукометрии является анализ публикаций в научных журналах.

Научные статьи являются основным способом коммуникации результатов исследований в научном сообществе. Цитирование отдельных статей и в целом всех публикаций научного журнала служит мерилем его влияния в научном сообществе. Журналы с высоким уровнем цитирования уже традиционно считаются более авторитетными и влиятельными.

«Вестник Челябинского государственного университета» постепенно встраивается в международно признанные стандарты научных публикаций, повышающие его видимость и узнаваемость среди научного сообщества. Особенностью нашего журнала является его междисциплинарный характер, из-за чего использование автоматизированных средств анализа наукометрических результатов, предоставляемых платформой РИНЦ, отдельно для направления «Экономические науки», невозможен. Однако особенности использования публикаций журнала экономическим научным сообществом, безусловно, представляет научно-практический интерес, для уточнения редакционной политики и дальнейшего развития научного журнала. Более того, анализ наукометрических результатов журнала позволит проводить сравнительный анализ его и других научных изданий. Цель статьи: оценить использование в академических целях статей научного журнала «Вестник Челябинского государственного университета», опубликованных по направлению «Экономические науки» в 2018–2022 гг. Основные задачи: осуществить свод данных об использовании статей на основе данных РИНЦ; рассчитать сводные показатели по годам и направлениям; выявить тенденции в использовании статей; определить точки роста.

Обзор литературы

В последние десятилетия наукометрические методы стали широко применяться для оценки научной продуктивности, влияния и качества научных исследований. Наукометрические показатели — цитирование, журнальные индексы, h-индекс и другие — используются для оценки эффективности научной деятельности индивидуальных исследователей, научных групп, университетов и научных журналов.

Д. Л. Солодкин определил, что впервые термин «наукометрия» был независимо введен советским ученым В. В. Налимовым, Г. М. Добровым и американским ученым А. Притчардом в 1969 г. Наукометрия — это область исследований, которая занимается количественным анализом научных публикаций, авторов, журналов и других научных аспектов. Основной задачей наукометрии является измерение влияния научных исследований и определение их степени релевантности и значимости.

Один из основных инструментов наукометрии — это индексы цитирования. Индексы цитирования представляют собой числовые оценки, которые отражают частоту и важность цитирования научной статьи или журнала другими исследователями [2]. Индексы цитирования являются важной характеристикой научной деятельности ученых и исследователей. Они призваны оценить степень влияния работ ученых на научное сообщество и определить их научную продуктивность. Наиболее известными индексами цитирования являются индекс Хирша (h-индекс), индекс цитирования (i10-индекс) и многие другие.

Один из наиболее распространенных и широко применяемых индексов цитирования — это индекс Хирша, также известный как h-индекс. Он был предложен американским физиком Хорасом Хиршем в 2005 г. [3]. Индекс Хирша позволяет одновременно учесть как количество публикаций, так и их цитируемость.

Другим важным индексом цитирования является i10-индекс, который был предложен компанией Google. Он определяет количество публикаций ученого, которые были цитированы хотя бы 10 раз. Этот индекс помогает выявить ученых, работа которых нашла широкий отклик и была признана важной в научном сообществе [4].

Индексы цитирования имеют свои преимущества и недостатки. С их помощью можно оценить научную активность и значимость работ ученого или журнала, а также сравнивать разных ученых или разные журналы между собой.

А. А. Крулев утверждает, что индексы цитирования являются полезным инструментом для научного сообщества. Они позволяют ученым исследовать и оценивать научную продуктивность коллег, а также помогают ученым принимать важные решения, связанные с научной карьерой и финансированием исследований [5]. Другие авторы считают, что использование метрик, таких как индекс цитирования и импакт-фактор, позволяет провести объективное сравнение научных достижений и оценить их влияние на научное сообщество [6].

Однако другие авторы критикуют использование наукометрии и метрик как основы для оценки научной продуктивности. В. Н. Гуреев, И. Г. Лакизо и Н. А. Мазов высказывают опасения относительно искажений, связанных с таким подходом, таких как недооценка молодых исследователей, оценка качества исследований только на основе их цитируемости, также они могут быть искажены влиянием некоторых факторов, таких как авторы с высоким профилем или цитирование собственных работ. Метрики не могут полностью отразить всю научную деятельность исследователей, так как не учитывают качество, оригинальность работы и вклад каждого автора, ведь часто бывает автор чисто номинальный [7]. И. Ю. Юрченко также говорит о необходимости учета качественных показателей индекса цитирования [8]. О. В. Михайлов в своих работах рассуждает о том, что самому популярному индексу цитируемости, индексу Хирша, давно необходима модификация, обсуждает возможность и предлагает инновацию, j-индекс [9–11].

Также существуют исследования, предлагающие альтернативные подходы к оценке научной продуктивности и влияния. Так, А. Я. Рубинштейн и Н. А. Бураков предложили использовать качественные характеристики, полученные на основе регулярного социологического опроса [12]. Эти авторы выделяют сложность и многоаспектность научной деятельности, которая может не укладываться в рамки количественных метрик.

Е. В. Иваницкая рассматривает такие важные понятия, как научная статья и научный журнал. Научная статья — это формальный исследовательский документ, который содержит резуль-

таты научного исследования, его методологию, аргументацию и выводы [13]. Автор утверждает, что научные статьи являются ключевым инструментом коммуникации в научном сообществе и служат для распространения новых знаний и идей [14]. Научный журнал — это печатное издание или онлайн-ресурс, который публикует научные статьи, рецензии и другие научные материалы. Журналы являются важной частью научной инфраструктуры и выполняют роль фильтрации, оценки и распространения научной информации между исследователями.

Индексы цитирования и научные статьи тесно связаны с научными журналами. Индексы цитирования помогают определить, насколько цитируемыми являются определенные научные статьи и какой научный журнал является престижным и авторитетным. Для авторов научных статей публикация в журнале с высоким индексом цитирования может означать большее признание и отклик со стороны научного сообщества.

В целом, наукометрия, индексы цитирования, научные статьи и научные журналы являются важными компонентами научного процесса. Они помогают исследователям измерять и обозначать вклад в науку, оценивать релевантность результатов и обсуждать и сравнивать свои открытия с другими учеными. Однако при использовании и интерпретации индексов цитирования необходимо учитывать их ограничения и не использовать их как единственный критерий для оценки научной работы.

Описание данных и метода подсчета

Для проведения анализа была использована база данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Были проанализированы выпуски и отдельные публикации «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки» (по четыре выпуска в год) за последние пять полных лет с целью выявления их цитируемости и влияния на научное сообщество. Были проанализированы следующие параметры: количество публикаций, количество цитирований, цитаты на одну статью, h-индекс, максимальное число цитат на статью в каждом выпуске и за год в целом, а также количество статей без цитат.

Хорхе Хирш пишет: «Учёный имеет индекс h, если h из его Np статей цитируются как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся (Np – h) статей цитируются не более чем h раз каждая» [15]. То есть автор, опубликовавший 10 статей, на каждую из которых приходится 1 цитиро-

вание, имеет h-индекс равный 1. Другой ученый опубликовал 1 статью, на которую сослались 10 человек, его h-индекс также будет равен 1. h-индекс можно посчитать и для научного журнала. Для этого нужно упорядочить все статьи по количеству цитирований (от большего к меньшему) и определить, сколько статей имеют не меньше цитирований, чем номер этой статьи в указанном рейтинге. Ученые и журналы с высокими значениями h-индекса считаются более авторитетными и влиятельными в своей области, так как их работы были значимыми для научного сообщества.

Результаты

В целом за рассматриваемые пять лет в «Вестнике ЧелГУ» по направлению «Экономические науки» было опубликовано 515 статей. Стоит заметить, что количество статей из года в год не было одинаковым, однако, сравнивая с 2018 г., можно сказать, что количество публикаций выросло. Наибольшее количество статей наблюдалось в 2020 г., что может быть связано с пандемией и самоизоляцией, что позволило людям тратить больше времени на науку. Наибольшее количество цитат и наименьшее количество статей без цитат наблюдались в 2018 г., в самом раннем изучаемом периоде. Также видно, что с каждым годом количество цитат уменьшается, а количество статей без цитат, наоборот, растет. Вырисовывается тенденция, что чем новее выпуск, тем меньше людей успели на него сослаться (табл. 1).

Рассмотрим цитирование каждого выпуска в отдельности (рис. 1). Просматривается тенденция к снижению количества цитирований от первого выпуска 2018 г. к последнему выпуску 2022 г. Это связано с тем, что чем новее выпуск,

тем меньше времени было у ученых изучить его и процитировать в своих работах.

Если рассматривать показатель цитаты на одну статью (рис. 2), то также просматривается отрицательная тенденция: чем новее выпуск, тем меньше его цитируют. Стоит отметить, что первые выпуски имели высокие значения цитат на одну статью. Это указывает на то, что статьи, опубликованные в «Вестнике ЧелГУ» по направлению «Экономические науки», вызывают интерес у исследователей из различных областей науки и активно используются в научных исследованиях и практике.

На рис. 3 видна основная тенденция: чем новее выпуск, тем большее количество статей без цитирования. Однако стоит отметить, что и в последних выпусках имеются статьи с цитированиями. Скорее всего, в данных статьях поднимаются наиболее актуальные и популярные проблемы. И наоборот, в первых выпусках есть статьи совсем без цитирований, и тут можно предположить два варианта: либо данные статьи остались без внимания в связи со своей уникальной или невостребованной темой, либо это статьи молодых ученых, которых научная общественность пока не признает.

Похожая динамика и у индекса Хирша: если в выпусках 2018–2019 гг. к середине 2023 г. можно насчитать 4–6 статей, ставших достаточно популярными и цитируемыми, то более «молодые» выпуски не имеют пока в своем составе таких статей. Этот график подтверждает вывод о том, что срок вхождения в научный обиход результатов, публикуемых в исследуемом журнале, — 3–5 лет. Более того, еще более ранние выпуски демонстрируют еще лучшую цитируемость, что позволяет предположить расширение читательского интереса по прошествии лет.

Таблица 1

Table 1

Результаты работы «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки», 2018–2022 гг. The results of the work of the Bulletin of ChelSU in the field of “Economic Sciences”, 2018-2022

Период	Число статей	Число цитат	Цитаты на одну статью	h-индекс	Максимальное число цитат на статью	Число статей без цитат (доля)
2018	90	399	4,4	11	49	22 (24,4 %)
2019	101	280	2,8	8	20	33 (32,7 %)
2020	118	202	1,7	8	14	57 (48,3 %)
2021	111	77	0,7	4	12	77 (69,4 %)
2022	95	21	0,2	2	4	82 (86,3 %)
Итого	515	979	1,9	13	49	271 (52,6 %)

Источник: составлено авторами.

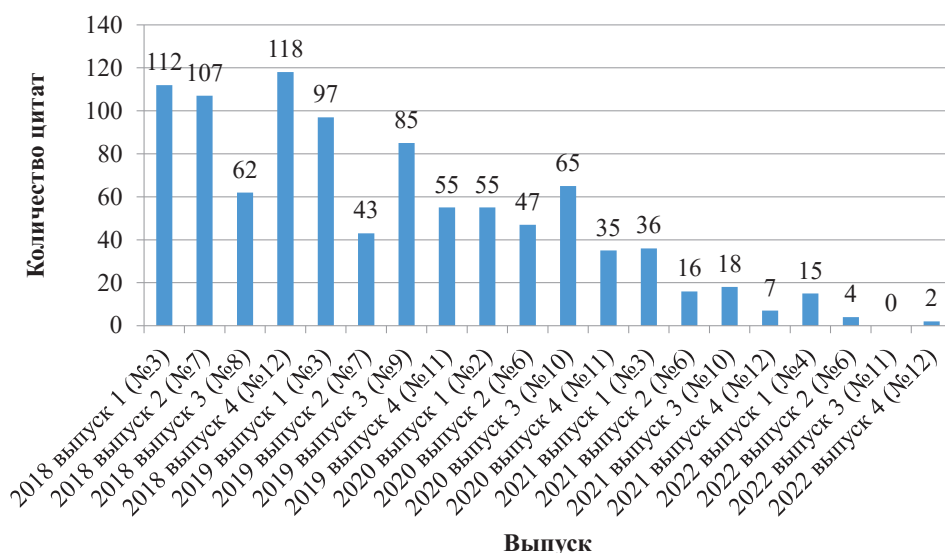

Рис. 1. Количество цитат в каждом выпуске «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки», 2018–2022 гг.

Fig. 1. The number of citations in each issue of the Bulletin of ChelSU in the field of "Economic Sciences", 2018–2022

Источник: составлено авторами.

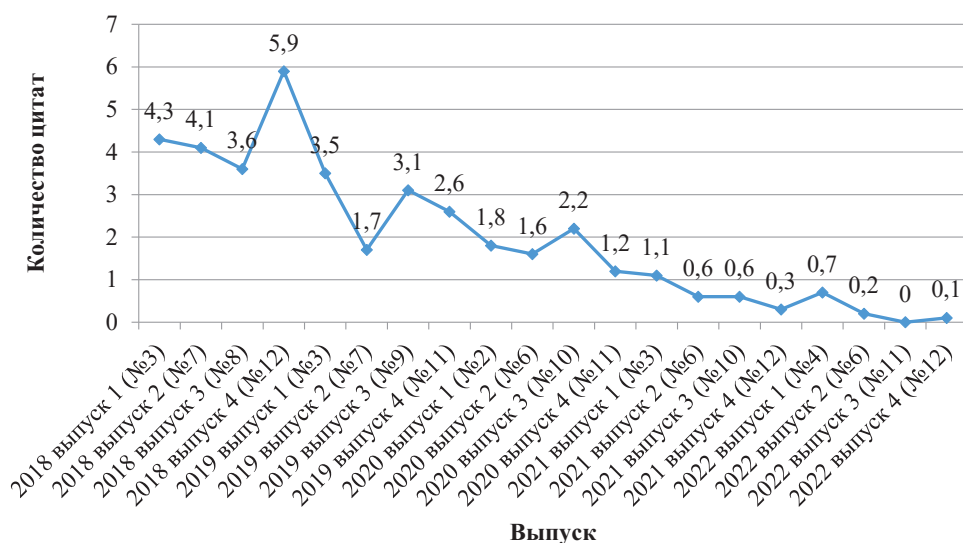

Рис. 2. Количество цитат на одну статью в каждом выпуске «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки», 2018–2022 гг.

Fig. 2. The number of citations per 1 article in each issue of the Bulletin of ChelSU in the field of "Economic Sciences", 2018–2022

Источник: составлено авторами.

Наибольшее значение максимального числа цитат на статью наблюдается в ранних выпусках «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки». Наиболее популярная статья за весь исследуемый период набрала 49 цитирований. Это статья Е. А. Истоминой из четвертого выпуска 2018 г. на тему «Оценка трендов цифровизации в промышленности» [16]. Сложно не согласиться, что на сегодняшний день это является

одной из самых изучаемых проблем в мире науки, ведь сейчас век цифровизации. Про цифровую экономику писали и попали в топ: Ю. Ш. Капкаев с соавторами «Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики» [17]; О. В. Дьяченко, Е. А. Истомина «Теоретические основы цифровой экономики в документах стратегического планирования» [18]; И. В. Козлова «Влияние цифровизации на ры-

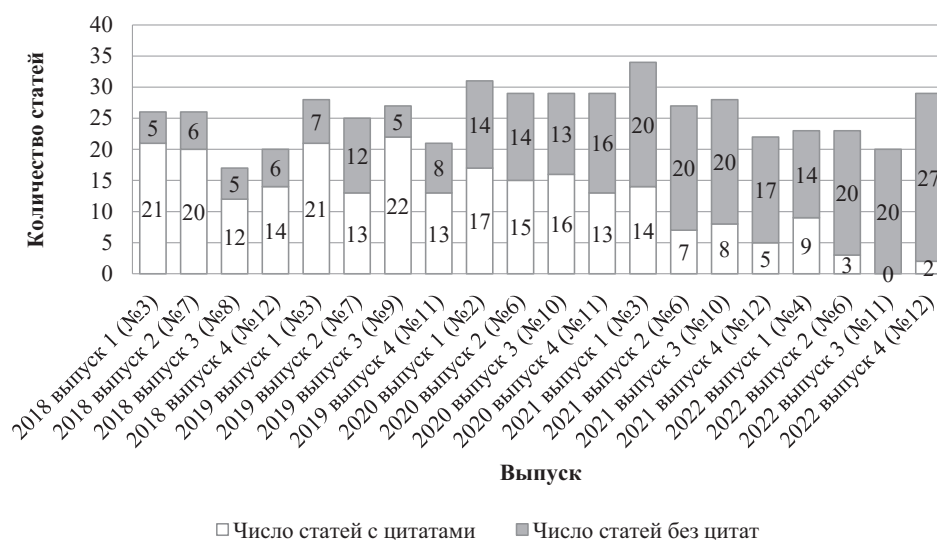

Рис. 3. Количество статей с цитатами и без цитат в каждом выпуске «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки», 2018–2022 гг.

Fig. 3. The number of articles with and without citations in each issue of the Bulletin of ChelSU in the field of “Economic Sciences”, 2018–2022

Источник: составлено авторами.

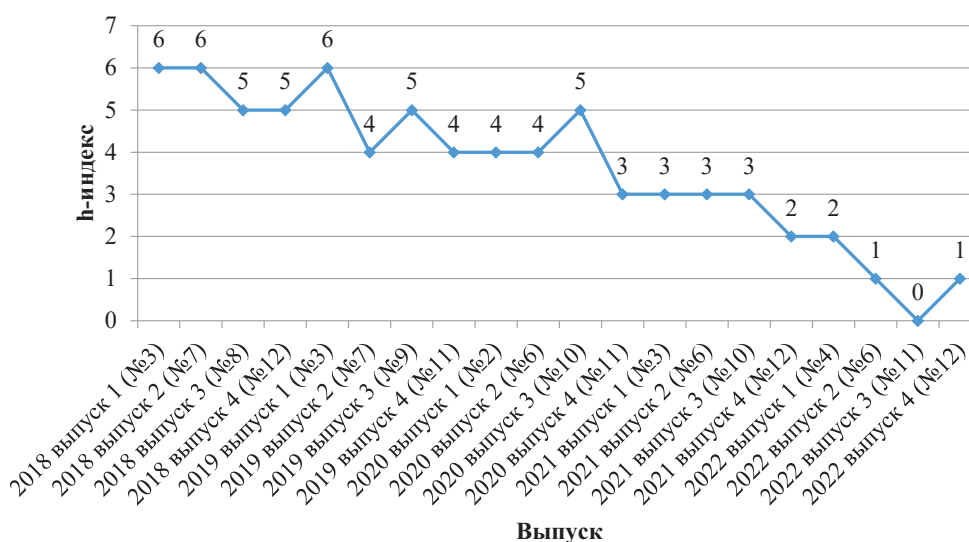

Рис. 4. h-индекс каждого выпуска Вестника ЧелГУ по направлению «Экономические науки», 2018–2022 гг.

Fig. 4. h-index of each issue of the Bulletin of ChelSU in the field of “Economic Sciences”, 2018–2022

Источник: составлено авторами.

нок труда» [19]. Второй по популярности статьей в «Вестнике ЧелГУ» по направлению «Экономические науки» является работа Н. А. Дегтяревой и Н. А. Берг «Принятие эффективных управленческих решений на основе эконометрического прогнозирования» [20].

Наиболее цитируемым разделом за рассматриваемый период стал раздел «Мировая, национальная и региональная экономика», в этом же разделе и находятся статьи, которые были наиболее востребованы другими авторами в написании

своих научных работ. Также в этот раздел и попала статья Е. Н. Лымарь «Экономика совместного потребления в современной России», которая является третьей по цитируемости статьей [21]. Редакторская статья В. И. Бархатова «К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России» набрала большое количество цитат и попала в топ, несмотря на то, что обычно редакторские статьи не особо цитируются [22].

К нецитируемым статьям за 2018–2019 гг. в основном относятся специфические темы; статьи

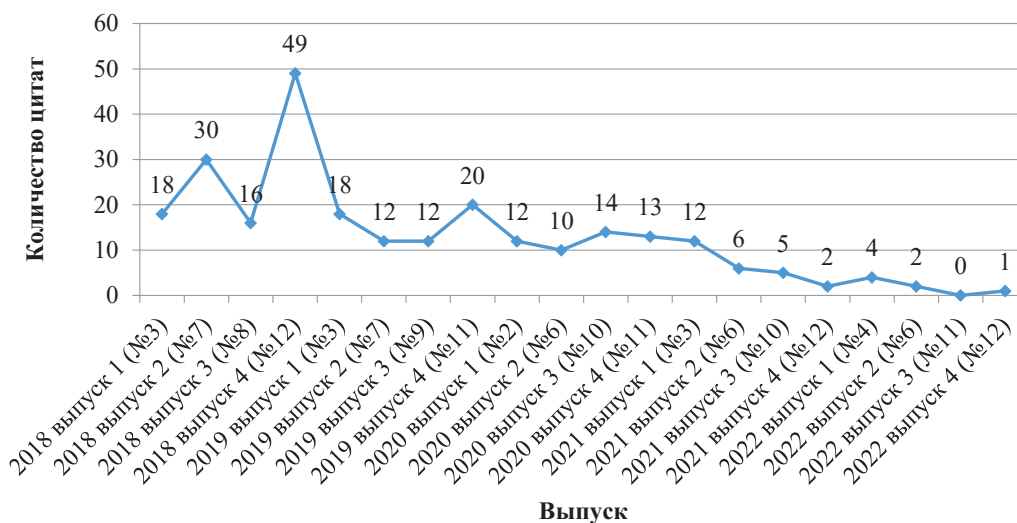

Рис. 5. Максимальное число цитат на статью каждого выпуска «Вестника ЧелГУ» по направлению «Экономические науки», 2018–2022 гг.

Fig. 5. The maximum number of citations per article in each issue of the Bulletin of ChelSU in the field of "Economic Sciences", 2018–2022

Источник: составлено авторами.

про другие страны (Китай, Вьетнам, Казахстан, Италию и т. д.) и статьи молодых авторов. К сожалению, в наши дни научное сообщество с недоверием относится к молодым авторам, считая их недостаточно опытными. Сделанные ранее выводы подтверждаются и графиком числа цитат у наиболее цитируемой статьи в каждом выпуске (рис. 5). За исключением одной крайне высоко востребованной в научном сообществе статьи 2018 г., график показывает тенденцию к постепенному снижению до 0 (за год статьи 2022 г. практически не цитировались), что говорит о сильной инертности информационного научного поля.

Выводы

Проведенный анализ показал, что научные статьи «Вестника Челябинского государствен-

ного университета» по направлению «Экономические науки» используются академическим сообществом, а за 4–5 лет можно найти несколько примеров высокопопулярных работ, имеющих 20 и более упоминаний. Неожиданным для авторов результатом стало то, что рост цитирований статей происходит медленно, и в первые два года после выпуска статьи практически не цитируются. Также определена и топовая тема — цифровизация. Практически каждая статья, посвященная этой теме, использовалась впоследствии в других научных работах. В статье намеренно не использовались различные методы продвинутой аналитики, чтобы за множеством индексов не утратились базовые тенденции, о которых и было доложено в настоящей статье.

Список источников

1. Солодкин Д. Л. К вопросу о становлении и развитии наукометрии // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 185–189.
2. Лагирева И. А. Статистические измерения науки: индексы цитирования и индекс цитируемости // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 3 (64). С. 91–97.
3. Бирженюк Г. М., Ефимова, Т. В. Индекс Хирша как симулякр, или Уравнение известных с неизвестными // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 22–32.
4. Васильев И. И., Чеботарев П. Ю. Об одном подходе к типизации ученых по библиометрическим данным // УБС. 2018. № 72. С. 138–195.
5. Крулев А. А. Цитирование как форма научной коммуникации // Научные и технические библиотеки. 2020. № 3. С. 79–92. DOI 10.33186/1027-3689-2020-3-79-92.
6. Гришина Е. А. Проблемы применения наукометрических методов к измерению эффективности

публикационной активности вузовских преподавателей // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 2(16). С. 103–114. DOI 10.28995/2073-6401-2019-2-103-114.

7. Гуреев В. Н., Лакизо И. Г., Мазов Н. А. Проблема недобросовестного авторства в научных публикациях и подходы к ее решению // Книга. Культура. Образование. Инновации : материалы Пятого Междунар. проф. форума «Крым-2019». М. : ГПНТБ России, 2019. С. 22–28.

8. Юрченко И. Ю. Учет цитирований журнала в системе РИНЦ: проблема оценки качества цитирования в библиометрии на примере Вестника НМС // Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию. 2019. № 13. С. 22–31.

9. Михайлов О. В. Нужна модификация самого популярного индекса цитируемости // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83, № 10. С. 943–944. DOI 10.7868/S0869587313090107.

10. Михайлов О. В. О возможной модификации индексов Хирша и Эгга с учетом соавторства // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 3. С. 48–56.

11. Михайлов О. В. Новая версия индекса Хирша — j-индекс // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 6. С. 532. DOI 10.7868/S0869587314060085.

12. Рубинштейн А. Я., Бураков Н. А. Экономические журналы в оптике наукометрии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2 (50). С. 205–215. DOI 10.31737/2221-2264-2021-50-2-13.

13. Иваницкая Е. В. Научный журнал как основа профессиональной коммуникации: проблемы современного развития // Наука и научная информация. 2020. Т. 3, № 1. С. 85–96. DOI 10.24108/2658-3143-2020-3-1-85-96.

14. Иваницкая Е. В. Статья как элемент научной коммуникации: особенности формирования научного авторитета в международном сообществе // Научный редактор и издатель. 2018. Т. 3, № 1-2. С. 44–51. doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51.

15. Hirsch J. E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2005. Vol. 102, № 46. P. 16569–16572. DOI 10.1073/pnas.0507655102

16. Истомина Е. А. Оценка трендов цифровизации в промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 12 (422). С. 108–116. DOI 10.24411/1994-2796-2018-11212.

17. Капкаев Ю. Ш., Исаева А. С., Лешинина В. В. Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 158–167. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10318.

18. Дьяченко О. В., Истомина Е. А. Теоретические основы цифровой экономики в документах стратегического планирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 8 (418). С. 90–102. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10809.

19. Козлова Е. И. Влияние цифровизации на рынок труда // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 70–77. DOI 10.47475/1994-2796-2020-11008.

20. Дегтярева Н. А., Берг Н. А. Принятие эффективных управленческих решений на основе эконометрического прогнозирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 176–183. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10721.

21. Лымарь Е. Н. Экономика совместного потребления в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 12 (422). С. 67–72. DOI 10.24411/1994-2796-2018-11207.

22. Бархатов В. И. К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 7–10.

References

1. Solodkin DL. On the issue of the formation and development of scientometrics. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2013;(3(69):185-189. (In Russ.).

2. Lagireva IA. Statistical measurements of science: citation indices and citation index. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke = Customs policy of Russia in the Far East*. 2013;(3(64):91-97. (In Russ.).

3. Birzhenyuk GM, Efimova TV. The Hirsch index as a simulacrum, or the equation of the known with the unknown. *Vestnik kul'tury i iskusstv = Bulletin culture and arts*. 2018;(1(53):22-32. (In Russ.).

4. Vasiliev II, Chebotarev PYu. On one approach to typing scientists using bibliometric data. *UBS = UBS*. 2018;(72):138-195. (In Russ.).

5. Krulev AA. Citation as a form of scientific communication. *Nauchnyye i tekhnicheskiye biblioteki = Scientific and technical libraries*. 2020;(3):79-92. DOI 10.33186/1027-3689-2020-3-79-92. (In Russ.).
6. Grishina EA. Problems of applying scientometric methods to measuring the effectiveness of publication activity of university teachers. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye = Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. 2019;(2(16)):103-114. DOI 10.28995/2073-6401-2019-2-103-114. (In Russ.).
7. Gureev VN, Lakizo IG, Mazov NA. The problem of dishonest authorship in scientific publications and approaches to its solution. In: *Kniga. Kul'tura. Obrazovaniye. Innovatsii: materialy Pyatogo Mezhdunar. prof. foruma "Krym-2019" = Book. Culture. Education. Innovation: materials of the Fifth International. prof. forum "Crimea-2019"*. Moscow; 2019. Pp. 22–28. (In Russ.).
8. Yurchenko IYu. Accounting for journal citations in the RSCI system: the problem of assessing the quality of citations in bibliometrics using the example of the NMS Bulletin. *Vestnik Nauchno-metodicheskogo soveta po prirodoobustroystvu i vodopol'zovaniyu = Bulletin of the Scientific Methodological Council for Environmental Management and Water Use*. 2019;(13):22-31. (In Russ.).
9. Mikhailov OV. We need a modification of the most popular citation index. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2013;83(10):943-944. DOI 10.7868/S0869587313090107. (In Russ.).
10. Mikhailov OV. On the possible modification of the Hirsch and Egg indices taking into account co-authorship. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy = Sociology of Science and Technology*. 2014;5(3):48-56. (In Russ.).
11. Mikhailov OV. A new version of the Hirsch index — j-index. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2014;84(6):532. DOI 10.7868/S0869587314060085. (In Russ.).
12. Rubinshtein AYa, Burakov NA. Economic journals in the optics of scientometrics. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2021;(2(50)):205-215. DOI 10.31737/2221-2264-2021-50-2-13. (In Russ.).
13. Ivanitskaya EV. Scientific journal as the basis of professional communication: problems of modern development. *Nauka i nauchnaya informatsiya = Science and scientific information*. 2020;3(1):85-96. DOI 10.24108/2658-3143-2020-3-1-85-96. (In Russ.).
14. Ivanitskaya EV. Article as an element of scientific communication: features of the formation of scientific authority in the international community. *Nauchnyy redaktor i izdatel' = Scientific editor and publisher*. 2018;3(1-2):44-51. doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51. (In Russ.).
15. Hirsch JE. An index to quantify an individual's scientific research output. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2005;102(46):16569-16572. DOI 10.1073/pnas.0507655102
16. Istomina EA. Assessment of digitalization trends in industry. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(12(422)):108-116. DOI 10.24411/1994-2796-2018-11212. (In Russ.).
17. Kapkaev YuSh, Isaeva AS, Leshinina VV. Analysis of the quality of human capital in the context of the development of the digital economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;(3(425)):158-167. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10318. (In Russ.).
18. Dyachenko OV, Istomina EA. Theoretical foundations of the digital economy in strategic planning documents. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(8(418)):90-102. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10809. (In Russ.).
19. Kozlova EI. The impact of digitalization on the labor market. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(10(444)):70-77. DOI 10.47475/1994-2796-2020-11008. (In Russ.).
20. Degtyareva NA, Berg NA. Making effective management decisions based on econometric forecasting. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(7(417)):176-183. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10721. (In Russ.).
21. Lyamar EN. The economy of joint consumption in modern Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(12(422)):67-72. DOI 10.24411/1994-2796-2018-11207. (In Russ.).
22. Barkhatov VI. On the issue of opportunities and factors of economic growth in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(3(413)):7-10. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Плетнев — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Т. В. Левикова — магистрант Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

T. V. Levikova — Master Student of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 339.924

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-118-125

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Василий Васильевич Сорокожердьев¹, Мария Владимировна Мазунина²,
Александра Юрьевна Артюшкова³

¹ Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия, sorich@mail.ru, ORCID 0000-0001-9906-7712

² Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия, AYuArtyushkova@fa.ru, ORCID 0000-0001-6423-8243

³ Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия, MVMazunina@fa.ru, ORCID 0000-0002-7852-2496

Аннотация. Представлен краткий обзор докладов пленарного заседания Международной научно-практической конференции «Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований», проходившей в апреле 2023 г. в Ереване (Армения); основным координатором конференции выступил Краснодарский фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани». Представлены наиболее значимые положения прозвучавших на конференции докладов в контексте продвижения евразийской интеграции и обеспечения устойчивого социоэкономического развития в условиях глобальной трансформации. Выявлены как общие, так и дискуссионные моменты в позициях большинства авторов докладов в отношении целей и инструментов для интенсификации интеграционных процессов и раскрытия возможностей реализации стратегий устойчивого развития на постсоветском пространстве, формирования обновленной и эффективной национально-ориентированной экономической модели. Наибольшее число продуктивных идей и практико-ориентированных рекомендаций по обсуждаемым проблемам было высказано в отношении возможностей и перспектив укрепления экономики России и Армении. Показано, что высказанные в докладах предложения и содержащийся в них анализ, а также продемонстрированный в ходе дискуссий позитивный опыт хозяйствования в условиях современной волатильной экономики имеют существенный интерес для изучения, развития и возможного применения как в концептуальном, так и в практическом плане для тех, кто интересуется научными и организационно-управленческими аспектами современной интеграции в контексте устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социоэкономическая трансформация, глобальные и локальные взаимодействия, интеграция, экономическая политика

Для цитирования: Сорокожердьев В. В., Мазунина М. В., Артюшкова А. Ю. Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 118–125. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-118-125.

Review article

THE MANAGEMENT EFFICIENCY OF THE ENTERPRISE: THE PROBLEM OF FINDING WAYS TO IMPROVE AND EVALUATE

Vasily V. Sorokozherdyev¹, Maria M. Mazunina², Alexandra Y. Artyushkova³

¹ Krasnodar branch of Department in Financial University the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, sorich@mail.ru, ORCID 0000-0001-9906-7712

² Krasnodar branch of Department in Financial University the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, AYuArtyushkova@fa.ru, ORCID 0000-0001-6423-8243

³ Krasnodar branch of Department in Financial University the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, MVMazunina@fa.ru, ORCID 0000-0002-7852-2496

Abstract. This article provides a brief overview of the reports presented at the plenary session of the International Scientific and Practical Conference “Eurasian Economic Integration and Sustainable Development in the context of global transformations”, held in April 2023 in Yerevan; the main coordinator of the conference was the Krasnodar Foundation “Scientific and Educational Initiatives of Kuban”. The most significant provisions of the reports presented at the conference in the context of promoting Eurasian integration and ensuring sustainable socio-economic development in the context of global transformation are presented. Both common and controversial points have been identified in the positions of most of the authors of the reports regarding the goals and tools for intensifying integration processes and revealing the possibilities of implementing sustainable development strategies in the post-Soviet space, the formation of an updated and effective nationally oriented economic model. The largest number of productive ideas and practice-oriented recommendations on the issues discussed were expressed regarding the opportunities and prospects for strengthening the economies of Russia and Armenia. It seems that the proposals expressed in the reports and the analysis contained in them, as well as the positive experience of managing in a modern volatile economy demonstrated during the discussions, are of significant interest for studying, developing and possible application both conceptually and practically for those who are interested in scientific and organizational and managerial aspects of modern integration in the context of sustainable development.

Keywords: sustainable development, socio-economic transformation, global and local interactions, integration, economic policy

For citation: Sorokozherdyev VV, Mazunina MV, Artyushkova AY. The Management Efficiency of the Enterprise: the Problem of Finding Ways to Improve and Evaluate. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):118-125. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-118-125.

Введение

Современная проблематика становления интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также актуальные аспекты обеспечения устойчивости в социоэкономическом развитии современной России и стран ближнего зарубежья были рассмотрены в ходе проведения Международной научно-практической конференции «Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований», состоявшейся с 27 по 30 апреля 2023 г. в Ереване (Республика Армения). Основными организаторами конференции стали Финансовый университет при Правительстве РФ, Национальный аграрный университет Армении, Южный федеральный университет, Краснодарский фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани», «БиоАГРО — Центр биологической защиты растений» Тбилиси (Грузия), Ассоциация содействия многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе (BSAARC), ESG-лаборатория МГУ им. М. В. Ломоносова. В обсуждении, состоявшемся на дискуссионных площадках в ходе пленарного и секционных заседаний, круглых столов, приняли участие ученые в сфере экономики и общественных наук из ряда ведущих вузов Российской Федерации, Армении и Грузии, а также бизнесмены. Общее количество участников составило более 70 человек, в том числе более 40 докторов и кандидатов наук. В целом прошедший научный форум продемонстрировал высокую эффективность в плане представления результатов

научных исследований, проводимых его участниками, осуществления полезного диалога, обмена идеями и разработками, вызвал позитивные отклики и оценки среди научной общественности. Особую значимость данному научному форуму придало проведение в его рамках круглого стола «Перспективы развития технологического и устойчивого предпринимательства в Армении и России» под эгидой Ассоциации содействия многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе (BSAARC), возглавляемой президентом Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктором экономических наук, профессором М. А. Боровской. Здесь был продемонстрирован и детально проанализирован целый ряд перспективных проектов по данной проблематике, которые прежде всего позволяют определить ряд конструктивных направлений и мер с привлечением креативного потенциала университетов России и дружественных стран.

Основные идеи пленарных докладов

Открыл пленарное заседание с докладом на тему «Вопросы взаимодействия государств-членов Евразийского экономического союза в сфере агропромышленного комплекса» декан факультета агробизнеса и экономики Национального аграрного университета Армении доктор экономических наук, профессор Э. С. Казарян. Он акцентировал внимание на том, что сельское хозяйство и агропромышленный комплекс в целом являются ключевыми секторами

экономики государств-членов ЕАЭС, располагающих существенным потенциалом для насыщения внутреннего рынка, обеспечения продовольственной безопасности и сбалансированного развития сельских территорий. В целом агропромышленный комплекс Евразийского экономического союза в последние годы демонстрирует положительную динамику развития, в результате по таким видам продуктов, как молоко, яйца, растительное масло, свинина, зерно, сахар, внутреннее производство практически полностью обеспечило потребности населения. Однако продолжает сохраняться зависимость от импорта фруктов и ягод, в том числе тех, которые могут выращиваться в странах Евразийского экономического союза. Среди основных проблем, которые предстоит решать, — зависимость от импорта селекционных и генетических ресурсов, развитие производства кормов, кормовых добавок, комплексных удобрений, средств защиты растений, развитие сельскохозяйственного машиностроения. Также остро стоит проблема технико-технологического отставания сельского хозяйства в странах ЕАЭС от развитых стран [1]. В связи с этим одним из приоритетных направлений агропромышленной политики является научное и инновационное развитие АПК. Страны ЕАЭС обладают огромными возможностями по наращиванию производства и экспорта продовольствия. Для раскрытия агропромышленного потенциала Евразийского региона необходимы форсированное развитие технологической базы АПК, совершенствование систем агрологистики, поддержка сельских производителей, стимулирование кооперации мелких хозяйств, устранение ограничений во взаимной торговле в ЕАЭС.

Президент, научный руководитель структурного подразделения Центр научных исследований «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике» Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор экономических наук, профессор М. А. Боровская сделала доклад на тему «Формирование экосистемы будущего: устойчивое развитие и сетевое взаимодействие». Оратор отметила, что приоритетное значение в современных условиях приобретает обеспечение устойчивого развития стран и территорий, где главными «блоками» выступают проблемы общественного прогресса, решение экологических задач и формирование эффективной системы управления на всех уровнях. При этом важнейшими инструментами сетевого взаимодействия в ходе решения комплекса этих

задач становятся три комплекса факторов: а) патентная стратегия создаваемых научно-образовательных продуктов (включая научные лаборатории, зеркальные лаборатории, студенческие научные общества, временные научно-исследовательские коллективы, научные журналы, совместные публикации); б) сетевые программы (включая конференции, академическую мобильность НПП, сетевые образовательные программы, лицеи); в) базы данных (здесь существенное значение имеют дата-сети, каталоги, коллекции, библиотеки, образовательные онлайн-платформы) [2]. В докладе также были рассмотрены различные аспекты международного взаимодействия в Черноморском регионе, которые намечает к реализации возглавляемая М. А. Боровской Ассоциация содействия многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе (BSAARC). Это весьма перспективные направления сотрудничества, включающие организацию и проведение мероприятий по продвижению и поддержке научно-технологических проектов / стартапов «демо-дней», в том числе демо-дней финалистов акселерационных программ, проводимых на базе организаций — членов Ассоциации; тематические конференции и семинары по приоритетным направлениям; разработка совместных сетевых образовательных программ, ориентированных на Черноморский регион (технологические и социальное предпринимательство; цифровая трансформация; устойчивое развитие; ESG, устойчивый менеджмент; экономика замкнутого цикла; синяя экономика и др.); апробация и тиражирование методик, моделей и технологий в рамках реализации стратегической программы «Приоритет 2030» в рамках Черноморского макрорегиона.

В докладе президента фонда «Научно-образовательные инициативы Кубани» (Краснодар), кандидата экономических наук В. В. Сорокожердьева на тему «Альтернативные подходы в современном управлении / в национальном и международном контексте: концепции менеджмента и антименеджмента» были отражены проблемы становления новой системы управления как на страновом уровне (в том числе и при налаживании международных взаимодействий), так и в деятельности различных организаций в коммерческой и общественной сферах. Автор доклада обозначил особую важность понимания интеллектуальных (наряду с этическими) возможностей человека как несопоставимо более значимых и определяющих по сравнению с име-

ющимися информационными ресурсами (включая искусственный интеллект, и цифровизацию, и машинное обучение и др.) в формировании основополагающих концепций и стратегий развития и их реализации на всех уровнях управления в экономике и обществе. На основе анализа матрицы взаимодействия макроподсистем страны, включающих четыре основные подсистемы (государство, бизнес, социум, экономика), было показано, что при доминировании первых двух обозначенных акторов в различных вариантах ухудшается функционирование системы управления в обществе в целом, что ведет к снижению эффективности в экономике, росту социальной нестабильности и неравенства [3]. В качестве основных актуальных направлений изменений, воздействующих на менеджмент в современных условиях, были определены следующие: технологические изменения, изменения в потреблении и спросе, институциональные изменения, специфика трансформации различных стран, исторический и культурный «бэкграунд». При этом принципиально важное значение имеет проводимая государственная политика и автономная активность общества, так как воздействие безличных факторов направляется именно ими. В докладе также обстоятельно проанализированы актуальные характеристики интеграционной политики в организации, которая отвечает за реализацию основных ее целей, включая прежде всего развитие человеческого потенциала всех вовлеченных в данную деятельность; при этом опора на интегративную функцию менеджмента сопровождается реализацией других важнейших функций, включая предпринимательскую, производственную, административную. Определены также типические признаки (анти)менеджера типа «ракковая опухоль», с проявлениями которых следует бороться, к которым прежде всего относятся следующие: приверженность концепции «эффективного» менеджера (то есть самодовлеющая приоритетность достижения прибыли в ущерб интеграционным взаимодействиям) и позиционирование себя как выдающегося менеджера «вообще» (независимо от выполняемой функции и сферы деятельности).

Доклад заведующего кафедрой таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), кандидата экономических наук, доцента Е. А. Степанова «Межстрановые отношения в регионе как составляющая внешнеэкономической стратегии предприятий» был посвящен анализу внешнеторговых отноше-

ний промышленных регионов с географической компонентой внешнеэкономической стратегии предприятий в 2021 г. При этом при проведении исследования, результаты которого представлены в докладе, рассматривались только специально отобранные моноэкспортные регионы, в которых доля экспорта в определенной отрасли превышает 50 %. Предполагалось также, что региональная внешняя торговля полностью определяется внешней торговлей крупных корпораций, принадлежащих к ведущей отрасли народного хозяйства в моноэкспортном регионе, а внешнеэкономическая стратегия предприятия должна полностью определяться внешнеэкономической стратегией моноэкспортного региона [4]. На основе использования обширного статистического материала с применением математических методов анализа были сформулированы выводы о том, что географическая компонента внешнеэкономической стратегии предприятий моноэкспортного региона (в России выявлено в результате проведенного анализа 11 таких регионов) зависит от его географического расположения на территории России. В частности, предприятия Камчатского, Забайкальского, Красноярского краев и Кемеровской области в основном ориентированы на страны Восточной и Юго-Восточной Азии — в силу географической близости. Предприятия Белгородской, Курской, Липецкой и Вологодской областей ориентированы прежде всего на ЕС, США и СНГ. Выявлены также моноэкспортные регионы, такие как Костромская область, Забайкальский и Камчатский края, 90 % экспорта которых приходится на одну или две страны. Важным фактором выступает тот, в соответствии с которым у каждого моноэкспортного региона и каждой корпорации в нем существуют потенциальные страны-партнеры, с которыми стратегически нужно сохранять и совершенствовать внешнеторговые связи.

Свой доклад на тему «Современное состояние и тенденции использования сельскохозяйственных земель Республики Армения и количественная оценка влияющих на них факторов» проректор по научной работе Национального аграрного университета Армении, доктор экономических наук, профессор Г. С. Цпнецян посвятил обоснованию роли сельского хозяйства Республики Армения, которое, являясь одной из ключевых отраслей экономики республики имеет, в частности, существенную долю в формировании валового внутреннего продукта страны, улучшении внешнего товарооборота, формировании доходов в сельских населенных пунктах

и, самое главное, — в обеспечении продовольственной безопасности страны. Об этом свидетельствует ряд официальных статистических данных. Так, доля сельского хозяйства в ВВП страны в среднем за последние пять лет составила 11,7 %. По статистическим данным за 2022 г., 18,7 % внешнего товарооборота страны приходится на сельскохозяйственную продукцию, при этом только на экспорт — 23,9 %. Число занятых, производящих товарную продукцию в сельском хозяйстве республики, по последним опубликованным данным, в 2021 г. составило 237,4 тыс. человек (21,8 % от общего числа занятых по стране). В то же время уровень самодостаточности продовольственных продуктов первой необходимости, рассчитанный по энергетической стоимости, составил 44,9 %, что является крайне низким показателем. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена состоянием целевого и эффективного использования сельскохозяйственных земель [5]. Для повышения уровня использования сельскохозяйственных земель особое значение имеет соответствующая переориентация государственной аграрной политики, направленной на увеличение бюджетных ассигнований и повышение уровня целенаправленности, повышение цен производителей зерновых культур путем регулирования соответствующей инфраструктуры, а также повышение уровня товарности сельского хозяйства, в частности, за счет совершенствования всех звеньев производственной цепочки от производителей сельскохозяйственной продукции до потребления.

Современные особенности развития инновационных предприятий малого и среднего бизнеса были рассмотрены в докладе кандидата экономических наук, доцента Челябинского государственного университета Д. А. Плетнёва на тему «Отраслевые особенности устойчивости российских “газелей” в 2020–2021 годах». Выделение компаний, характеризующихся высоким устойчивым ростом и вкладом в прирост занятости, произошло совсем недавно — с 1990-х гг., и в настоящее время быстрорастущие компании рассматриваются как весьма заметное явление в экономике в целом. Автором доклада представлен стилизованный цикл жизни быстрорастущих фирм в России и совместно с Ю. А. Полуниным предлагаются меры по созданию отдельной ветви промышленной политики в части поддержки быстрорастущих компаний с учетом опыта зарубежных стран. Согласно устоявшимся международным оценкам, к «газелям» относятся предпри-

ятия со среднегодовым ростом более 20 % в год в течение трех лет и с десятью или более сотрудниками в начале периода наблюдения; по результатам исследований автора, в российской экономике в настоящее время (2017–2019 гг.) насчитывается около 3,4 % таких фирм. В докладе также представлены результаты анализа наличия такого рода предприятий по различным отраслям в российской экономике: лидируют здесь торговля, строительство, наукоемкие услуги. Большой позитивный эффект от функционирования «газелей» состоит также в их повышенной устойчивости к кризисам, когда они демонстрируют большую устойчивость в части способности к росту (выручки и среднесписочной численности сотрудников) и финансовой независимости (коэффициент автономии); это особенно ценно в условиях нынешней конфронтации с западными странами и проводимой ими санкционной и дискриминационной политики по отношению к России [6; 7].

В докладе доктор экономических наук, профессора Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) В. Н. Овчинникова на тему «Переосмысление концепции устойчивого развития в условиях глобальной трансформации» проанализирована классическая парадигма устойчивого развития социально-экономической системы, которая базируется на фундаментальном положении теории воспроизводства как стабильно динамичного репродуктивного режима ее функционирования и развития, отвечающего императиву системного взаимодополнения четырех элементов (моментов): воспроизводство человека — субъекта социума (актор-созидатель, объект, цель и градиент общественного развития) и подчиненные ему элементы. В условиях России дважды — в октябре 1917 г. и декабре 1991 г. — был прерван существовавший воспроизводственный процесс в сфере общественно-экономических отношений и реализован переход от одного к другому строю общественного производства. Устойчивый режим воспроизводственного процесса также может быть нарушен при игнорировании императива репродукции ассимилятивно-адаптивного потенциала природно-хозяйственной экосистемы, чем озабочено сейчас мировое сообщество. На взгляд автора доклада, в настоящее время главной стратегической целью общественного воспроизводства сохраняется обеспечение условий устойчиво-расширенного (в единстве критериев качественной и количественной определенности) воспроизводства российского социума-эт-

носа. Именно этой цели подчинена сегодня задача укрепления национального суверенитета России: экономического, политического, военного [8]. Реализация предлагаемого методологического подхода к конструированию аппарата стоимостных оценок экосистемных услуг (экологических благ) как инструмента «встраивания» их в механизм воспроизводственного процесса позволяет распространить применение аппарата стоимостных оценок природных ресурсов на учет воспроизводственной стоимости репродуктивного потенциала экосистемы как источника экосистемных услуг, оказываемых природной средой социуму.

Доклад научного сотрудника Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого Н. Д. Дмитриева на тему «Оценка интеллектуальной рентной эффективности в контексте развития системы региональной поддержки промышленности» оценивает интеллектуальную рентную эффективность и ее роль в развитии системы региональной поддержки промышленности. Доклад обращает внимание на проблемы в оценке эффективности интеллектуального капитала, особенно с точки зрения его рентной эффективности. Предложенный подход к оценке интеллектуальной ренты включает разработку методов и механизмов для количественного и качественного анализа, а также показателей для оценки интеллектуального капитала и инновационной активности. В докладе подчеркивается, что разумное использование интеллектуального капитала способствует привлечению инвести-

ций и повышению имиджа территории [9]. Также обсуждается текущее состояние российской экономики в контексте научно-технологического развития и необходимость стимулирования знаниеемкого производства. В частности, отмечается, что для повышения рентной эффективности и улучшения инновационной среды важно обеспечить доступ к научно-исследовательским центрам, технопаркам и инкубаторам.

Заключение

В целом состоявшийся научный форум позволил привлечь к обсуждению ряд авторитетных экспертов по различным аспектам устойчивого развития и интеграционных взаимодействий на постсоветском пространстве, представивших теоретические концепции и интересные проекты по данной проблематике, разрабатываемые научными школами из различных стран и научно-образовательных центров. Была также обоснована необходимость дальнейшего развития интеграционной парадигмы и стратегий устойчивого развития в рамках формирования национально-ориентированной модели социоэкономического развития, укрепления научных, деловых и общественных контактов. Всё это также требует учета позитивного опыта в этой сфере, накопленного в России и дружественных странах ближнего зарубежья, а также противодействия негативным воздействиям, проявившимся в современных условиях со стороны прежде всего стран либерального Запада.

Список источников

1. Казарян Э. С., Алексанян В. С., Асатрян О. С. Количественная оценка влияния экспорта и валютных курсов на развитие коньячной промышленности Республики Армения // *Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований* : сборник статей Международной научно-практической конференции. Ереван, 2023. С. 47–51.
2. Боровская М. А., Масыч М. А., Федосова Т. В., Бечвая М. Р. Эффективный контракт как инструмент устойчивого развития университета // *Университетское управление: практика и анализ*. 2022. № 3. С. 100–111. DOI 10.15826/umpra.2022.03.024.
3. Сорокожердьев В. В., Дмитриев Н. Д. «Не»устойчивое развитие хозяйственных систем в контексте ориентации на интенсивное производство // *Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований* : сборник статей Международной научно-практической конференции. Ереван, 2023. С. 36–41.
4. Степанов Е. А. Особенности географической стратегии экспорта металлургических предприятий посредством анализа внешней торговли регионов // *Друкерровский вестник*. 2023. № 2 (52). С. 250–260. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-250-260.
5. Цпнецян Г. С., Казарян Э. С., Абрамян С. В. Современное состояние и тенденции использования сельскохозяйственных земель Республики Армения и количественная оценка влияющих на них факторов // *Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований* : сборник статей Международной научно-практической конференции. Ереван, 2023. С. 132–137.

6. Плетнев Д. А., Наумова К. А. Быстрорастущие компании (газели) в наиболее пострадавших отраслях во время пандемии COVID-19 // Проблемы современной экономики. 2023. № 1 (85). С. 53–57.
7. Полунин Ю. А., Юданов А. Ю. Господдержка быстрорастущих компаний: рождение новой идеологии промышленной политики? // Мир новой экономики. 2020. № 1. С. 62–76. DOI 10.26794/2220-6469-2020-14-1-62-76.
8. Овчинников В. Н., Кетова Н. П. Парадигмальные смены концепций управления природохозяйственными экосистемами // Journal of Economic Regulation. 2023. № 1. С. 49–58. DOI 10.17835/2078-5429.2023.14.1.049-058.
9. Дмитриев Н. Д. Оценка интеллектуальной рентной эффективности в контексте развития системы региональной поддержки промышленности // Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований : сборник статей Международной научно-практической конференции. Ереван, 2023. С. 31–35.

References

1. Kazaryan ES, Aleksanyan VS, Asatryan OS. Quantitative assessment of the impact of exports and exchange rates on the development of the brandy industry in the Republic of Armenia. In: *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya i ustojchivoe razvitie v usloviyah global'nyh preobrazovanij: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Eurasian Economic Integration and Sustainable Development in the Context of Global Transformations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Yerevan; 2023. Pp. 47–51. (In Russ.).
2. Borovskaya MA, Masych MA, Fedosova TV, Bechvaya MR. Effective contract as a tool for sustainable development of the university. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2022;(3):100-111. DOI: 10.15826/umpa.2022.03.024. (In Russ.).
3. Sorokozherdev VV, Dmitriev ND. “Non” sustainable development of economic systems in the context of orientation towards intensive production. In: *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya i ustojchivoe razvitie v usloviyah global'nyh preobrazovanij: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Eurasian Economic Integration and Sustainable Development in the Context of Global Transformations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Yerevan; 2023. Pp. 36–41. (In Russ.).
4. Stepanov EA. Features of the geographical strategy of metallurgical enterprises' export through the analysis of external trade of regions. *Drukerovskiy vestnik = Drucker's Bulletin*. 2023;(2(52):250-260. DOI: 10.17213/2312-6469-2023-2-250-260. (In Russ.).
5. Tspnetsyan GS, Kazaryan ES, Abramyan SV. Current state and trends in the use of agricultural lands in the Republic of Armenia and the quantitative assessment of influencing factors. In: *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya i ustojchivoe razvitie v kontekste global'nyh transformacij: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Eurasian Economic Integration and Sustainable Development in the Context of Global Transformations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Yerevan; 2023. Pp. 132–137. (In Russ.).
6. Pletnev D. A, Naumova KA. Fast-growing companies (gazelles) in the most affected industries during the COVID-19 pandemic. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of the Modern Economy*. 2023;(1(85): 53-57. (In Russ.).
7. Polunin YuA, Yudanov AYu. State support for fast-growing companies: the birth of a new ideology of industrial policy? *Mir novoy ekonomiki = World of New Economy*. 2020;(1):62-76. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-1-62-76. (In Russ.).
8. Ovchinnikov VN, Ketova NP. Paradigmatic changes in concepts of management of natural ecosystems. *Zhurnal ekonomicheskogo regulirovaniya = Journal of Economic Regulation*. 2023;(1):49-58. DOI 10.17835/2078-5429.2023.14.1.049-058. (In Russ.).
9. Dmitriev ND. Assessment of intellectual rent efficiency in the context of the development of the regional industrial support system. In: *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya i ustojchivoe razvitie v usloviyah global'nyh preobrazovanij: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Eurasian Economic Integration and Sustainable Development in the Context of Global Transformations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Yerevan; 2023ю Pp. 31–35. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Сорокожердьев — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг».

М. В. Мазунина — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг».

А. Ю. Артюшкова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг».

Information about the authors

V. V. Sorokozherdyev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Marketing.

M. V. Mazunina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Marketing.

A. Y. Artyushkova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Marketing.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 16.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 16.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 004.89:65.012.4

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-126-133

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

**Александр Владимирович Агеев¹, Сергей Вадимович Симонов^{2✉},
Сергей Михайлович Кашин³, Виталий Анатольевич Матчинов⁴,
Игорь Владимирович Черпаков⁵**

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Орел, Россия, AVAgeev@fa.ru, ORCID 0000-0001-5974-2488

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Орел, Россия, SVSimonov@fa.ru, ORCID 0000-0003-4190-1641

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, SeMKashin@fa.ru, ORCID 0000-0003-8342-5151

⁴ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Калуга, Россия, VAMatchinov@fa.ru, ORCID 0000-0002-9342-6152

⁵ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия, IVCherpakov@fa.ru, ORCID 0009-0007-5592-0145

Аннотация. Расширение практики использования интеллектуальных компьютерных систем на основе искусственного интеллекта позволяет оперировать большим количеством вводных данных, генерировать на основе предшествующего опыта и конкурентного анализа большее число альтернатив, выбирать и реализовывать оптимальную из них для текущих рыночных условий. Такие возможности особенно востребованы при решении нестандартных, сложных, неструктурированных управленческих задач. Результатом применения технологий искусственного интеллекта в системе принятия управленческих решений является повышение гибкости и эффективности бизнес-процессов, реализация лучших комплексных вариантов в режиме ограниченного времени и ресурсов. Статья посвящена рассмотрению результатов современных исследований и успешных кейсов, связанных с использованием технологии искусственного интеллекта в корпоративном управлении. Методологическая основа представлена общенаучными методами познания: сравнительным анализом, систематизацией и т. п. В результате на основе анализа управленческой практики определяются общие требования к использованию искусственного интеллекта в процессе принятия решений в системе корпоративного управления.

Ключевые слова: процесс принятия управленческих решений, бизнес-процесс, искусственный интеллект, нейронные сети

Для цитирования: Агеев А. В., Симонов С. В., Кашин С. М., Матчинов В. А., Черпаков И. В. Возможности использования искусственного интеллекта при принятии управленческих решений в системе корпоративного менеджмента // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 126–133. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-126-133.

Original article

THE POSSIBILITIES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DECISION-MAKING IN THE CORPORATE MANAGEMENT SYSTEM

Alexander V. Ageev¹, Sergey V. Simonov^{2✉}, Sergey M. Kashin³, Vitaliy A. Matchinov⁴, Igor V. Cherpakov⁵

¹ Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russia, AVAgeev@fa.ru, ORCID 0000-0001-5974-2488

² Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russia, SVSimonov@fa.ru, ORCID 0000-0003-4190-1641

³ Saint Petersburg branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, SeMKashin@fa.ru, ORCID 0000-0003-8342-5151

⁴ Kaluga branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga, Russia, VAMatchinov@fa.ru, ORCID 0000-0002-9342-6152

⁵ Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russia, IVCherpakov@fa.ru, ORCID 0009-0007-5592-0145

Abstract. The expansion of the use of intelligent computer systems based on artificial intelligence makes it possible to operate with a large amount of input data, generate a greater number of alternatives based on previous experience and competitive analysis, select and implement the best one for current market conditions. Such opportunities are especially in demand when solving non-standard, complex, unstructured management tasks. The result of artificial intelligence application in managerial decision-making is to increase the flexibility and efficiency of business processes, the implementation of the best complex options in a limited time and resource mode. The article is devoted to the consideration of research and successful cases related to the use of artificial intelligence technology in corporate governance. The methodological basis is represented by general scientific methods of cognition: comparative analysis, systematization, etc. As a result, based on the analysis of management practice, general requirements for the use of artificial intelligence in the decision-making process in corporate management are determined.

Keywords: management decision-making process, business process, artificial intelligence, neural networks

For citation: Ageev AV, Simonov SV, Kashin SM, Matchinov VA, Cherpakov IV. The Possibilities of Using Artificial Intelligence in Decision-Making in the Corporate Management System. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):126-133. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-126-133.

Введение

Теория принятия решений как область науки управления рассматривает этот процесс как комплекс целенаправленных взаимосвязанных логически и последовательных управленческих действий, которые обеспечивают решение управленческих задач и реализацию управленческих функций. Бизнес-процессы современных компаний протекают в условиях динамично меняющейся внешней конкурентной среды. Для достижения управленческих целей в их рамках используются разнообразные данные, объем которых характеризуется экспоненциальным ростом. Для сбора и обработки информации о различных аспектах деятельности предприятия и условиях рынка сегодня необходимо использовать эффективные инструменты, позволяющие выявлять тенденции и осуществлять прогнозирование развития ситуации для принятия менеджерами обоснованных решений [2].

Возможности автоматизации различных этапов принятия управленческих решений используются с 1970-х гг., чему способствовало развитие

науки и нормативного обеспечения менеджмента, в том числе и в части формализации бизнес-процессов. В конце XX в. Г. Саймон и Дж. Марч отмечали в своих работах, что принципиальные препятствия в алгоритмизации всех без исключения этапов процесса принятия управленческих решений отсутствуют, проблема заключается лишь в создании быстродействующих компьютеров с необходимым объемом памяти для хранения и обработки данных [9]. В момент зарождения технологий искусственного интеллекта одним из направлений стал поиск возможностей его использования в управленческих целях, что было обусловлено корпоративным характером финансирования исследований. Цель статьи заключается в изучении успешных российских и зарубежных кейсов использования искусственного интеллекта при принятии решений в системе корпоративного менеджмента, определении ключевых областей его применения и разработке классификации данных технологий по этапам принятия решений.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели авторами осуществлены отбор и систематизация специальной литературы, в том числе на иностранном языке, посвященной исследуемой проблематике. В основе исследования лежит метод кейсов как метод проведения анализа конкретной практической ситуации, используемый для изучения лучших практик управления с применением искусственного интеллекта. В завершении статьи использовался метод обобщения для формулировки общих требований к применению когнитивных компьютерных технологий в корпоративном менеджменте.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие и возможности использования искусственного интеллекта

Сегодня в российском законодательстве искусственный интеллект рассматривается как комплекс технологических решений, которые позволяют имитировать когнитивные функции человека, его способность к самообучению и нахождению решений без формально заданного алгоритма, а также получать результаты в решении различных проблем, сопоставимые с результатами когнитивной деятельности человека в решении подобных проблем. В состав технологий искусственного интеллекта включаются как программное обеспечение, так и информационно-коммуникационная инфраструктура, в том числе и методы машинного обучения, сервисы обработки больших данных и поиска решений¹.

Существуют и другие определения искусственного интеллекта. Так, М. Джордан, один из ведущих специалистов в сфере развития искусственного интеллекта, утверждает, что большинство современных технологий, относящихся сегодня к искусственному интеллекту, представляет собой алгоритмическое мультинаучное поле, которое сочетает в себе идеи статистики, компьютерных наук, программирования и ряда других отраслей научного знания, которое объединяет алгоритмы, разработанные для обработки данных, построения прогнозов, оказания поддержки в принятии решений [13].

Вследствие бурного развития технологий искусственного интеллекта, наблюдаемого сегодня, теоретическое осмысление данного феноме-

на в академической науке носит «догоняющий» характер. Это предопределяет не только относительно размытое и неунифицированное понимание искусственного интеллекта, но и различные подходы к классификации соответствующих технологий. Одной из наиболее распространенных классификаций является классификация по целям, на достижение которых направлена разработка и функционирование искусственного интеллекта в рамках решения общей проблемы моделирования интеллекта в целом:

- рассуждение;
- представление знаний;
- обучение;
- машинное восприятие;
- социальный интеллект и аффективные вычисления [3].

Искусственный интеллект является одной из самых многообещающих технологий в контексте оптимизации процессов управления организацией. В некоторых отраслях, например, в сфере розничной торговли, использование алгоритмов искусственного интеллекта повлекло за собой настоящую революцию — от использования новых форм распределения и коммуникаций с покупателями до прогнозирования спроса, управления логистикой, поставками, товарами и т. п. [14]. Его возможности в практике принятия управленческих решений оцениваются учеными неоднозначно. Так, в ранних исследованиях в числе преимуществ искусственного интеллекта в данном процессе назывались снижение неопределенности последствий решений, минимизация корыстных мотивов в выборе решений менеджером, возможность опоры на большие данные и т. п. [17]. Самообучаемые системы основываются на историческом экспертном опыте, который включает в себя в том числе и ошибочно принятые низкоэффективные решения, игнорируют морально-этические аспекты и корпоративные ценности и характеризуются рядом других недостатков [18].

Использование искусственного интеллекта в принятии управленческих решений: зарубежный опыт

Рассмотрим примеры успешного использования современных технологий искусственного интеллекта зарубежными компаниями и транснациональными корпорациями в процессе принятия управленческих решений в разных областях корпоративного менеджмента.

Лидерами в использовании интеллектуальных компьютерных систем принятия управленческих

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019 г. № 41. Ст. 5700.

решений являются IT-компании и маркетплейсы. Разрабатывая системы искусственного интеллекта сначала в целях внутрикорпоративного использования, при успешном тестировании и доработке под потребности целевых аудиторий организации указанных отраслей предлагают их своим партнерам и широкому кругу хозяйствующих субъектов. Так, платформа Amazon.com предлагает поставщикам и продавцам инструмент «Amazon SageMaker Canvas», который на основе технологии машинного обучения формирует рекомендации по управлению спросом, рекламой, закупками и логистикой¹.

Еще один сектор, в котором технологии искусственного интеллекта активно развиваются, — сектор финансов и капитала. Платформа Morgan Stanley Wealth Desk — показательный пример использования современных технологий машинного обучения в практике финансового консультирования. Сотрудники компании Morgan Stanley используют платформу для подготовки презентаций инвестиционных решений для клиентов, используют инструменты сценарного анализа для выбора оптимального варианта в режиме реального времени, предлагая пул жизнеспособных инвестиционных стратегий не только на основе анализа ретроспективных данных, но и в контексте основных новостей финансового рынка, ожиданий его участников и прочих факторов, которые не учитываются стандартными математическими алгоритмами².

Транснациональная компания Unilever в 2018 г. внедрила онлайн-платформу на основе искусственного интеллекта, которая позволяет оценить потенциального кандидата на этапе первичного отбора удаленно. Сначала соискателям предлагают сыграть в подборку игр для оценки их логических способностей, характеристик внимания, скорости и точности рассуждений и склонности к риску. После этого система анализирует видеointервью соискателя по формализованному списку вопросов. Алгоритмы машинного обучения оценивают пригодность кандидата для конкрет-

ной вакансии по ролевой модели поведения и общения, а также сравнивают профили кандидатов с профилями наиболее эффективных сотрудников компании. Система выдает рекомендации, а окончательное решение принимает hr-менеджер совместно с функциональными руководителями, что позволяет экономить ежегодно более 70 тыс. человеко-часов [15].

Несмотря на то, что крупные транснациональные корпорации широко используют искусственный интеллект в различных бизнес-процессах, их топ-менеджеры часто критически оценивают его возможности. Так, директор центра по обработке данных и аналитике компании Procter&Gamble Г. Пэри в качестве примера ограниченности возможностей технологий искусственного интеллекта приводит период коронавирусных ограничений, когда управление компанией пришлось осуществлять аврально и в ручном режиме на фоне резкого повышения потребительского спроса на товары для гигиены. Искусственный интеллект, сопровождающий процессы принятия решений в компании Procter&Gamble, был обучен на исторических данных, в которых прецеденты подобных ограничений отсутствовали, поэтому в реальных условиях он не смог предложить эффективных рекомендаций для корпоративных менеджеров³.

В 2017 г. Джек Ма предположил, что через 30 лет искусственный интеллект станет лучшим генеральным директором года⁴. В 2022 г. виртуальный робот с искусственным интеллектом Танг Ю стала первым в мире генеральным директором китайской компании Fujian NetDragon Websoft, специализирующейся на разработке сетевых онлайн-игр. В режиме реального времени круглосуточно новый «руководитель» обрабатывает масштабные данные о различных аспектах деятельности возглавляемой компании, с установленной периодичностью и по запросу формирует различные отчеты, отслеживает уровень рисков, определяет задачи управления, утверждает управленческие решения и даже обладает правом подписи управленческих документов. При этом

¹ Patrushev A., Gallitelli D. Enable intelligent decision-making with Amazon SageMaker Canvas and Amazon QuickSight. URL: <https://aws.amazon.com/ru/blogs/machine-learning/enable-intelligent-decision-making-with-amazon-sagemaker-canvas-and-amazon-quicksight/>.

² Decision Analytics in Finance: How ML (AI) Boosts Your Intelligence. URL: <https://intellias.com/decision-analytics-in-finance-how-ml-ai-boosts-your-intelligence/>.

³ How Procter & Gamble is leveraging AI to constructively disrupt supply chain and retail execution. URL: <https://venturebeat.com/ai/how-procter-gamble-is-leveraging-ai-to-constructively-disrupt-supply-chain-and-retail-execution/>.

⁴ Jack Ma: «In 30 years, a robot will likely be on the cover of Time Magazine as the best CEO». URL: <https://money.cnn.com/element/ssi/tools/5.0/bubble.html>.

компания не несет издержек по оплате труда и социальному обеспечению искусственного интеллекта, ежегодно экономя значительные суммы [8].

Российский опыт использования искусственного интеллекта при принятии управленческих решений в системе корпоративного управления

Крупные российские компании также активно используют возможности искусственного интеллекта в процессе принятия управленческих решений. Так, в 2022 г. в работу компании «Сбербанк» была внедрена платформа на основе искусственного интеллекта «Сбер. Кредитная машина», которая является собственной разработкой и позволяет принимать 99 % всех решений по кредитам автоматически без запроса дополнительных данных. Система обучена на многочисленных примерах принятия решений по кредитным заявкам и позволяет обрабатывать более 1,2 млн заявок в минуту¹. Участие интеллекта в данном процессе способствует экономии времени, снижению риска операционной ошибки и минимизации субъективного фактора, позволяет учитывать больше параметров при оценке риска и принятии решения.

Некоторые продукты ПАО «Сбербанк», предназначенные для внутреннего использования, имеют значительный потенциал коммерциализации. Ярким примером является платформа «Sber Process Mining», разработанная для решения корпоративных задач по оптимизации управленческих процессов на основе сочетания аналитического инструментария и технологий машинного обучения, сегодня успешно реализуется на российском рынке аналитических бизнес-систем. Платформа «Sber Process Mining» позволяет в режиме реального времени отслеживать эффективность процессов, находить слабые места и определять резервы повышения эффективности управления крупной компанией. Использование системы позволяет сократить издержки бизнес-процессов на 10 %. В 2022 г. пользователем системы стала компания «X5 Group», заменившая ранее использовавшееся зарубежное решение в сфере процессной аналитики на отечественную разработку.

¹ «99 % решений по кредитам в Сбере принимает искусственный интеллект»: интервью с заместителем председателя правления ПАО «Сбербанк», руководителем блока «Розничный бизнес» К. Царевым. URL: <https://plus.rbc.ru/news/638ceb2a7a8aa97b488a6194>.

Компания «Росатом» на основе технологий искусственного интеллекта разработала цифровую систему управления атомной отраслью (ЦСУАО) «Навигатор», к которой на начало 2023 г. к системе были подключены более 25 тыс. пользователей 328 предприятий 11 дивизионов государственной корпорации. Система по запросу формирует «подсказки» для руководителей различных уровней на основе анализа предустановленных значимых параметров, влияющих на управленческое решение. В зависимости от поставленных задач «Навигатор» может не только генерировать отчеты и аналитику, но и предлагать варианты решения различных управленческих задач с детализованным описанием ожидаемых результатов².

Компания «Додо-Пицца» с 2021 г. использует искусственный интеллект для прогнозирования расхода ингредиентов на приготовление блюд при принятии решений в сфере управления закупками. Система основана на машинном обучении и реализуется на базе «Microsoft Azure Machine Learning» при участии «Crayon». До внедрения искусственного интеллекта каждая пиццерия сети самостоятельно определяла примерный расход продуктов, на что расходовалось около 4–5 часов рабочего времени персонала в неделю. Неточные прогнозы приводили к перезакупке или нехватке ингредиентов. Предиктивная система искусственного интеллекта позволяет учитывать колебания сезонного спроса, в период праздников и мероприятий, маркетинговую активность компании и ряд других факторов, влияющих на необходимый объем закупок, что позволяет экономить более 4 млн руб. ежемесячно и повысить точность закупок на 18 %³.

Активно применяются технологии искусственного интеллекта в практике принятия диспетчерских решений в ПАО «Газпром». Нейросетевая самообучающаяся система осуществляет мониторинг и анализ показателей текущего состояния единой системы газоснабжения, прогнозирование данных по потреблению газораспределитель-

² Росатом представил систему управления атомной отраслью «Навигатор» на базе искусственного интеллекта : пресс-релиз. URL: <https://rosatom.ru/journalist/arkhiv-novostey/rosatom-predstavil-sistemu-upravleniya-atomnoy-otraslyu-navigator-na-baze-iskusstvennogo-intellekta/>.

³ До 54 млн рублей в год будет экономить «Dodo Brands» с помощью искусственного интеллекта Microsoft. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/dodo-brands-ai-microsoft/>.

ных станций, учет прогнозных данных по климатическим условиям с целью оптимизации управления объемами поставок газа и работой оборудования [6].

Общие рекомендации по использованию искусственного интеллекта в принятии управленческих решений в системе корпоративного менеджмента

Очевидно, что применение технологий искусственного интеллекта менеджерами различного уровня управления должно осуществляться при условии их максимальной обученности, осознания ими ограничений и рисков рекомендаций машинных когнитивных систем. В целом можно обнаружить следующие общие черты в использовании технологий искусственного интеллекта в процессе принятия управленческих решений в системе корпоративного управления:

- ограниченность сферы применения конкретной технологии конкретной управленческой функцией или предметной областью (финансы, продажи, логистика и т. п.);
- осуществление поиска и отбора данных технологией для достижения определенной формализованной управленческой цели, задачи;
- ориентация систем искусственного интеллекта на обнаружение не только корреляционных связей, но и определение причинности;
- обязательный контроль систем искусственного интеллекта и результатов их работы экспертами-людьми;
- выбор одной или нескольких пилотных систем в соответствии с актуальными потребностями и целями корпоративного развития;
- обучение систем искусственного интеллекта на данных, степень предвзятости и субъективизма в формировании которых минимальна.

Применение современных технологий в системе корпоративного управления расширяет возможность работы с информацией на начальных этапах принятия управленческих решений благодаря возможности использования больших данных. Возможности искусственного интеллекта позволяют обрабатывать эти данные в кратчайшие сроки, определять значимые тренды и тен-

денции, находить скрытые закономерности и взаимосвязи между показателями.

В качестве преимуществ использования искусственного интеллекта часто указывается непредвзятость принимаемых решений. Согласимся с Дж. Кэналс в том, что для обеспечения такого результата система должна оперировать качественными ретроспективными данными [9]. Искажение данных, используемых в основе обучения искусственного интеллекта, может привести к снижению эффективности принимаемых решений. С применением искусственного интеллекта в корпоративном управлении связаны этические дискуссии, прогнозы массовой безработицы, проблема обеспечения конфиденциальности данных, качество алгоритмов, правовые аспекты распределения ответственности между лицом, принимающим решение, и рекомендующей такое решение системой, не имеющей юридического статуса.

Для эффективного внедрения технологий искусственного интеллекта в систему управления организацией необходимо обучать руководителей высшего уровня управления таким инструментам и осознанию того, что их возможности в постановке целей, формировании стратегии, мотивации персонала, обеспечении социальной ответственности и устойчивости в контексте принципов корпоративной культуры и принятых компанией ценностей сильно ограничены.

Заключение

Накопление практики применения искусственного интеллекта в системе управления организациями и ее активное научное осмысление привели к возникновению термина «корпоративный искусственный интеллект» — технологии, интегрированные в бизнес-стратегию развития организации и позволяющие принимать управленческие решения любого уровня на основе результатов анализа больших данных не просто с коммерческими целями, но и для обеспечения эффективного, устойчивого, социально ответственного будущего. При этом на данной стадии развития искусственный интеллект не заменяет человеческий интеллект, а дополняет его.

Список источников

1. Зуб А. Т., Петрова К. С. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // Государственное управление. 2022. № 94. С. 173–187.
2. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем / пер. с англ. Н. И. Галагана и др. 4-е изд. М. : Вильямс, 2003. 863 с.

3. Швечков В. А. Организационно-методические основы создания научно-производственного полигона решения задач диспетчерского управления системами газоснабжения на основе технологий искусственного интеллекта // Компьютерные технологии поддержки принятия решений в диспетчерском управлении газотранспортными и газоснабжающими системами : сборник материалов VII международной научно-технической конференции (г. Москва, 14–15.10.2021 г.). М. : Газпром ВНИИГАЗ, 2021. 58 с.
4. Baum T. AI-powered humanoid robot named CEO of Chinese video game company in world first // *The Sun*. 2020. 30.08. P. 2.
5. Canals J. Renewing General Managers' Tasks in an Artificial Intelligence World // Canals J., Heukamp F. *The Future of Management in an AI World*. NY. : Palgrave Macmillan, 2020. P. 9–17.
6. Jordan M. artificial intelligence — the revolution hasn't happened yet // *Harvard data Science review*. 2019. Vol. 1, № 1. P. 14–15.
7. Loureiro S. M. C., Guerreiro J., Tussyadiah I. Artificial intelligence in business: State of the art and future research agenda // *Journal of Business Research*. 2021. № 129. P. 911–926.
8. Marr B. How Unilever Uses Artificial Intelligence To Recruit & Train Thousands Of Employees // *Forbes*. 2018. 14.12. P. 17.
9. Pomerol J-C. Artificial intelligence and human decision making // *European Journal of Operational Research*. 1997. № 99. P. 3–25
10. Wright S. A., Schultz A. E. The rising tide of artificial intelligence and business automation: developing an ethical framework // *Business Horizons*. 2018. № 61. 823–832.

References

1. Zub AT, Petrova KS. Artificial Intelligence in Corporate Governance: Possibilities and Limits of Application. *Gosudarstvennoye upravleniye = Public Administration*. 2022;(94):173-187. (In Russ.).
2. Luger JF. Artificial intelligence: Strategies and methods for solving complex problems. Per. from English. NI Galagan and others. 4th ed. Moscow; 2003. 863 p. (In Russ.).
3. Shvechkov VA. Organizational and methodological foundations for the creation of a research and production test site for solving problems of dispatch control of gas supply systems based on artificial intelligence technologies. *Sbornik materialov VII mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii «Komp'yuternyye tekhnologii podderzhki prinyatiya resheniy v dispetcherskom upravlenii gazotransportnymi i gazosnabzhayushchimi sistemami»* (g. Moskva, 14–15.10.2021 g.) = Collection of materials of the VII International Scientific and Technical Conference “Computer Technologies for Decision Support in the Dispatch Control of Gas Transportation and Gas Supply Systems” (Moscow, 14–15.10.2021). Moscow; 2021. 58 p. (In Russ.).
4. Baum T. AI-powered humanoid robot named CEO of Chinese video game company in world first. *The Sun*. 30.08.2020:2.
5. Canals J. Renewing General Managers' Tasks in an Artificial Intelligence World. Canals J, Heukamp F. *The Future of Management in an AI World*. NY., Palgrave Macmillan; 2020. 9–17 p.
6. Jordan M. artificial intelligence — the revolution hasn't happened yet. *Obzor Harvard data Science review = Harvard data Science review*. 2019;(1):14-15.
7. Loureiro SMC, Guerreiro J, Tussyadiah I. Artificial intelligence in business: State of the art and future research agenda. *Zhurnal biznes-issledovaniy = Journal of Business Research*. 2021;129:911-926.
8. Marr B. How Unilever Uses Artificial Intelligence to Recruit & Train Thousands Of Employees. *Forbes*, 14.12.2018:17.
9. Pomerol J-C. Artificial intelligence and human decision making. *Evropejskij zhurnal operativnyh issledovaniy = European Journal of Operational Research*. 1997;(99):3-25.
10. Wright SA, Schultz AE. The rising tide of artificial intelligence and business automation: developing an ethical framework. *Gorizonty biznesa = Business Horizons*. 2018;(61):823-832.

Информация об авторах

А. В. Агеев — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины».

С. В. Симонов — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент».

С. М. Кашин — кандидат технических наук, доцент кафедры «Бизнес-информатика».

В. А. Матчинов — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Учет и менеджмент».

И. В. Черпаков — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Учет и информационные технологии в бизнесе».

Information about the authors

A. V. Ageev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematics, computer science and general humanities.

S. V. Simonov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

S. M. Kashin — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Informatics.

V. A. Matchinov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting and Management.

I. V. Cherpakov — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting and information technology in business.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.62

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-134-141

О ДОПУСКАЕМЫХ ОЦЕНЩИКАМИ ПОГРЕШНОСТЯХ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТОИМОСТИ НЕДВИЖИМОСТИ

Валентина Николаевна Бердникова^{1✉}, Алексей Сергеевич Афанасьев²

¹ ГБУ КК «Краевое БТИ», Краснодар, Россия, wkoshman@rambler.ru, ORCID 0000-0002-9842-8368

² Братский государственный университет, Братск, Россия, afanasev-brstu@mail.ru, ORCID 0009-0001-4383-6823

Аннотация. Рассматриваются определяемые в соответствии с федеральными стандартами виды стоимости недвижимости, особенности их формирования и взаимосвязи, а также методологии расчета. Основной упор делается на рыночную стоимость, которая рассматривается как главный ориентир при определении кадастровой стоимости или при принятии инвестиционных решений. На основе проведенной экспертизы отчетов об оспаривании кадастровой стоимости делается заключение о повсеместности использования сравнительного подхода при выведении равновесной стоимости недвижимости. Особое внимание в статье уделяется погрешностям, которые допускаются оценщиками при установлении рыночной стоимости недвижимости и которые в дальнейшем существенно влияют на ее результаты.

Ключевые слова: рыночная стоимость, кадастровая стоимость, доходный, затратный, сравнительный подход в оценке, объекты-аналоги

Для цитирования: Бердникова В. Н., Афанасьев А. С. О допускаемых оценщиками погрешностях при определении стоимости недвижимости // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 134–141. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-134-141.

Original article

ABOUT THE PERMISSIBLE ERRORS OF APPRAISERS IN DETERMINING THE VALUE OF REAL ESTATE

Valentina N. Berdnikova^{1✉}, Alexey S. Afanasyev²

¹ Regional the Bureau of Technical Inventory, Krasnodar, Russia, wkoshman@rambler.ru, ORCID 0000-0002-9842-8368

² Bratsk State University, Bratsk, Russia, afanasev-brstu@mail.ru

Abstract. The article discusses the most used types of real estate values, the features of their definition and relationship, calculation methodologies. The market value in the article is considered as the main reference point when determining the cadastral value or when making investment decisions. Based on the examination of reports on the contesting of cadastral value, a conclusion is made about the mass use of the comparative approach in deriving the equilibrium value of real estate. Particular attention is paid to the errors that appraisers make in their work when determining the market value of real estate and which in the future significantly affect its results.

Keywords: market value, cadastral value, comparative approach in valuation

For citation: Berdnikova VN, Afanasyev AS. About the Permissible Errors of Appraisers in Determining the Value of Real Estate. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):134-141. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-134-141.

Введение

Цена и стоимость — неразрывно связанные между собой категории, являющиеся фундаментальными экономическими, которые часто под-

меняют друг друга. Действительно, под первым понятием можно подразумевать количество денежных средств, за которые продавец согласен продать, а покупатель готов купить единицу товара. Цена же определенного количества товара составляет его стоимость, поэтому имеет смысл

говорить о цене как стоимости единицы товара в денежном выражении. Применительно к недвижимости данные категории имеют принципиальные отличия, обусловленные спецификой объектов, областью применения, методологией определения, возможностью повторного использования и т. д. В данной статье проведем критический анализ некоторых важных аспектов формирования стоимости недвижимости, опираясь на актуальную законодательную базу и научные труды отечественных ученых, а также отчеты о рыночной стоимости объектов недвижимости.

Материалы и методы исследования

Категории цены и стоимости тесно переплетаются между собой. В их основе лежит теория стоимости, основоположниками которой были У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. Далее она получила развитие у К. Маркса, Ф. Энгельса, а сегодня в процессе дальнейшего развития рыночных отношений, инновационной модернизации современной экономики не теряет своей актуальности и является предметом изучения экономистов [1; 3; 8; 11]. В. Мягков в своем научном исследовании обозначает 34 вида цены и глубоко прорабатывает 52 вида стоимостей, указывая их происхождение и официальный источник [9]. Такая полнота изучения вопроса автором свидетельствует о наличии на практике многообразия видов цен и стоимостей, которые устанавливаются и рассчитываются субъектами для разных целей и ситуаций. Также он делает определенные выводы, два из которых позволяют четко развести две рассматриваемые экономические категории.

В настоящее время при определении рыночной стоимости оценщики строго следуют концептуальным положениям, которые закреплены профильными нормативными документами. Однако на практике зачастую (особенно при оспаривании стоимости недвижимости) оценщики прибегают к некоторым уловкам, которые позволяют сдвинуть объективно рыночную стоимость в нужном направлении. В рамках данного исследования основным материалом были 125 отчетов об определении рыночной стоимости недвижимости с целью анализа используемых в них подходов и методов оценки, что позволило делать ряд выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, все виды стоимости являются расчетными денежными величинами, которые определяются стандартами, нормативами, статистическими или отраслевыми сборниками,

а цены показывают результат индивидуальных решений, переговоров сторон и соглашений.

Если обратиться к юридической стороне вопроса, то в ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации рыночная цена любого товара (работы, услуги) трактуется как цена, сложившаяся при взаимодействии спроса и предложения на рынке максимально схожих товаров (работ, услуг) в сопоставимых экономических (коммерческих) условиях¹. Следовательно, ценой товаров, работ или услуг является сумма, в действительности обозначенная сторонами сделки, а по-другому равновесная цена для данного момента времени. Равновесная цена формируется как результат взаимодействия на рынке цен спроса и цен предложения, за которыми стоят реальные покупатели и продавцы со своими денежными ожиданиями и заявками. Последние являются точечными характеристиками, которые рассматриваются как динамичные величины, так как подвержены сезонным и иным колебаниям потребительского спроса на недвижимость, корректировке из-за потери объектами качества или иных потребительских свойств, смещению в результате проводимой маркетинговой политики и т. д.

В отличие от цены стоимость недвижимости является расчетной характеристикой, технология установления которой зависит от конечной цели использования полученной величины и наличия законодательных требований, методических рекомендаций и указаний, накопленного опыта оценочной деятельности субъекта оценки.

Самой распространенной стоимостью является рыночная стоимость. В соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности» под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства².

В новых Федеральных стандартах оценки (ФСО II), которые вступили в силу в 2022 г., был существенно сокращен перечень возможных видов стоимости (относительно видов стоимостей, указанных в ранее действовавшем ФСО

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ.

² Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

№ 2). Теперь в нем обозначены три вида стоимости, которые могут рассчитываться в отношении объектов недвижимости¹. В этом документе закреплено, что вид стоимости определяется исходя из цели оценки, а также из предпосылок стоимости, представляющих собой исходные условия определения стоимости, формируемые целью оценки. Соответственно обновленный стандарт вводит следующие виды стоимостей объектов недвижимости: рыночную, равновесную и инвестиционную стоимость.

Рыночная стоимость основана на предпосылках о сделке, совершаемой с объектом на рынке между гипотетическими участниками без влияния факторов вынужденной продажи после выставления объекта в течение рыночного срока экспозиции типичными для подобных объектов способами. Рыночная стоимость отражает потенциал наиболее эффективного использования объекта для участников рынка.

При определении рыночной стоимости не учитываются условия, специфические для конкретных сторон сделки, если они не доступны другим участникам рынка. К таким условиям могут относиться, например, синергии с другими активами, мотивация конкретного стратегического или портфельного инвестора, льготные налоговые или кредитные условия.

Равновесная стоимость представляет собой денежную сумму, за которую предположительно состоялся бы обмен объекта между конкретными, хорошо осведомленными и готовыми к сделке сторонами на дату оценки и отражающую интересы этих сторон. Равновесная стоимость, в отличие от рыночной, отражает условия совершения сделки для каждой из сторон, включая преимущества и недостатки, которые каждая из сторон получит в результате сделки. Поэтому при определении равновесной стоимости необходимо учитывать предполагаемое сторонами сделки использование объекта и иные условия, относящиеся к обстоятельствам конкретных сторон сделки.

Инвестиционная стоимость — стоимость объекта оценки для конкретного лица или группы лиц при установленных данным лицом (лицами) инвестиционных целях использования объекта оценки. Инвестиционная стоимость не предполагает совершения сделки с объектом оценки и от-

ражает выгоды от владения объектом. При определении инвестиционной стоимости необходимо учитывать предполагаемое текущим или потенциальным владельцем использование объекта, синергии и предполагаемый полезный эффект от использования объекта оценки, ожидаемую доходность, иные условия, относящиеся к обстоятельствам конкретного владельца. Именно инвестиционная стоимость является ценовым цензом для любого инвестора при принятии им стратегических решений, ориентированных на прогнозные результаты [2].

Кроме указанных выше стоимостей есть смысл отдельно упомянуть кадастровую стоимость, которую часто отождествляют с рыночной стоимостью [5; 10]. Теоретически кадастровая стоимость должна стремиться к рыночной, однако в силу массовости ее определения имеют место расхождения. В ФСО № 4 подчеркивается обособленность кадастровой стоимости: «под ней понимается стоимость недвижимости, установленная в результате проведения государственной кадастровой оценки или в результате рассмотрения споров о результатах определения кадастровой стоимости»².

Под ликвидационной стоимостью понимается расчетная величина, отражающая наиболее вероятную цену, по которой данный объект оценки может быть отчужден за срок экспозиции объекта оценки, меньший типичного срока экспозиции объекта оценки для рыночных условий, в условиях, когда продавец вынужден совершить сделку по отчуждению имущества. При определении ликвидационной стоимости в отличие от определения рыночной стоимости учитывается влияние чрезвычайных обстоятельств, вынуждающих продавца продавать объект оценки на условиях, не соответствующих рыночным.

Все указанные выше стоимости в соответствии с Федеральными стандартами могут устанавливаться в рамках сравнительного, доходного и затратного подходов. При применении каждого из них реализуются различные методы оценки. Законодатель оставляет за оценщиком право выбирать методы оценки, не указанные в федеральных стандартах оценки, с целью получения наиболее достоверных результатов оценки (как правило, это связано с уникальными характеристиками объектов недвижимости). Ни один из под-

¹ Приказ Минэкономразвития России от 14.04.2022 г. № 200 «Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки».

² Приказ Минэкономразвития России от 22.10.2010 г. № 508 «Об утверждении федерального стандарта оценки “Определение кадастровой стоимости (ФСО № 4)”».

Этапы оценки и их недостатки, отражающиеся на результатах, полученных в рамках сравнительного подхода
Stages of evaluation of the comparative approach and errors in the evaluation results

ЭТАП 1. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ					
Сбор данных по объекту недвижимости	→	Сбор первичных и вторичных свойств объекта недвижимости	→	Изучение окружения объекта недвижимости	
ЭТАП 2. АНАЛИТИЧЕСКИЙ					
Оценка активности рынка в целом	→	Анализ и подбор на рынке объектов-аналогов	→	Анализ сделок с объектами-аналогами	
			→	Оценка доступности информации со сделками по объектам-аналогам	
				→	Проверка параметров сделок с объектами-аналогами
«Слабые места» аналитического этапа					
		Ограниченные базы объектов-аналогов		Анализ цен предложения с применением дисконта на торг	
				Не всегда производится	
ЭТАП 3. РАСЧЕТНЫЙ					
Выбор единицы сравнения	→	Выбор оптимальных объектов-аналогов	→	Определение набора и размера ценовых корректировок	
			→	Перерасчет стоимости объектов-аналогов с учетом характеристик объекта оценки	
				→	Согласование пересчитанных (скорректированных) значений объектов-аналогов
«Слабые места» расчетного этапа					
		Выбор объектов-аналогов из нижней или верхней квартили выборки		Неполное, искаженное, необоснованное и т. д. применение корректировок	
				Нелогичное внесение корректировок	
ЭТАП 4. ОЦЕНКА В РАМКАХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА					

Источник: составлено авторами на основе отчетов об оценке рыночной стоимости из Фонда данных государственной кадастровой оценки.

ходов и методов оценки не является универсальным, применимым во всех случаях оценки. В то же время оценщик может использовать один подход и метод оценки, если он приводит к наиболее достоверному результату оценки с учетом доступной информации, допущений и ограничений проводимой оценки [7].

Обратимся к проведенной авторами экспертизе 125 отчетов об оценке, которые были составлены в целях оспаривания кадастровой стоимости объектов недвижимости в Краснодарском крае: земельные участки разного целевого назначения, объекты капитального строительства: промышленного, сельскохозяйственного, торгового назначения¹.

По результатам анализа установлено, что сравнительный подход при оценке рыночной и кадастровой стоимости объектов недвижимости явля-

ется самым широко используемым у оценщиков, так как его результаты максимально приближены к равновесной стоимости [4; 6]. Случаи, когда подход не применяется, очень редки и в основном связаны со сложностью подбора достаточного для оценки количества объектов-аналогов с известными ценами сделок и (или) предложений, одним словом, объект является довольно специфическим. В каждом из проанализированных отчетов об оценке был использован сравнительный подход. В табл. 1 отражена концептуальная последовательность проведения оценки, а также обозначены основные «слабые» места, которые могут быть подвержены критике при проведении экспертизы оценочного отчета.

Небольшая доля (11,2 %) применения доходного подхода в анализируемых отчетах обусловлена тем, что с его помощью можно установить стоимость только такого объекта, который способен собственнику приносить реальный или показывать потенциальный доход. Основные этапы и погрешности в отчетах отражены в табл. 2.

¹ Фонд данных государственной кадастровой оценки. Отчеты об оценке рыночной стоимости. URL: https://rosreestr.gov.ru/wps/portal/cc_ib_svedFDGKO (дата обращения 20.08.2023).

Этапы оценки и их недостатки, отражающиеся на результатах, полученных в рамках доходного подхода
Stages of evaluation of the revenue approach and errors in the evaluation results

ЭТАП 1. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ				
Сбор данных по объекту недвижимости	→	Сбор первичных и вторичных свойств объекта недвижимости	→	Оценка инвестиционных перспектив объекта недвижимости
ЭТАП 2. АНАЛИТИЧЕСКИЙ				
Анализ данных по ретроспективе, текущим доходам, аккумулируемым объектом недвижимости	→	Анализ данных по среднерыночной доходности в сегменте, по объектам-аналогам	→	Оценка рискованности инвестиций в объект недвижимости
			→	Оценка прогнозного состояния рынка и экономики в целом
«Слабые места» аналитического этапа				
Отсутствуют подтвержденные данные о доходах и расходах		Объекты-аналоги имеют существенные различия		Слабо обоснованный субъективизм в оценке рисков
ЭТАП 3. РАСЧЕТНЫЙ				
Определение срока прогнозного получения доходов	→	Выбор методики расчета денежного потока объекта недвижимости	→	Определение потенциального изменения дохода во времени
			→	Определение ставки дисконтирования (капитализации)
			→	Расчет постпрогнозной стоимости объекта недвижимости
ЭТАП 4. ОЦЕНКА В РАМКАХ ДОХОДНОГО ПОДХОДА				

Источник: составлено авторами на основе отчетов об оценке рыночной стоимости из Фонда данных государственной кадастровой оценки.

Как правило, интерес к результатам оценки в рамках данного подхода могут проявлять только заинтересованные инвесторы, и то со сдержанной осторожностью, потому что процесс оценки полностью спроецирован на неопределенных, вероятностных потоках будущих доходов от эксплуатации объекта недвижимости, поэтому, например, для целей оспаривания кадастровой стоимости слабо применим.

Существенная доля применимости затратного подхода среди оценщиков складывается из специфики самого объекта. Разработаны и активно используются в практической деятельности информационные справочники, предназначенные для определения стоимости воспроизводства (замещения) оцениваемого объекта, расчета величины физического и функционального износа (КО-ИНВЕСТ, Справочники оценщика, разработанные Приволжским центром методического и информационного обеспечения оценки), в которых оценочные данные классифицированы по конструктивным системам зданий и сооружений, функциональному назначению, объемно-планировочному решению и т. д. Они регулярно пополняются новыми классами объектов оценки с учетом изменений в строительстве, экономике, в нормативных требованиях и т. д. Такая особенность

позволяет максимально учесть специфику объекта недвижимости. В табл. 3 отражена последовательность расчета, которая реализуется при оценке в рамках затратного подхода.

В проанализированных отчетах об оценке затратный подход применялся в отношении всех объектов капитального строительства. Однако заметим, что при согласовании результатов оценки при установлении итоговой рыночной стоимости преобладающая часть оценщиков опиралась на результаты сравнительного подхода, считая их наиболее достоверными.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию используемых на практике стоимостей и методологии их определения, можно выделить следующие погрешности, которые допускаются оценщиками.

1. Оценщики при установлении кадастровой стоимости нацелены на выведение рыночной стоимости, которая стремится к равновесной цене. Однако из-за недостатка информации о реальных ценах спроса и предложения, как показывает анализ отчетов об оценке, они переходят на данные по рыночному предложению недвижимости, которые уже корректируются на величину дисконта.

Этапы оценки и их недостатки, отражающиеся на результатах, полученных в рамках затратного подхода
Stages of evaluation of the cost approach and errors in the evaluation results

ЭТАП 1. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ			
Сбор данных по объекту недвижимости	→	Сбор первичных и вторичных характеристик объекта недвижимости	→
			Подбор рыночных данных, справочной базы по затратам на строительство объектов-аналогов
ЭТАП 2. АНАЛИТИЧЕСКИЙ			
Оценка данных по текущим затратам на воспроизводство объекта недвижимости	→	Оценка данных по текущим затратам на замещение объекта недвижимости	→
		Определение наличия физического, функционального, экономического обесценения	→
			Оценка общего устаревания объекта недвижимости
«Слабые места» аналитического этапа			
Дается общая характеристика затратам на создание объекта	→	Дается общая характеристика затратам на замещение объекта	→
		Устанавливается износ формально, без учета фактического состояния объекта	
ЭТАП 3. РАСЧЕТНЫЙ			
Определение единицы измерения для объекта недвижимости	→	Расчет полной стоимости объекта недвижимости по затратам на строительство или по сборникам	→
		Расчет общего накопленного износа объекта недвижимости	→
			Определение набора ценовых коэффициентов, учитывающих специфику объекта недвижимости
ЭТАП 4. ОЦЕНКА В РАМКАХ ЗАТРАТНОГО ПОДХОДА			

Источник: составлено авторами на основе отчетов об оценке рыночной стоимости из Фонда данных государственной кадастровой оценки.

Как следствие, кадастровая и рыночная стоимости уже опираются исключительно на ориентировочные (предположительные) цены сделок.

2. Часто оценщики не проводят комплексного анализа всех объектов сегмента рынка, к которому относится объект оценки. В результате в оценочной процедуре участвуют такие объекты-аналоги, ценовые характеристики которых соответствуют ожиданиям оценщика относительно итоговых результатов оценки, отсюда можно утверждать, что оценщик может сознательно ма-

нипулировать рыночной стоимостью объектов недвижимости.

3. Оценщики при установлении рыночной стоимости активно используют справочные, нормативные, статистические данные, которые имеют грубо усредненную оценку для определенного класса объектов капитального строительства или региона, что не позволяет учесть особенности локального рынка недвижимости и в конечном счете приводит к искажению результатов определения рыночной стоимости.

Список источников

1. Morali O., Yilmaz N. An Analysis of Spatial Dependence in Real Estate Prices. *J Real Estate Finan Econ*. 2022. № 64. P. 93–115. DOI: 10.1007/s11146-020-09794-1.
2. Афанасьев А. С., Гончарова Н. А., Бердникова В. Н. Недвижимость как инвестиционный актив на современном этапе развития российской экономики // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4(50). С. 19–24. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-19-24.
3. Бабабекова Г. Б. Теоретическая сущность формирования цены как экономическая категория // Экономика и социум. 2022. № 3-2 (94). С. 444–448.
4. Баринов Н. П. Сравнительный подход к оценке недвижимости. Современный взгляд // Вопросы оценки. 2019. № 1 (95). С. 2–16.
5. Бердникова В. Н. Взаимосвязь кадастровой и рыночной стоимости // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 210–216. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10924.

6. Бердникова В. Н., Осенняя А. В., Хахук Б. А. Построение качественной модели оценки кадастровой стоимости недвижимости // Экономика и математические методы. 2021. Т. 57, № 2. С. 73–84. DOI: 10.31857/S042473880014895-3.
7. Варфоломеева В. А., Иванова Н. А. Актуальность использования подходов к оценке стоимости объектов недвижимости // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2021. № 3 (35). С. 13–18.
8. Мороз А. И., Лабодкая И. А. Основные подходы к формированию цены как экономической категории // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2022. № 10 (305). С. 15–19.
9. Мягков В. Н. Стоимость — не цена. Виды стоимостей и цен // Вопросы оценки. 2019. № 2 (96). С. 2–22.
10. Скатов М. А. Кадастровая стоимость равна рыночной? // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 30. С. 34–49.
11. Шлыгин С. П., Шабалина А. Е. Экономические и философские аспекты формирования цены на рынке // Известия Международной академии аграрного образования. 2016. № 31. С. 150–153.

References

1. Morali O, Yilmaz N. An Analysis of Spatial Dependence in Real Estate Prices. *J. Real Estate Finan Econ.* 2022;(64):93-115. DOI: 10.1007/s11146-020-09794-1.
2. Afanasyev AS, Goncharova NA, Berdnikova VN. Real estate as an investment asset at the present stage of development of the Russian economy. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia.* 2022;4(50):19-24. DOI:10.18324/2224-1833-2022-4-19-24. (In Russ.).
3. Bababekova GB. The theoretical essence of price formation as an economic category. *Ekonomika i socium = Economics and Society.* 2022;3–2(94):444–448. (In Russ.).
4. Barinov NP Comparative approach to real estate valuation. A modern look. *Voprosy ocenki = Evaluation issues.* 2019;1(95):2-16. (In Russ.).
5. Berdnikova VN. Interrelation of cadastral and market value. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2019;(9(431):210-216. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10924. (In Russ.).
6. Berdnikova VN, Osennaya AV, Khakhuk BA. Building a qualitative model for estimating the cadastral value of real estate. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods.* 2021; 57(2):73-84. 10.31857/S042473880014895-3. (In Russ.).
7. Varfolomeeva VA, Ivanova NA. Relevance of using approaches to valuation of real estate objects. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt = Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience.* 2021;3(35):13-18. (In Russ.).
8. Moroz AI, Labotskaya IA. Basic approaches to the formation of prices as an economic category. *Ekonomicheskij byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus' = Economic Bulletin of the Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus.* 2022;10(305):15-19. (In Russ.).
9. Myagkov VN. Cost is not price. Types of values and prices. *Voprosy ocenki = Questions of evaluation.* 2019;2(96):2-22. (In Russ.).
10. Skatov MA. Is the cadastral value equal to the market value? *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education.* 2021;(30):34-49. (In Russ.).
11. Shlygin SP, Shabalina AE. Economic and philosophical aspects of price formation in the market. *Izvestiya Mezhdunarodnoj akademii agrarnogo obrazovaniya = Proceedings of the International Academy of Agrarian Education.* 2016;(31):150-153. (In Russ.).

Информация об авторах

В. Н. Бердникова — кандидат экономических наук, главный специалист, аналитик.

А. С. Афанасьев — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры экономики и менеджмента.

Information about the authors

V. N. Berdnikova — Candidate of Economic Sciences, Chief Specialist, Analyst.

A. S. Afanasyev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1.02:330.31(470.31/.33+470.54/.55+470.58+571.12)

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-142-151

АМОРТИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЙ В ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРИБЫЛИ

Николай Зотикович Зотиков

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, Zotikovcontrol@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5631-9123

Аннотация. В условиях недостаточности собственных средств, отсутствия внешних источников финансирования инвестиций, значительной доли убыточных предприятий возрастают роль и значение амортизационных отчислений как наиболее устойчивого источника финансовых ресурсов организации. Значимость прибыли возрастает не только для предприятий, а также и для региональных бюджетов, так как налог на прибыль является одним из важных источников формирования их доходов. В статье амортизационная политика рассматривается как неотъемлемая часть финансового планирования бизнеса и управления. Исследование показало, что в регионах незначительное количество предприятий используют предоставленные главой 25 НК РФ возможности оптимизации налога на прибыль за счет проведения активной амортизационной политики, актуальность которой возрастает в связи с устареванием парка оборудования на предприятиях, низким уровнем его обновления. Цель статьи — исследовать амортизационную политику, степень использования в регионах методов оптимизации. В исследовании использованы общепринятые в экономике методы: анализ и синтез, группировка, обобщение, динамика, табличный и др. Исследование опирается на официальные данные Росстата, Минфина и др. Результаты исследования могут быть использованы при разработке амортизационной политики на предприятии как части учетной политики для целей налогообложения. Исследованием установлено: амортизационная политика еще не стала эффективным инструментом стимулирования инвестиционной активности в деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: амортизационная политика, ускоренная амортизация, амортизационная премия, повышающие коэффициенты к нормам амортизации, нелинейный метод, инвестиционный налоговый вычет, инвестиции, фондовооруженность труда

Для цитирования: Зотиков Н. З. Амортизационная политика предприятий в оптимизации налогообложения прибыли // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 142–151. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-142-151.

Original article

DEPRECIATION POLICY OF ENTERPRISES IN OPTIMIZATION OF PROFIT TAXATION

Nikolay Z. Zotikov

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia, Zotikovcontrol@yandex.ru, ORCID 0000-0001-5631-9123

Abstract. In conditions of insufficient own funds, the absence of external sources of investment financing, and a significant proportion of unprofitable enterprises, the role and importance of depreciation charges as the most sustainable source of financial resources of the organization increases. The importance of profit increases not only for enterprises, but also for regional budgets, since income tax is one of the important sources of their income. The article examines depreciation policy as an integral part of business financial planning and management. The study showed that in the regions a small number of enterprises use the opportunities provided by Chapter 25 of the Tax Code of the Russian Federation to optimize income taxes through an active depreciation policy, the relevance of which increases due to the obsolescence of the equipment fleet at enterprises and the low level of its renewal. The purpose of the article is to study depreciation policy and the extent to which optimization methods are used in the regions. The study used methods generally accepted in economics: analysis and synthesis, grouping, generalization,

dynamics, tabular, etc. The study is based on official data from Rosstat, the Ministry of Finance, etc. The results of the study can be used in developing depreciation policy at the enterprise as part of the accounting policy for the purposes taxation. The study established: depreciation policy has not yet become an effective tool for stimulating investment activity in the activities of business entities.

Keywords: depreciation policy, accelerated depreciation, depreciation bonus, increasing coefficients to depreciation rates, non-linear method, investment tax deduction, investments, capital-labor ratio

For quotation: Zotikov NZ. Depreciation Policy of Enterprises in Optimization of Profit Taxation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):142-151. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-142-151.

Введение

При проведении амортизационной политики государство решает следующие задачи:

- оценка и пересмотр имущества, подвергаемого амортизации;
- установление сроков полезного использования основных фондов;
- предотвращение сильного физического и морального износа основных фондов;
- выбор и обоснование методов начисления амортизации;
- оптимизация налоговых платежей в бюджет с применением оптимальных методов списания стоимости активов (налоговое стимулирование ускоренной амортизации);
- взаимодействие амортизационной политики с инновационной и инвестиционной политикой.

Задачи хозяйствующих субъектов при принятии амортизационной политики — учет принципов, целей и задач государственной политики. Основной капитал, являясь одним из факторов производства (из триады: земля, труд, капитал), представляет собой важный элемент и основную базу экономического потенциала хозяйствующего субъекта. Важнейшим фактором производительности труда является, как известно, техника, используемая в процессе труда. К. Маркс писал: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [1].

Цель статьи — исследовать амортизационную политику, степень использования организациями в регионах предусмотренных законодательством методов оптимизации налогообложения прибыли. В исследовании использованы общепринятые в экономике методы: анализ и синтез, группировка, обобщение, динамика, табличный и др. Исследование опирается на официальные данные Росстата, Минфина и др.

Организации при осуществлении своей финансово-хозяйственной деятельности опериру-

ют своими активами. В процессе эксплуатации основные фонды изнашиваются, то есть амортизируются. Как управлять этими отчислениями, закрепив методы начисления амортизации и оптимизации — в этом и заключается суть амортизационной политики на микроуровне. Она предполагает, каким способом перенести стоимость основных средств на себестоимость продукции, с тем расчетом, чтобы максимально быстро вернуть эту стоимость. Именно амортизация является базой для инвестиций, единственным компонентом себестоимости, который поддается управлению. Метод — это оптимальный вариант решения поставленной задачи, в части амортизации — это выбор между увеличением расходов на развитие производства (влечет за собой снижение прибыльности и привлекательность для инвестиций) и быстрым формированием финансов, необходимых для обновления активов.

«Игнорирование амортизационных отчислений как источника финансирования инвестиций в обновление материально-технической базы означает существенное снижение инвестиционной активности и устаревание производственных мощностей» [2].

«Для предприятия цель амортизации — это накопление средств на приобретение новых фондов и восстановление имеющихся основных фондов. Сумма амортизации, начисленной за налоговый (отчетный) период, зависит от первоначальной стоимости, выбранного метода начисления амортизации и срока полезного использования объектов основных средств, которые участвуют в производственной деятельности» [3].

Ускоренная амортизация, применяемая с целью частого обновления активов, предполагает ускорение процесса переноса стоимости основных фондов в себестоимость продукции (установление минимального срока полезного использования в пределах сроков, установленных по амортизационной группе, повышающие коэффициенты к нормам амортизации, нелинейный метод расчета амортизации и др.). «Интенсивность обновления основных производственных

фондов оценивается следующими экономическими показателями: коэффициентом выбытия, коэффициентом обновления, коэффициентом интенсивности обновления» [4]. «Налоговое стимулирование производителей, внедряющих инновационные технологии, должно осуществляться за счет: ускоренного списания стоимости основных средств на основе исключения из налогооблагаемого дохода суммы амортизационных отчислений» [5].

В противовес ускоренной замедленная амортизация может применяться в случаях, когда необходимо снижение себестоимости продукции с целью увеличения прибыли, при этом активы служат дольше, реже обновляются. Этот метод предполагает увеличение срока полезного использования основных средств, снижение сумм амортизационных отчислений, применение понижающих коэффициентов.

«Налог на прибыль организаций достаточно эффективно используется при регулировании инвестиционной активности, развития малого бизнеса путем предоставления государством разных льгот и установления налоговых ставок. Именно налогообложение прибыли позволяет государству широко использовать налоговые методы в регулировании экономики и иметь существенный источник доходов бюджетов» [6].

«Необходимо обеспечить оптимальность налогового регулирования, которое заключается в сбалансированном выполнении налогами фискальной и регулирующей функций. Эффективность предусмотренных налоговым законодательством льгот определяется экономией средств, высвобождаемых из суммы, подлежащей уплате в бюджет, которые могут быть направлены на дальнейшее инновационное развитие предприятия» [7].

Об эффективности амортизационной политики свидетельствуют финансовое состояние организации, оцениваемое в первую очередь балансовой стоимостью основных средств, на увеличение которого она и направлена. В расчет берут коэффициент износа основных фондов, фондоемкость (отношение стоимости основных фондов к выручке от реализации продукции), рентабельность активов (отношение прибыли к стоимости активов).

Исследование

Объектом исследования выбраны два федеральных округа: Центральный (ЦФО) и Уральский (УрФО). Выбор ЦФО обусловлен тем, что

здесь сосредоточена 1/3 всех основных средств страны. Выбор УрФО объясняется тем, что, имея основных средств меньше, чем ЦФО, округ длительное время занимает ведущие позиции в рейтинге регионов по уровню социально-экономического положения, проводимом ежегодно рейтинговым агентством РИАРЕЙТИНГ /Россия сегодня. Данный рейтинг проводится на основании официальных данных Росстата, Минфина на основании показателей, объединенных в четыре группы:

1) показатели масштаба экономики (объем производства товаров и услуг, объем доходов консолидированного бюджета, численность занятых в экономике);

2) показатели эффективности экономики (объем производства товаров и услуг на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, доля прибыльных предприятий, уровень собираемости налогов);

3) показатели бюджетной сферы (доходы бюджета на душу населения, доля собственных доходов в бюджете, дефицит, госдолг);

4) показатели социальной сферы (отношение доходов населения к стоимости товаров, безработица, продолжительность жизни, уровень младенческой смертности).

Исследование начнем с изучения данных начисления налога на прибыль по РФ и двум округам за 2019 и 2022 гг. (табл. 1).

Как следует из данных табл. 1, в 2022 г. в сравнении с 2019 г.:

– доходы от реализации увеличились по РФ на 18,4 %, в том числе по УрФО на 27,8 %, уменьшились по ЦФО на 0,1 %; доля ЦФО в доходах от реализации по РФ уменьшилась с 62,1 до 52,4 %, доля УрФО увеличилась с 7,3 до 7,9 %;

– внереализационные доходы увеличились по РФ в 4,9 раза. ЦФО — в 5,7 раза, УрФО на 56,3 %; при этом доля ЦФО в сумме внереализационных доходов по РФ увеличилась с 83,4 до 96,4 %, доля УрФО уменьшилась с 1,6 до 0,5 %;

– общая сумма доходов увеличилась по РФ на 91,0 %, ЦФО — в 2,8 раза, УрФО — на 30,5 %; доля ЦФО в доходах по РФ увеличилась с 55,1 до 81,7 %; доля УрФО уменьшилась с 4,4 до 3,0 %;

– расходы, связанные с производством, увеличились по РФ на 15,3 %, УрФО — на 30,9 %, по ЦФО уменьшились на 1,9 %; внереализационные расходы увеличились по РФ в 5,2 раза, ЦФО — в 6 раз, по УрФО — на 54,3 %;

– общая сумма расходов увеличилась по РФ в 2,45 раза, ЦФО — в 2,9 раза, УрФО — на 33,1 %;

**Исчисление налога на прибыль организаций
Calculation of corporate income tax**

2019			2022			2022/2019, %		
РФ	ЦФО	УрФО	РФ	ЦФО	УрФО	РФ	ЦФО	УрФО
Доходы от реализации, млрд руб.								
267 886,6	166 474,9	19 695,8	317 090,8	166 256,9	25 181,2	118,4	99,9	127,8
Доля в РФ, %	62,1	7,3	–	52,4	7,9	–	84,4	108,2
Внереализационные доходы, млрд руб.								
127 764,9	106 609	1 997,4	629 563,4	607 232,2	3 121,3	492,7	569,6	156,3
Доля в РФ, %	83,4	1,6	–	96,4	0,5	–	115,6	31,2
Итого доходов, млрд руб.								
495 651,5	273 083,9	21 683,2	946 654,2	773 489,1	28 302,5	191	283,2	130,5
Доля в РФ, %	55,1	4,4	–	81,7	3	–	148,3	68,2
Расходы, уменьшающие доходы, млрд руб.								
251 201,1	158 618,2	17 116,4	289 593,4	155 592	22 408,5	115,3	98,1	130,9
Внереализационные расходы, млрд руб.								
119 189,7	100 798,2	1 785,8	620 788,7	600 724,9	2 754,6	520,8	596	154,3
Итого расходов, млрд руб.								
370 390,9	259 416,4	18 902,2	910 382,1	756 316,9	25 163,1	245,8	291,5	133,1
Доля в РФ, %	70	5,1	–	83,1	2,8	–	118,7	54,9
Сумма исчисленного налога на прибыль, млрд руб.								
3 749,2	1 992,7	421,2	5 583	2 472	485,7	148,9	124	115,3
Доля в РФ, %	53,1	11,2	–	44,3	8,7	–	83,4	77,7
Сумма инвестиционного налогового вычета (ИНВ), млрд руб.								
34,8	0,08	34	55,2	19,4	1,9	158,6	24 раза	5,6
Доля в РФ, %	–	92,7	–	35,1	3,4	–	–	–
Сумма ИНВ в процентах от суммы налога на прибыль								
0,93	0,004	8	1	0,78	0,39	–	–	–
Количество налогоплательщиков, применивших инвестиционный налоговый вычет, ед.								
37	6	8	349	83	63	9 раз	10 раз	8 раз
Сумма недопоступления налога в связи с предоставлением преференций, млрд руб.								
371,6	126,4	121,8	465,1	197,8	53,7	125,2	157	44,1
Доля в РФ, %	34	32,8	–	42,5	11,5	–	125	35,1
Справочно:								
Количество налогоплательщиков, данные по которым приведены в отчете, ед.								
965 621	378 595	79 686	870 101	347 090	73 763	90,1	91,7	92,6
Доля в РФ, %	39,2	8,2	–	39,9	8,5	–	101,8	103,6
в том числе прибыльных								
856 418	336 376	69 861	770 764	306 225	65 445	90	91	93,7
Доля в РФ, %	39,3	8,2	–	39,7	8,5	–	101	103,6
Количество организаций, представивших нулевую отчетность, ед.								
376 714	136 047	30 807	307 651	116 908	24 079	81,7	85,9	78,2
Доля в РФ, %	36,1	8,2	–	38	7,8	–	105,3	95,1
Количество организаций, представивших единую упрощенную декларацию, ед.								
109 441	38 868	8 716	53 105	17 274	4 367	48,5	44,4	50,1
Доля в РФ, %	35,5	8	–	32,5	8,2	–	91,5	125

Источник: Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций ф. № 5-П
URL: nalog.gov.ru/Статистика и аналитика/forms/12536915

при этом доля ЦО в расходах по РФ увеличилась с 70 до 83,1 %, доля УрФО снизилась с 5,1 до 2,8 %;

– сумма исчисленного налога на прибыль увеличилась по РФ на 48,9 %; ЦФО — на 24,0 %, УрФО — на 15,3 %; при этом доля ЦФО в общей сумме начисленного налога на прибыль уменьшилась с 53,1 до 44,3 %, доля УрФО — с 11,2 до 8,7 %;

– сумма инвестиционного налогового вычета увеличилась по РФ на 58,6 %, ЦФО — более чем в 24 раза, УрФО — более чем в пять раз; при этом доля ЦФО уменьшилась с 97,7 до 35,1 %; в то же время в процентах от суммы налога на прибыль остается незначительной (в 2019 г. по РФ 0,93 %, в т. ч. по УрФО 8,0 % (за счет ЯНАО, в котором ИНВ составил 34,0 млрд руб.), в 2022 г. по РФ 1 %).

Из проведенного исследования С. Бороненкова и А. Попов делают вывод о недостаточно широком поле для применения инвестиционного вычета в Свердловской области, так как правом на его применение обладает относительно узкий перечень субъектов и региональное законодательство установило не все возможные составляющие, формирующие данный вычет [8].

Суть инвестиционного налогового вычета заключается в следующем: региональная часть налога на прибыль может быть уменьшена на сумму до 90 % от суммы инвестиций в основные средства, размер вычета не может превышать разницы между исчисленной суммой налога без применения вычета и налогом, исчисленным по ставке 5 % (неиспользованный остаток может быть перенесен на следующие периоды); федеральная часть налога на прибыль может быть уменьшена на 10 % от суммы инвестиций в ОС, но только до нуля (неиспользованный остаток не переносится).

Количество налогоплательщиков, применивших инвестиционный налоговый вычет, остается незначительным, несмотря на увеличение по РФ с 37 до 349 ед. (рост в девять раз), ЦФО — с 6 до 83 ед. (рост в 13 раз), по УрФО — с 8 до 63 ед. (рост в восемь раз).

«Сумма вычета влияет не на расчет облагаемой базы по налогу на прибыль, а уменьшает уже непосредственно исчисленную величину налога (авансовых платежей по налогу). Вычет предоставляется вместо права налогоплательщика на учет в целях налогообложения (п. 7 ст. 286.1 НК РФ) расходов, формирующих первоначальную стоимость вновь введенных основных

средств в периоде такого ввода, а также расходов на модернизацию, реконструкцию, техническое перевооружение используемых объектов — в виде амортизационных отчислений и амортизационной премии» [9].

Основными преимуществами ИНВ являются:

– возможность полного списания стоимости ОС в текущем периоде;

– возможность уменьшения налога на прибыль, зачисляемого в региональный бюджет;

– высвобождение денежных потоков с реальной покупательской способностью [10];

– сумма недопоступления налога на прибыль в связи с предоставлением налоговых преференций увеличилась с 371,6 до 465, 1 млрд руб., в том числе по ЦФО — с 126,4 до 197,8 млрд руб., УрФО уменьшилась с 121,8 до 53,7 %. По мнению Н. Бондарева, «снижению напряженности бюджетов регионов от применения ИНВ по налогу на прибыль способствовало бы введение новой законодательной нормы, заключающейся в компенсации регионам из федерального бюджета 2/3 выпадающих доходов. Эта мера должна явиться стимулятором для регионов в предоставлении ИНВ не только крупным проектам, но и малому и среднему бизнесу» [11];

– количество налогоплательщиков, данные по которым приведены в отчете, уменьшилось по РФ на 9,9 %, ЦФО — на 8,3 %, УрФО — на 7,4 %; на ЦФО приходится около 40 % налогоплательщиков, на УрФО — 8,2 %;

– 88,0 % налогоплательщиков являются прибыльными;

– более трети всех налогоплательщиков представляют нулевую отчетность;

– из общего количества налогоплательщиков представили единую упрощенную декларацию в 2019 г. около 10 %, в 2022 г. — 5–6 %.

Далее рассмотрим практику применения преимуществ, предоставляемых главой 25 НК РФ, осуществляемых за счет расходов, принимаемых в налоговом учете (табл. 2).

Согласно данным табл. 2, в 2022 г. в сравнении с 2019 г. количество налогоплательщиков, применивших амортизационную премию, несмотря на увеличение по РФ на 7,3 %; ЦФО — на 7,6 %; УрФО — на 4,5 %, остается незначительным: не более 1,5 % общего количества налогоплательщиков.

По мнению авторов, применение допустимого законодательством метода уменьшения облагаемой базы по налогу на прибыль (учет амортизационных премий) позволит организации

**Расходы, учитываемые для целей налогообложения
Expenses taken into account for tax purposes**

РФ			ЦФО			УрФО		
2019	2022	2022/ 2019, %	2019	2022	2022/ 2019, %	2019	2022	2022/ 2019, %
Количество налогоплательщиков, применивших амортизационную премию, ед.								
10 681	11 457	107,3	3 648	3 927	107,6	1 069	1 117	104,5
Сумма амортизационной премии в размере не более 10 % стоимости ОС, млрд руб.								
273,5	289,4	105,8	154,4	122,1	79,1	57,1	32,3	56,6
Сумма амортизационной премии в размере не более 30 % стоимости ОС, млрд руб.								
1 193	1 406,6	117,9	518,7	476,5	91,9	245,9	269,8	109,7
Сумма амортизации с применением коэффициента 2 в отношении ОС, используемых для работы в условиях агрессивной среды, млрд руб.								
192,8	98,2	50,9	130	22,1	17	31,9	21,7	68
Сумма амортизации с применением коэффициента 2 в отношении ОС, используемых для работы в условиях повышенной сменности, млрд руб.								
28,3	256,4	9 раз	7	2,9	41,4	0,5	0,5	100
Сумма амортизации с применением коэффициента не выше 3 в отношении ОС, являющихся предметом договора лизинга, млрд руб.								
13,9	23,4	168,3	1,8	14,4	8 раз	1	1,1	110
Количество налогоплательщиков, применивших линейный метод начисления амортизации ОС, ед.								
332 377	343 624	103,4	135 294	137 396	101,6	27 848	29 068	104,4
Сумма амортизации ОС, начисленная линейным методом, млрд руб.								
5 806	7 644,7	131,7	3 070	3 457,1	112,6	733,4	954,6	130,2
Количество налогоплательщиков, применивших нелинейный метод начисления амортизации ОС, ед.								
1 884	1 186	62,9	711	368	51,7	145	129	89
Сумма амортизации ОС, начисленная нелинейным методом, млрд руб.								
210,6	328,1	155,8	70,1	108,6	154,9	21,8	34,1	156,4
Всего расходов (амортизационная премия — 10 и 30 %, повышающие коэффициенты (К2 и К3), нелинейный метод амортизации): млрд руб. / в % от всех расходов (табл. 1)								
1 713,1	2 401,5	140,2	882	747,6	84,8	358,2	359,5	100,4
0,68 %	0,83 %	—	0,56 %	0,48 %	—	2 %	1,6 %	—

Источник: Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций ф. № 5-П.
URL: [nalog.gov.ru/Статистика и аналитика/forms/12536915](http://nalog.gov.ru/Статистика%20и%20аналитика/forms/12536915)

существенно экономить на налоге в первые три года применения амортизационной премии [12];

– сумма амортизационной премии в размере не более 10 % стоимости ОС увеличилась по РФ на 5,8 %, уменьшилась по ЦФО на 20,9 % и УрФО — на 43,4 %; в размере не более 30 % стоимости ОС увеличилась по РФ на 17,9 %, УрФО — на 9,7 %, уменьшилась по ЦФО на 8,1 %;

– сумма амортизационной премии в размере не более 10 и 30 % в общей сумме амортизации ОС, начисленных линейным методом, уменьшилась по РФ с 25,2 до 22,2 %; по ЦФО — с 21,9 до 17,3 %; УрФО — с 41,3 до 31,6 %;

– сумма амортизации с применением коэффициента 2 в отношении ОС, используемых для работы в условиях агрессивной среды, уменьшилась по РФ с 192,8 до 98,2 млрд руб., в том числе по ЦФО — с 130,0 до 22,1 млрд руб., УрФО — с 31,9 до 21,7 млрд руб.;

– сумма амортизации с применением коэффициента 2 в отношении ОС, используемых для работы в условиях повышенной сменности, увеличилась по РФ с 28,3 до 256,4 млрд руб.; показатели незначительны в ЦФО и УрФО;

– сумма амортизации с применением коэффициента не выше 3 в отношении ОС, являющихся

предметом договора лизинга, незначительна: по РФ в 2022 г. 23,4 млрд руб., в том числе ЦФО 14,4 млрд руб., УрФО 1,1 млрд руб.;

- более 99 % налогоплательщиков, начислявших амортизацию ОС, применяли линейный метод начисления амортизации; в суммарном выражении доля амортизации, начисленной с применением линейного метода, составляет 950–97 %.

«Чаще всего для целей бухгалтерского и налогового учета выбирается одинаковый метод начисления амортизации — линейный. Причиной такого положения дел является то, что расчет разных сумм амортизационных отчислений по каждому объекту основного средства — достаточно трудоемкий процесс. Однако в таком случае налогоплательщики не могут воспользоваться преимуществами, предусмотренными налоговым законодательством, среди которых амортизационная премия и повышающие коэффициенты для ускоренной амортизации» [13].

«Повышенный размер амортизационных отчислений в начале срока службы (и пониженный — в его конце) является характерным признаком метода ускоренной амортизации, одной из модификаций которой является предусмотренный законодательством нелинейный метод» [14].

Как указывалось ранее, величина ИНВ к сумме налога на прибыль незначительна (в пределах 1 % по РФ по данным табл. 1). Согласно данным табл. 2, расходы, направленные на оптимизацию налогообложения (амортизационная премия — 10 и 30 %, повышающие коэффициенты (К2 и К3), нелинейный метод амортизации), также незначительны (менее 1 % по РФ, по УрФО — 1,6–2 %). Всё это в совокупности с данными табл. 3 свидетельствуют о необходимости проведения активной амортизационной политики.

Согласно данным табл. 3, в 2021 г. по сравнению с 2010 г.:

- стоимость основных фондов увеличилась по РФ в 4,29 раза, в том числе в ЦФО — в 4,48 раза, УрФО — в 3,5 раза; при этом ЦФО в РФ увеличилась с 32,9 до 34,3 %, доля УФО уменьшилась с 18,1 до 14,7 %;

- инвестиции в основной капитал увеличились по РФ в 2,5 раза, в том числе по ЦФО в 3,76 раза, УрФО — в 2,14 раза; доля ЦФО в инвестициях по РФ увеличилась с 22,8 до 34,3 %, доля УрФО снизилась с 16,3 до 13,9 %;

- инвестиции на рубль основных фондов уменьшились по РФ на 41,8 %, в том числе по ЦФО на 16,2 %, УрФО — на 38,6 %;

- степень износа основных фондов увеличилась по РФ на 16 % (с 45,7 до 53 %), в том числе ЦФО на 12,3 % (с 38,1 до 42,8 %), УрФО — на 12,9 %; (с 57,1 до 64,5 %), степень износа основных фондов в УрФО превышает значение показателя по ЦФО, выше значения по РФ в 2010 г. на 24,9 %; в 2022 г. на 21,7 %;

- около 1/3 предприятий являются убыточными, в связи с чем не имеют собственных источников для инвестиций в основные фонды;

- среднегодовая численность занятых уменьшилась по РФ на 0,9 %, увеличилась по ЦФО на 0,6 %, по УрФО снизилась на 2,3 %;

- фондовооруженность труда увеличилась по РФ в 4,3 раза, в том числе по ЦФО в 4,45 раза, по УрФО в 3,58 раза. При этом показатель по УрФО опережает показатель по РФ, в том числе выше показателя по ЦФО: в 2010 г. на 76,6 %; в 2021 г. на 42,2 %.

Как справедливо указывает Н. К. Водомеров, «В России назрело широкомасштабное техническое перевооружение большинства отраслей. В противном случае отставание нашей страны от передовых экономик по уровню производительности труда будет не сокращаться, а нарастать» [15, с. 24].

Заключение

Грамотно построенная учетная политика (амортизационная как ее составная часть) повышает инвестиционную привлекательность организации и ее производственный потенциал, что непременно скажется в будущем на величине прибыли. Ускоренная амортизация решает двудеятельную задачу: во-первых, является эффективным методом налоговой оптимизации, с другой стороны, является источником финансирования инвестиций в обновление материально-технической базы. Значимость амортизационной политики усиливается отсутствием средств для инвестиций из-за убыточности около 1/3 осуществляющих деятельность предприятий, отсутствием деятельности у значительного числа зарегистрированных предприятий. Исследование показало, что в регионах незначительное количество хозяйствующих субъектов проводят активную амортизационную политику, крайне редко используют предоставленные главой 25 НК РФ возможности оптимизации налога на прибыль: низка доля предприятий, применяющих амортизационную премию, повышающие коэффициенты к нормам амортизации основных средств, нелинейный метод начисления амортизации и т. п. В то же вре-

Показатели, влияющие на эффективность использования ОС
Indicators that affect the efficiency of fixed assets use

РФ, регионы	2010	2015	2019	2020	2021	2021/2010, %
Стоимость основных фондов, млрд руб.						
РФ	93 185,6	160 725,3	349 731,1	362 191,6	400 243,4	429,5
ЦФО	30 674,3	50 049,2	126 397,3	127 407,3	137 480,8	448,2
Доля ЦФО в РФ, %	32,9	31,1	36,1	35,2	34,3	104,3
УрФО	16 840,1	28 902,3	47 508,2	49 847,6	58 997,9	350,3
Доля УрФО в РФ, %	18,1	18	13,6	13,8	14,7	81,2
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.						
РФ	9 152,1	13 897,2	19 329,0	20 302,9	22 945,4	250,7
ЦФО	2 089,8	3 578,2	6 093,4	6 581,1	7 871,1	376,6
Доля ЦФО в РФ, %	22,8	25,7	31,5	32,4	34,3	150,4
УрФО	1 490,8	2 357,9	2 967,3	3 071,6	3 190,7	214,0
Доля УрФО в РФ, %	16,3	17,0	15,3	15,1	13,9	85,3
Инвестиции на рубль основных фондов, руб.						
РФ	0,098	0,086	0,055	0,056	0,057	58,2
ЦФО	0,068	0,071	0,048	0,052	0,057	83,8
УрФО	0,088	0,081	0,062	0,062	0,054	61,4
Степень износа основных фондов, %						
РФ	45,7	48,8	51,3	52,1	53,0	116,0
ЦФО	38,1	41,3	41,7	42,5	42,8	112,3
УрФО	57,1	61,3	61,7	62,3	64,5	112,9
Удельный вес убыточных организаций, %						
РФ	29,9	32,6	32,5	32,7	29,2	97,7
ЦФО	30,2	32,9	34,0	34,0	31,1	103,0
УрФО	30,3	31,9	29,9	31,5	28,4	93,7
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.						
РФ	71 493,1	72 424,9	71 064,5	69 550,3	70 817,9	99,1
ЦФО	20 782,3	21 178,0	21 171,2	20 765,6	20 906,2	100,6
УрФО	6 458,3	6 425,9	6 322,1	6 177,7	6 310,9	97,7
Расчетно: фондовооруженность труда, тыс. руб.						
РФ	1 303,4	2 219,2	4 921,3	5 207,6	5 651,7	433,6
ЦФО	1 476,0	2 363,3	5 970,2	6 135,5	6 576,1	445,5
УрФО	2 607,5	4 497,8	7 514,6	8 124,4	9 348,6	358,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: P32 : Стат. сб./Росстат. М., 2022. 1122 с.

мя низок коэффициент обновляемости парка оборудования, велика степень износа основных фондов, незначительны инвестиции (0,057 руб. на 1 рубль основных фондов), велик удельный вес убыточных предприятий (1/3 от общего числа). Особую актуальность данный вопрос приобретает для УрФО, где степень износа основных фондов составляет более 60 %, фондовооруженность на одного работника выше на 65 % по сравнению с РФ. Незначительность применения инвестиционного налогового вычета обусловлена в числе других причин нежеланием регионов терять

средства в своем бюджете, они вводят ограничения, дополнительные условия для предприятий, изъявивших их применять, устанавливают минимальную величину вычетов против размеров, установленных ст. 286.1 НК РФ в пределах до 90 % расходов, на которые предприятия могут уменьшить величину налога на прибыль, зачисляемого в бюджет субъекта РФ. В этих условиях возникает вопрос о компенсации потерь региональных бюджетов из федерального бюджета. Особо актуальны вопросы амортизационной политики в фондоемких отраслях.

Список источников

1. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 1960 г. Т. 23.
2. Сердюк В. Н., Никитенко А. А. Концепция амортизационной политики предприятий угольной промышленности // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2018. № 4. С. 176–184.
3. Семенова Г. Н. Амортизация основных средств и ее влияние на финансовые результаты // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 5. С. 132–140.
4. Родионов А. В., Родионова О. Ю., Филонов М. В. Амортизационная политика и проблемы инвестирования в угольной отрасли // Общество, экономика, управление. 2019. Т. 4, № 2. С. 54–58.
5. Шабанникова Н. Н. Анализ и направления повышения инвестиционной активности экономических субъектов региона // Вестник аграрной науки. 2020. № 6 (87). С. 175–183.
6. Туаева Н. В., Таучалова М. И. Некоторые проблемы и пути совершенствования фискальной направленности налога на прибыль организаций // Достижения науки-сельскому хозяйству : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (заочной). М., 2017. С. 142–147.
7. Качур О. В., Бобровский А. А. Инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль как инструмент стимулирования развития организаций // Теория и практика функционирования финансовой и денежно-кредитной системы России : сборник статей междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 92–95.
8. Бороненкова С. А., Попов А. Ю. Инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль как инструмент экономической безопасности в условиях неоиндустриального и инновационного развития: особенности применения в Свердловской области // Урал — драйвер неоиндустриального и инновационного развития России : материалы I Уральского экономического форума : в 2-х т. Екатеринбург, 2019. С. 163–168.
9. Карачев И. А. Новый инструмент инвестиционного стимулирования: инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль организаций // Актуальные вопросы экономических наук и современного менеджмента : сборник статей по материалам IX–X Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. С. 50–54.
10. Шабанова М. Р., Шумяцкий Р. И. Инвестиционный налоговый вычет как источник финансирования модернизации основных средств или замена амортизации // Развитие территорий. 2019. № 3 (17). С. 20–25.
11. Бондарева Н. А. Особенности применения инвестиционных налоговых вычетов // Учет. Анализ. Аудит. 2020. Т. 7, № 2. С. 48–55.
12. Шатунова Г. А., Швецова М. В. Особенности влияния амортизационной премии на величину налога на прибыль // Вектор экономики. 2020. № 5 (47). С. 13.
13. Калининская М. В., Кузнецова Н. В., Жадовская М. А., Фельде Е. М. Оптимизация системы налогообложения посредством применения нелинейного метода начисления амортизации // Вестник Академии знаний. 2023. № 1 (54). С. 315–321.
14. Марголина Е. В., Спицына Т. В. Оценка влияния ускоренной амортизации на эффективность инвестиционных решений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 1, № 4. С. 67–72.
15. Водомеров Н. К. Техническая оснащенность труда — главный фактор эффективности региональной экономики // Теоретическая экономика. 2021. № 9. С. 11–26. DOI: 10.52957/22213260_2021_9_11

References

1. Marks K, Jengel's F. Capital. Vol. 1. 1960. (In Russ.).
2. Serdjuk VN, Nikitenko AA. The concept of depreciation policy of coal industry enterprises. *Vestnik Donetskogo nacional'nogo universiteta. Serija V. Jekonomika i pravo = Bulletin of the Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2018;(4):176-184. (In Russ.).
3. Semenova GN. Depreciation of fixed assets and its contribution to financial results. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija = Economics and management: problems, solutions*. 2022;2(5):132-140. (In Russ.).
4. Rodionov AV, Rodionova OJu, Filonov MV. Depreciation policy and problems of investment in the coal industry. *Obshhestvo, jekonomika, upravlenie = Society, economics, management*. 2019;4(2):54-58. (In Russ.).
5. Shabannikova NN. Analysis and directions for increasing investment activity of economic entities of the region. *Vestnik agrarnoj nauki = Bulletin of Agrarian Science*. 2020;(6):175-183. (In Russ.).

6. Tuaeва NV, Tauchalova MI. Some problems and ways to improve the fiscal orientation of the corporate income tax. In: Dostizhenija nauki-sel'skomu hozjajstvu. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (zaochnoj) = Achievements of science and agriculture. Materials of Vseros. scientific-practical conf. (correspondence). Moscow; 2017. Pp. 142–147. (In Russ.).

7. Kachur OV, Bobrovskij AA. Investment tax deduction for income tax as a tool for stimulating the development of organizations. In: Teorija i praktika funkcionirovanija finansovoj i denezhno — kreditnoj sistemy Rossii. Sbornik statej mezhd. nauch.-prakt. konf. = Theory and practice of the functioning of the financial and monetary system of Russia. Collection of articles int. scientific-practical conf. Moscow; 2019. Pp. 92–95. (In Russ.).

8. Boronenkova SA, Popov AJu. Investment tax deduction for income tax as an instrument of economic security in the conditions of neo-industrial and innovative development: features of application in the Sverdovsk region. In: Ural- drajver neoindustrial'nogo i innovacionnogo razvitija Rossii. Materialy 1 Ural'sogo jekonomicheskogo foruma. V 2-z tomah = Ural driver of neo-industrial and innovative development of Russia. Materials of the 1st Urals Economic Forum. In 2 volumes. Yekaterinburg; 2019. Pp. 163–168. (In Russ.).

9. Karachev IA. A new tool for investment incentives: investment tax deduction for corporate income tax. In: Aktual'nye voprosy jekonomicheskikh nauk i sovremennogo menedzhmenta. Sborniki statej po materialam IX–X Mezhd. nauch.-prakt. ronf. = Current issues of economic sciences and modern management. Collections of articles based on materials from IX–X Int. scientific-practical Conf. Novosibirsk; 2018. Pp. 50–54. (In Russ.).

10. Shabanova MR, Shumjackij RI. Investment tax deduction as a source of financing for the modernization of fixed assets or replacement of depreciation. *Razvitie territorij = Territorial development*. 2019;(3):20-25. (In Russ.).

11. Bondareva NA. Features of the application of investment tax deductions. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit*. 2020;7(2):48-55. (In Russ.).

12. Shatunova GA, Shvecova MV. Features of the influence of depreciation bonus on the amount of profit tax. *Vektor jekonomiki = Vector of Economics*. 2020;(5):13. (In Russ.).

13. Kalinskaja MV, Kuznecova NV, Zhadovskaja MA, Fel'de EM. Optimization of the taxation system through the use of a nonlinear depreciation method. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023;(1):315-321. (In Russ.).

14. Margolina EV, Spicyna TV. Assessing the impact of accelerated depreciation on the effectiveness of investment decisions. *Jekonomika i upravlenie: pro'lemy, reshenija = Economics and management: problems, solutions*. 2018;1(4):67-72. (In Russ.).

15. Vodomerov NK. Technical equipment of labor is the main factor in the efficiency of the regional economy. *Teoreticheskaja jekonomika = Theoretical Economics*. 2021;(9):11-26. DOI: 10.52957/22213260_2021_9_11. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. З. Зотиков — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности.

Information about the author

N. Z. Zotikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance, Credit and Economic Security.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 314.7

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-152-162

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Екатерина Вячеславовна Забелина¹, Екатерина Владимировна Николаева²,
Александра Андреевна Иванова³, Данила Валерьевич Валько⁴

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, katya_k@mail.ru, ORCID 0000-0002-2071-6466

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kat_sa@mail.ru, ORCID 0000-0002-3579-6518

³Высшая школа экономики (НИУ), Москва, Россия, privanovalexandra@gmail.com, ORCID 0000-0003-1115-2256

⁴Южно-Уральский технологический университет, Челябинск, Россия, d.v.valko@gmail.com, ORCID 0000-0002-8058-7539

Аннотация. Миграция населения в другие города и страны может в значительной степени влиять на демографию и бюджетную политику, что впоследствии способно приводить к ослаблению экономики определенных регионов. Несмотря на то, что многочисленные исследования показывают значительное влияние социальных и экономических факторов на формирование миграционных намерений, вместе с тем появляются новые данные в этом проблемном поле, которые до сих пор не были систематизированы. Настоящее исследование ставит целью систематизировать и детализировать социально-экономические предикторы миграционных намерений с помощью теоретического обзора исследований, включающего новейшие работы. На основании проанализированных работ было выделено пять категорий социально-экономических предикторов миграционных намерений: демографические, экономические, социально-психологические, политические, культурные. Исследование вносит вклад в детализацию системных представлений о социально-экономических предикторах миграционных намерений, позволяя более точно принимать решения для разработки государственных политик, направленных на управление миграционными потоками.

Ключевые слова: миграция, миграционные намерения, миграционное поведение, социально-экономические предикторы миграции

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-10153.

Для цитирования: Забелина Е. В., Николаева Е. В., Иванова А. А., Валько Д. В. Социально-экономические предикторы миграционных намерений: систематический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 152–162. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-152-162.

Original article

SOCIO-ECONOMIC PREDICTORS OF MIGRATION INTENTIONS: SYSTEMATIC ANALYSIS

Ekaterina V. Zabelina¹, Ekaterina V. Nikolaeva², Alexandra A. Ivanova³, Danila V. Valko⁴

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katya_k@mail.ru, ORCID 0000-0002-2071-6466

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kat_sa@mail.ru, ORCID 0000-0002-3579-6518

³Higher School of Economics (NRU), Moscow, Russia, privanovalexandra@gmail.com, ORCID 0000-0003-1115-2256

⁴South Ural Technological University, Chelyabinsk, Russia, d.v.valko@gmail.com, ORCID 0000-0002-8058-7539

Abstract. Population migration to other cities and countries can significantly impact demographics and fiscal policy, subsequently leading to the weakening of the economy in sending regions. Despite numerous studies demonstrating the significant influence of social and economic factors on the formation of migration intentions, new data in this field continues to emerge, which has not yet been systematically organized. This study aims to systematize and detail the socio-economic predictors of migration intentions through a theoretical review of research, including the

latest works. Based on the analyzed literature, five categories of socio-economic predictors of migration intentions were identified: demographic, economic, socio-psychological, political, and cultural. This research contributes to a more detailed understanding of socio-economic predictors of migration intentions, enabling more precise decision-making in the development of government policies aimed at managing migration flows.

Keywords: migration, migration intentions, migration behavior, socio-economic predictors of migration

Funding. The study was carried out with the financial support of PHF, Project 2-28-10153.

For citation: Zabelina EV, Nikolaeva EV, Ivanova AA, Valko DV. Socio-Economic Predictors of Migration Intentions: Systematic Analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):152-162. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-152-162.

Введение

Накопленный массив данных о глобальной миграции и мобильности населения показывает, что отток жителей из определенных территорий в другие города и страны может в значительной степени ослаблять их экономическое развитие [1]. Механизмы решения проблемы миграции разрабатываются как на уровне международного сотрудничества, транскорпораций, так и на уровне государственных институтов, нормативных документов, региональных инициатив. Однако региональный уровень исследования миграции пока не включает в себя в достаточной мере вопросы комплексного изучения предикторов на индивидуальном уровне.

Несмотря на многочисленные исследования, изучающие предикторы миграционных намерений, постоянно добавляются новые факторы, влияющие на их выраженность. Особое место в ряду факторов, способствующих возникновению миграционных намерений у населения, выступают социально-экономические переменные, определяющие положение человека в обществе. Настоящее исследование ставит целью систематизировать и детализировать социально-экономические предикторы миграционных намерений с помощью теоретического обзора исследований, включающего новейшие работы.

Методы и процедура

Главным методом исследования выступил систематический анализ [2]. Исследование включало несколько этапов, характерных для систематического анализа [3]: постановка целей исследования, разработка критериев отбора статей, определение стратегий поиска (идентификация публикаций), скрининг (первичный отбор), оценка соответствия публикаций требованиям, анализ полных статей, включённых в обзор.

Исследование проводилось на основе баз данных ResearchGate, Google Scholar (на английском языке) и CyberLeninka (на русском языке). Всего было найдено 19 365 поисковых результатов

с 2000 по 2023 г. включительно в открытых российских и международных базах данных. Поисковые термины были направлены на извлечение двух центральных тем одновременно: «миграция и намерения» на русском и английском языках соответственно. Поскольку соответствующая теме литература включает несколько «перекрывающихся» терминов для описания миграционных намерений, мы включили в поисковый запрос на английском языке следующие слова: aspiration, desire, intention, plan, potential, willingness в сочетании со словами migration и emigration. На русском языке поисковыми словами были: миграция (и другие формы), намерения, желание, поведение. Процесс скрининга включал автоматизированное определение соответствия заголовков и аннотаций поисковым терминам для последующего создания списка релевантных статей.

Далее был проведен второй круг отбора, включающий ручную оценку соответствия основного содержания статьи теме и задачам исследования. Таким образом для дальнейшего анализа были исключены повторяющиеся статьи и работы, принадлежащие к другим областям исследований, например к экономике, политике, праву и др. Всего с начала исследования до его завершения 15 июля 2023 г. было подробно изучено 215 публикаций, из которых 115 статей легли в основу данной работы, так как рассматривают социальные или экономические предикторы миграционных намерений. Содержание этих статей было подвергнуто анализу и отнесению к определенному классу предикторов.

Результаты

В ходе анализа и систематизации данных, полученных за последние годы, было выделено пять категорий социально-экономических предикторов миграционных намерений, которые с достаточной степенью полноты отражают предметное поле исследования (табл. 1). Категории были выделены в следующей логике. Демографические переменные (пол, возраст и др.) отражают

параметры численного развития населения и являются неотъемлемыми атрибутами в экономических исследованиях. Экономические переменные определяют материально-финансовые аспекты жизни населения, при этом некоторые показатели могут быть настолько значимы для формирования миграционных намерений, что выделился отдельный вид миграции — экономическая¹. Социально-психологические предикторы миграционных намерений пересекаются с экономическими, поскольку демонстрируют внешние аспекты жизни населения, но концентрируются на связях человека с другими людьми, группами, обществом в целом. Политические предикторы также были включены в перечень социально-экономических, поскольку целиком отражают общественные связи. Кроме того, известно, что экономические и политические переменные сильно взаимосвязаны (например, [4]). Наконец, культурные (страновые) предикторы отражают социально-психологические факторы миграционных намерений на уровне страны или региона.

Демографические предикторы

Наиболее распространенными переменными, которые исследуются в связи с миграционными намерениями и соответствующим поведением людей, являются демографические факторы. В частности, пол человека в существенной мере может предсказывать миграционные намерения и поведение. Многочисленные исследования [5; 6 и др.] показывают, что мужчины в большей степени склонны к миграционному поведению. Важным демографическим фактором, объясняющим склонность к переезду в другую страну (город), является возраст. Большинство исследователей [7–9 и др.] приходят к выводу о том, что с возрастом тенденция эмигрировать падает, а молодые люди обладают более выраженными миграционными намерениями.

Связь уровня образования и миграционных намерений показана на выборках различных стран [8–11]. Ученые доказывают, что люди, имеющие более высокий уровень образования, более склонны к миграции, что объясняется большим объемом знаний и возможностью делать более точные сравнения и выводы о жизни в другом месте (рациональный выбор). В одном из исследований [12] было обнаружено, что более высокий

уровень образования матери также положительно влияет на формирование миграционных намерений ребенка, что можно объяснить транслированием родительских установок в ранние периоды онтогенеза.

Еще один демографический предиктор — место рождения. Так, люди, рожденные вне культуры идентификации своей семьи [13], в большей степени проявляют желание мигрировать. Рождение родителей за границей также положительно влияет на готовность к переезду ребенка [12], что, аналогично фактору образования, поддается объяснению с позиции формирования соответствующих родительских установок. Люди, имеющие постоянную работу, менее склонны к проявлению миграционных намерений [5; 10], что, возможно, обусловлено тем, что при привязке работы к локации с переездом появляется дополнительная нагрузка, связанная с поиском постоянного дохода.

Экономические предикторы

Среди экономических предикторов миграционных намерений можно выделить условные группы факторов: финансовая устойчивость, условия труда, собственность, социально-экономический статус, уровень города и региона. Более привлекательные условия труда (обстановка, оборудование, график и пр.) называются в ряде факторов, мотивирующих покинуть родину [12; 13]. Наиболее широкий перечень переменных объединила группа «финансовое положение». Сюда вошли низкий уровень заработной платы в отрасли [12–14], бедность и нищета [7], безработица [12; 14; 15] и ограниченные возможности трудоустройства [16], низкий уровень дохода [11; 12; 17; 18], низкие жизненные стандарты [14] и низкое качество жизни [13; 19]. Всё это повышает вероятность формирования миграционных намерений. Напротив, наличие активов [11], их безопасность и доступ к кредитам [20] снижают вероятность переезда.

Связанным фактором является наличие собственности: решенная жилищная проблема [14] снижают силу миграционных намерений, а неблагоприятные условия проживания [21; 22], напротив, повышают их.

Уровень города и региона [18; 23] также оказывает влияние на миграционные намерения жителей, в частности, доступ к общественным услугам и инфраструктуре [24], а также удовлетворенность транспортной доступностью [11] препятствуют формированию миграционных намерений. Депрессивное состояние экономики региона

¹ Экономическая миграция населения. URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/migraciya_naseleniya_i_ee_vidy/ekonomicheskaya_migraciya_naseleniya/

в целом [19], напротив, способствует эмиграции жителей. Наконец, более высокий социально-экономический статус как самооценка собственного положения в сообществе препятствует формированию миграционных намерений [25].

Политические предикторы

Некоторые детерминанты миграции показывают привязку к политическим системам — правилам, по которым живет государство. Например, уровень коррупции [26; 27] оказывает влияние на формирование миграционных намерений: со-

трудники, которые оценивают уровень коррупции в стране как высокий и при этом имеют низкий уровень профессиональной удовлетворенности, оказываются более склонными к миграции (поиску работы в другой стране) [27]. То же относится и к уровню преступности: ее высокий уровень положительно влияет на готовность эмигрировать из страны, особенно для тех людей, которые непосредственно столкнулись с проявлениями преступности [10].

Низкая оценка качества систем здравоохранения [14; 18], образования [11–13], а также низкое

Таблица 1
Table 1

Социально-экономические предикторы миграционных намерений
Socio-economic predictors of migration intentions

Группа предикторов	Группа переменных	Примеры переменных
Демографические	Пол	Мужчины [5; 6; 8; 10; 13; 33]
	Возраст	Молодой возраст [5–9; 11; 26]
	Уровень образования	Высокий уровень образования [8–10; 13; 46]
		Образование матери [12]
	Место рождения	Рождение за границей [13]
Рождение родителей за границей [12]		
Статус занятости	Статус работающего человека [5; 10]	
Экономические	Условия труда	Плохие условия труда [12; 13]
	Финансы	Уровень заработной платы в отрасли (медицина ([12; 13]), [14])
		Бедность, нищета [7]
		Безработица / возможность трудоустройства [12; 14–16]
		Низкие жизненные стандарты [14]
		Низкое качество жизни [13; 19]
		Уровень дохода [10–12; 17; 18; 22; 45]
		Наличие активов [11]
		Безопасность активов [20]
	Собственность	Доступ к кредитам [20]
		Решенная жилищная проблем — сдерживание [14]
		Условия проживания [21; 22]
	Социально-экономический статус	Высокий социально-экономический статус — сдерживает [25]
Уровень города и региона	Размер и статус города [18; 23]	
	Инфраструктура [24]	
	Общественный транспорт [11]	
	Депрессивная экономика в регионе [19]	
Политические	Качество госуслуг	Низкое качество госуслуг [26]
		Низкое качество здравоохранения [14; 18]
		Низкое качество образования [11–13]
	Уровень коррупции	Высокий уровень коррупции [26]
		Воспринимаемый уровень коррупции [27]
	Неравенство	Региональное неравенство [14]
		Предполагаемая дискриминация [28]
	Миграционная политика	Экологическая миграционная политика [29]
	Уровень преступности	Высокий уровень преступности [10]
	Революция	Революция [5]

Окончание табл. 1
The end of the table 1

Группа предикторов	Группа переменных	Примеры переменных
Социально-психологические	Семья	Семейный опыт [30]
		Наличие семьи [5; 11; 33]
		Наличие детей — позитивный эффект [22; 34; 46]
	Социальный опыт	Опыт миграции [16; 31; 32]
	Социальное окружение	Поддержка со стороны друзей, родственников [35]
		Социальные связи за границей [13; 36]
		Широкая социальная сеть за рубежом [37]
		Социальные сети дома [36]
		Социальный капитал [25; 38; 39]
		Мигрировавшие родственники и друзья [11]
		Эмоциональные социальные связи, привязанность к семье и друзьям [14]
	Субъективные нормы — воспринимаемое давление мигрировать со стороны близких (друзей, родителей, родственников) [21]	
	Конфликты в общинах [9]	
Место проживания	Удобство проживания [41]	
	Проживание в селе по сравнению с городом [33]	
Работа	Нарушения в организации [27]	
	Имидж профессии [13]	
	Карьерные притязания [40]	
Культурные (страновые)	Потенциал	Степень удовлетворенности страны жизнью, уровень развития человеческого потенциала и гендерного неравенства. В странах с более низким уровнем развития человеческого потенциала и более высоким уровнем гендерного неравенства удовлетворенность жизнью каждого человека будет выступать в качестве фактора, способствующего миграционным намерениям [43]
	Доход	Уровень дохода страны назначения [44–46]

качество оказания государственных услуг и в целом недовольство государственными службами [26] усиливают миграционные намерения населения. Воспринимаемая дискриминация по национальному признаку в стране потенциального места жительства предсказывает высокую вероятность возвращения на родину [28]. Политика по переселению населения из места постоянного проживания выступает фактором, сдерживающим миграционные намерения (например, для восстановления земель от антропогенного влияния [29]). Напротив, революции (государственные перевороты), происходящие в странах, и их последствия подталкивают людей принимать решения о переезде [5].

Социально-психологические предикторы

В качестве социально-психологических предикторов важную роль для формирования миграционных намерений играет семья и семейный опыт. Например, опыт ограничения выезда за рубеж усиливает миграционные намерения у молодого поколения близких родственников —

межпоколенческая передача стремления к мобильности [30]. Личный опыт миграции [31; 32] усиливает миграционные намерения. Сам факт наличия семьи [5; 11; 33]) и детей [22; 34] важно рассматривать при исследовании миграционных намерений.

Важным социальным фактором является окружение. Поддержка со стороны друзей, родственников [35], социальные связи за границей [13; 36; 37], уже мигрировавшие родственники и друзья [11] увеличивают миграционные намерения. Напротив, социальные сети [36], эмоциональные социальные связи и привязанность к семье и друзьям на родине [14], а также высокий социальный капитал, как доверие и связь с местными органами власти [25; 38], увеличивают намерение жителей сохранять постоянное место проживания. Таким образом, люди, у которых развиты внутренние социальные связи, имеют меньшее желание переехать, а те, у кого выражены внешние контакты, имеют высокие миграционные намерения [39]. При этом одними из наиболее значимых факторов для миграции считаются субъек-

тивные социальные нормы — воспринимаемое давление со стороны друзей, родителей и других родственников [21]. Соответственно, в зависимости от того, какая норма в окружении распространена, будет формироваться желание уехать или остаться.

Работа и условия проживания также влияют на формирование миграционных намерений. В частности, низкий имидж профессии [13], нарушения в организации (например, абьюз, дискриминация, харассмент [27]), высокие карьерные притязания [40] могут усиливать стремление переехать. Проживание в селе по сравнению с городом [33], конфликты в общинах [9] и неудобство проживания [41] увеличивают вероятность формирования миграционных намерений.

Религиозное поведение и религиозные нормы оказывают сдерживающий эффект по отношению к миграции [9; 12; 42].

Культурные (страновые) предикторы

Степень удовлетворенности страны жизнью, уровень развития человеческого потенциала и гендерного неравенства являются факторами, влияющими на миграцию. В странах с более низким уровнем развития человеческого потенциала и более высоким уровнем гендерного неравенства удовлетворенность жизнью для человека будет выступать в качестве фактора, способствующего миграционным намерениям [43]. Уровень дохода в стране переезда также играет роль в этом процессе [44–46].

Заключение

Теоретический анализ показывает разнообразие социально-экономических факторов, способ-

ствующих формированию миграционных намерений. Часть из них (например, демографические или социально-психологические) изучены более глубоко и имеют больше доказательств, другие только начинают изучаться. Определенные группы предикторов показывают однозначные связи в большинстве исследований (например, пол, возраст), однако есть и те, которые показывают противоречивые результаты на разных выборках (например, социальное окружение).

Обнаружены также попытки исследователей упорядочить предикторы миграционных намерений, укрупняя группы факторов. Так, представлено разделение на экономические и неэкономические группы предикторов миграции [47], объективные и субъективные, индивидуальные и надиндивидуальные (социальные и страновые) факторы [48], а также факторы, подталкивающие и сдерживающие переезды [49].

Данное исследование вносит вклад в детализацию системных представлений о социально-экономических предикторах миграционных намерений, позволяя более точно принимать решения для управления миграционными потоками. При всём разнообразии рассмотренных факторов важно понимать, что они не существуют изолированно. Как правило, их действие имеет комплексный характер и в зависимости от сочетания может либо усиливать, либо ослаблять миграционные намерения. Таким образом, демографические, экономические, социальные-психологические, политические и культурные переменные показывают значительное влияние на миграционные процессы, однако их вклад в определение намерений жителей регионов России требует дальнейшего изучения.

Список источников

1. Суходолов А. П., Озерникова Т. Г., Кузнецова Н. В. Миграционный отток населения как угроза кадровой безопасности региона (на примере Иркутской области) // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 4. С. 1015–1036. DOI 10.18334/et.5.4.39614.
2. Webster J., Watson R. T. Analyzing the Past to Prepare for the Future: Writing a Literature Review // Management Information Systems Quarterly. 2002. Vol. 26, № 2. Pp. 13–23.
3. Cruz-Cárdenas J., Arévalo-Chávez P. Consumer behavior in the disposal of products: forty years of research // Journal of Promotion Management. 2018. Vol. 24, № 5. Pp. 617–636.
4. Дейнека О. С., Матемулане Ж. З. С. Образ экономической политики и отношение к государству у граждан Мозамбика (результаты интернет-исследования) // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 12. Вып. 1. С. 80–89.
5. Abdelwahed A., Goujon A., Jiang L. The Migration Intentions of Young Egyptians // Sustainability. 2020. Vol. 23, no. 12. P. 9803. DOI: 10.3390/su12239803
6. Aliyev K., Ismayilov A., Gasimov I., Isayeva A. Unhappy moves? Assessing the link between life (dis)satisfaction and intention to emigrate in Azerbaijan // Economics and Sociology. 2021. Vol. 3, no. 14. P. 127–145. DOI: 10.14254/2071-789X.2021/14-3/7

7. Diallo M. A. Subjective poverty and migration intention abroad: The case of Senegal // *African Development Review*. 2022. Vol. 34, no. 1. DOI: 10.1111/1467-8268.12658
8. Quy Khuc, Minh-Hoang Nguyen Tri Tam Le, Quan-Hoang Vuong. Brain Drain out of the Blue: Pollution-Induced Migration in Vietnam // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, no. 6. P. 36–45. DOI: 10.3390/ijerph19063645
9. Mallick B., Best K., Carrico A. R., Ghosh T. How do migration decisions and drivers differ against extreme environmental events? // *Environmental Hazards*. 2023. DOI: 10.1080/17477891.2023.2195152
10. Chenevier R., Piper A. T., Willis C. Migration, crime and life satisfaction in Chile: Pre and post-migration evidence // MPR Paper 106502. University Library of Munich, 2021.
11. Urooj I., Javed I., Ahmad S. Intentions to Urban Migration among Youth: A Case of District Khushab of Pakistan // *Journal of Economic Impact*. 2020. Vol. 2, no. 1. P. 24–36. DOI: 10.52223/jei0201204
12. Aurelian-Petrus P., Homocianu D., Sandu C. B., Jaba E. Exploring the Migration Intention of Romanian Students in Economics // *Prague Economic Papers*. 2020. Vol. 29, no. 4. DOI: 10.18267/j.pep.736
13. Migali S., Scipioni M. Who's About to Leave? A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate // *International Migration*. 2019. Vol. 57, no. 3. DOI: 10.1111/imig.12617
14. Poudel C., Ramjan L. M., Everett B., Salamonsen Y. Exploring migration intention of nursing students in Nepal: A mixed-methods study // *Nurse Education in Practice*. 2017. No. 29. DOI: 10.1016/j.nepr.2017.11.012
15. Sylla A. K., Ouadih S. El., Barknan K., Nani S. Migration intention of final year medical students // *The European Journal of Public Health*. 2021. Vol. 31, no. 3. DOI: 10.1093/eurpub/ckab165.448
16. Santic D. Leaving Serbia. Aspirations, intentions and drivers of youth migration. *Democracy and Human Rights*. 2020.
17. Fu H., Zhou G., Sun H., Liu Y. Life Satisfaction and Migration Intention of Residents in Shrinking Cities: Case of Yichun City in China // *Journal of Urban Planning and Development*. 2022. Vol. 148, no. 1. DOI: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000791
18. Thissen F. et al. Migration intentions of rural youth in the Westhoek, Flanders, Belgium and the Veenkoloniën, The Netherlands // *Journal of Rural Studies*. 2010. Vol. 26, no. 4. P. 428–436.
19. Restelli G. Development and International Migration: The Effect of Income on Regular and Irregular Migration Intentions to Europe // *Population and Development Review*. 2023. DOI: 10.1111/padr.12525
20. Wu Y., Zha Y., Ge M., Gui H. The Impact of Urban Health Care on Migrants' Settlement Intention: Evidence from China // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, no. 22. P. 15085. DOI:10.3390/su142215085
21. Melnikova E., Kazanova N., Shtyrov A. Dynamics of Students Migration Intentions As a Response to the Development of Volgograd Agglomeration // *Logos et Praxis*. 2021. Vol. 20, no. 3. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13
22. Katsaiti M-S., Khraiche M. Does access to credit alter migration intentions? // *Empirical Economics*. 2023. Vol. 65, iss. 4, no 11. P. 1823–1854. DOI: 10.1007/s00181-023-02393-y
23. Gödri I., Feleky G. A. Selection of migrants and realization of migration intentions: lessons from a panel study // *Demográfia*. 2017. Vol. 60, no. 5. P. 63–110. DOI: 10.21543/DEE.2017.3
24. Lei C., Du H, Jin X., Feldman M. W. How Family Living Arrangements and Migration Distances Shape the Settlement Intentions of Rural Migrant Workers in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, no. 23. P. 16308. DOI: 10.3390/ijerph192316308
25. Wang C., Shen J., Liu Y. Administrative level, city tier, and air quality: contextual determinants of hukou conversion for migrants in China // *Computational Urban Science*. 2021. Vol. 1. DOI: 10.1007/s43762-021-00007-w
26. Hidayat Ar R. T., Onitsuka K., Sianipar C. P. M., Hoshino S. Distance-Dependent Migration Intention of Villagers: Comparative Study of Peri-Urban and Remote Villages in Indonesia // *Administrative Sciences*. 2022. Vol. 12, no. 2. P. 48. DOI: 10.3390/admsci12020048
27. Lee Y. K., Lee S. Analysis of the Influence of Social Relations on Migration Intention: Focusing on Local Social Capital and Subjective Socioeconomic Status // *International Journal of Community Well-Being*. 2019. Vol. 2, no. 8. DOI: 10.1007/s42413-019-00035-9
28. Begovic S., Lazović-Pita L., Pijalović V., Baskot B. An investigation of determinants of youth propensity to emigrate from Bosnia and Herzegovina // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2020. Vol. 33, no. 1. P. 1–17. DOI: 10.1080/1331677X.2020.1754267
29. Crisan E., Crisan-Mitra C., Dragos C. The Impact on Migration Intentions of Perceived Corruption at

the Organizational and Country Level in Romania // *Eastern European Economics*. 2018. Vol. 57, no. 2. P. 1–26. DOI: 10.1080/00128775.2018.1533410

30. Kunuroglu F., Yagmur K., Van De Vijver F. J. R., Kroon S. Motives for Turkish return migration from Western Europe: home, sense of belonging, discrimination and transnationalism // *Turkish Studies*. 2018. Vol. 19, no. 3. P. 422–450. DOI: 10.1080/14683849.2017.1387479

31. Li Y., Lopez-Carr D. L., Chen W. Factors Affecting Migration Intentions in Ecological Restoration Areas and Their Implications for the Sustainability of Ecological Migration Policy in Arid Northwest China // *Sustainability*. 2014. Vol. 6, no. 12. P. 8639–8660. DOI: 10.3390/su6128639

32. Brunarska Z., Ivlevs A. Family Influences on Migration Intentions: The Role of Past Experience of Involuntary Immobility // *Sociology*. 2022. Vol. 57, iss. 5. DOI: 10.1177/00380385221136060

33. Bernard A., Kalembe S., Nguyen T. Do Internal Migration Experiences Facilitate Migration Intentions and Behavior? // *Demography*. 2022. Vol. 59, no. 4. DOI: 10.1215/00703370-9986021

34. Bernard A., Perales F. Is migration a learned behaviour? Understanding the impact of past migration on future migration // *Population and Development Review*. 2020. Vol. 47, iss. 2. P. 449-474. DOI: 10.1111/padr.12387

35. Singh K., Verma A. Factors Affecting Students Migration for Studying Abroad: A study of the Majha Region of Punjab // *Central European Journal of Management*. 2022. Vol. 30, no. 4. P. 946–955. DOI: 10.57030/23364890.cemj.30.4.93

36. Friebel G., Gallego J. M., Mendola M. Xenophobic Attacks, Migration Intentions and Networks: Evidence from the South of Africa // *Journal of Population Economics*. 2011. Vol. 26, no. 2. DOI: 10.2139/ssrn.2009966

37. Jin C., Sylvia B. L., Jansen J. T., Boelhouwer P. What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China // *Cities*. 2022. Vol. 128, no. 2. P. 103802. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103802

38. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate // *World Development*. 2018. Vol. 109. P. 360–374.

39. Assfaw A. K., Minaye A. Explaining migration intention from selected psycho-social variables in South Wollo, Ethiopia // *Frontiers in Sociology*. 2022. No. 7. P. 960203. DOI: 10.3389/fsoc.2022.960203

40. Кузнецова С. А. Возможности изучения миграционных намерений в социальной психологии // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2012. № 3.

41. Duijndam S., Botzen W. J. W., Hagedoorn L., Aerts J. Drivers of migration intentions in coastal Vietnam under increased food risk from sea level rise // *Climatic Change*. 2023. Vol. 176, no. 2. DOI: 10.1007/s10584-022-03479-9

42. Efremenkova M. N. Career orientations as predictors of migration intentions of the individual // *Izvestiya of Saratov University Educational Acmeology Developmental Psychology*. 2022. Vol. 11, no. 1. P. 46–56. DOI: 10.18500/2304-9790-2022-11-1-46-56.

43. He S., Chen X., Es M., Lin Z. Liveability and migration intention in Chinese resource-based economies: Findings from seven cities with potential for population shrinkage // *Cities*. 2022. Vol. 131, no. 2. P. 103961. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103961

44. Hennessey G., Hagen-Zanker J. What Do We Know about the Subjective and Intangible Factors That Shape Migration Decision-Making? A review of the literature from low and middle income countries. 2021.

45. Karabchuk T., Katsaiti M-S, Johnson K. A.C. Life satisfaction and desire to emigrate: What does the cross-national analysis show? // *International Migration*. 2022. Vol. 61, no. 2. DOI:10.1111/imig.13064

46. Beine M., Dupuy A., Joxhe M. Migration intentions: Data from a Field Study in Albania // *DEM Discussion Paper Series*. 2020.

47. Li W., Sun H. Migration intentions of Asian and African medical students educated in China: a cross-sectional study // *Human Resources for Health*. 2019. Vol. 17, no. 1. DOI: 10.1186/s12960-019-0431-z

48. Makina D. Determinants of return migration intentions: Evidence from Zimbabwean migrants living in South Africa // *Development Southern Africa*. 2012. Vol. 29, no. 3. P. 365–378. DOI:10.1080/0376835X.2012.706034

49. Von Reichert C. Community evaluation and migration intentions. In *Population change and rural society*. Springer, 2006.

50. Aslany M., Carling J. Mjelva M. B., Sommerfelt T. Systematic review of determinants of migration aspirations // *QuantMig Project Deliverable D2.2*. Southampton: University of Southampton. 2021. 66 p.

51. Шагалкина М. В., Латуха М. О., Мицкевич Е. А., Строецкая Е. В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России // Российский журнал менеджмента. 2019. № 4.

References

1. Suxodolov AP, Ozernikova TG, Kuznecova NV. Migracionny'j ottok naseleniya kak ugroza kadrovoj bezopasnosti regiona (na primere Irkutskoj oblasti). *E'konomika truda = Labor economics*. 2018;5(4):1015-1036. DOI 10.18334/et.5.4.39614. (In Russ.).
2. Webster J, Watson RT. Analyzing the Past to Prepare for the Future: Writing a Literature Review. *Management Information Systems Quarterly*. 2002;26(2):13-23.
3. Cruz-Cárdenas J, Arévalo-Chávez P. Consumer behavior in the disposal of products: forty years of research. *Journal of Promotion Management*. 2018;24(5):617-636.
4. Deineka OS, Matemulane JZS. The image of economic policy and the attitude to the state of the citizens of Mozambique (results of the Internet study). *Vestnik SPbGU = Bulletin of SPbSU*. 2012;12(1):80-89. (In Russ.).
5. Abdelwahed A, Goujon A, Jiang L. The Migration Intentions of Young Egyptians. *Sustainability*. 2020;23(12): 9803. DOI: 10.3390/su12239803
6. Aliyev K, Ismayilov A, Gasimov I, Isayeva A. Unhappy moves? Assessing the link between life (dis) satisfaction and intention to emigrate in Azerbaijan. *Economics and Sociology*. 2021: 3(14):127-145. DOI: 10.14254/2071-789X.2021/14-3/7
7. Diallo MA. Subjective poverty and migration intention abroad: The case of Senegal. *African Development Review*. 2022;34(1). DOI: 10.1111/1467-8268.12658
8. Quy Khuc, Minh-Hoang Nguyen Tri Tam Le, Quan-Hoang Vuong. Brain Drain out of the Blue: Pollution-Induced Migration in Vietnam. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(6):36-45. DOI: 10.3390/ijerph19063645
9. Mallick B, Best K, Carrico AR, Ghosh T. How do migration decisions and drivers differ against extreme environmental events? *Environmental Hazards*. 2023. DOI: 10.1080/17477891.2023.2195152
10. Chenevier R, Piper AT, Willis C. Migration, crime and life satisfaction in Chile: Pre and post-migration evidence. In: MPRA Paper 106502. University Library of Munich, 2021.
11. Urooj I, Javed I, Ahmad S. Intentions to Urban Migration among Youth: A Case of District Khushab of Pakistan. *Journal of Economic Impact*. 2020;2(1):24-36. DOI: 10.52223/jei0201204
12. Aurelian-Petrus P., Homocianu D., Sandu C. B., Jaba E. Exploring the Migration Intention of Romanian Students in Economics. *Prague Economic Papers*. 2020;29(4). DOI: 10.18267/j.pep.736
13. Migali S, Scipioni M. Who's About to Leave? A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate. *International Migration*. 2019;57(3). DOI: 10.1111/imig.12617
14. Poudel C, Ramjan LM, Everett B, Salamonsen Y. Exploring migration intention of nursing students in Nepal: A mixed-methods study. *Nurse Education in Practice*. 2017;(29). DOI: 10.1016/j.nepr.2017.11.012
15. Sylla AK, Ouadih SEI, Barknan K, Nani S. Migration intention of final year medical students. *The European Journal of Public Health*. 2021;31(3). DOI: 10.1093/eurpub/ckab165.448
16. Santic D. Leaving Serbia. Aspirations, intentions and drivers of youth migration. Democracy and Human Rights. 2020.
17. Fu H., Zhou G., Sun H., Liu Y. Life Satisfaction and Migration Intention of Residents in Shrinking Cities: Case of Yichun City in China. *Journal of Urban Planning and Development*. 2022;148(1). DOI: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000791
18. Thissen F. et al. Migration intentions of rural youth in the Westhoek, Flanders, Belgium and the Veenkoloniën, The Netherlands. *Journal of Rural Studies*. 2010;26(4):428-436.
19. Restelli G. Development and International Migration: The Effect of Income on Regular and Irregular Migration Intentions to Europe. *Population and Development Review*. 2023. DOI: 10.1111/padr.12525
20. Wu Y., Zha Y., Ge M., Gui H. The Impact of Urban Health Care on Migrants' Settlement Intention: Evidence from China. *Sustainability*. 2022;14(22):15085. DOI:10.3390/su142215085
21. Melnikova E, Kazanova N, Shtyrov A. Dynamics of Students Migration Intentions As a Response to the Development of Volgograd Agglomeration. *Logos et Praxis*. 2021;20(3). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13
22. Katsaiti M-S, Khraiche M. Does access to credit alter migration intentions? *Empirical Economics*. 2023;65(4):1823-1854. DOI: 10.1007/s00181-023-02393-y

23. Gödri I, Feleky GA. Selection of migrants and realization of migration intentions: lessons from a panel study. *Demográfia*. 2017;60(5):63-110. DOI: 10.21543/DEE.2017.3
24. Lei C, Du H, Jin X, Feldman MW. How Family Living Arrangements and Migration Distances Shape the Settlement Intentions of Rural Migrant Workers in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(23):16308. DOI: 10.3390/ijerph192316308
25. Wang C, Shen J, Liu Y. Administrative level, city tier, and air quality: contextual determinants of hukou conversion for migrants in China. *Computational Urban Science*. 2021;1. DOI: 10.1007/s43762-021-00007-w
26. Hidayat Ar RT, Onitsuka K, Sianipar CPM, Hoshino S. Distance-Dependent Migration Intention of Villagers: Comparative Study of Peri-Urban and Remote Villages in Indonesia. *Administrative Sciences*. 2022;12(2):48. DOI: 10.3390/admsci12020048
27. Lee YK, Lee S. Analysis of the Influence of Social Relations on Migration Intention: Focusing on Local Social Capital and Subjective Socioeconomic Status. *International Journal of Community Well-Being*. 2019;2(8). DOI: 10.1007/s42413-019-00035-9
28. Begovic S, Lazović-Pita L, Pijalović V, Baskot B. An investigation of determinants of youth propensity to emigrate from Bosnia and Herzegovina. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2020;33(1):1-17. DOI: 10.1080/1331677X.2020.1754267
29. Crisan E, Crisan-Mitra C, Dragos C. The Impact on Migration Intentions of Perceived Corruption at the Organizational and Country Level in Romania. *Eastern European Economics*. 2018;57(2):1-26. DOI: 10.1080/00128775.2018.1533410
30. Kunuroglu F, Yagmur K, Van De Vijver FJR, Kroon S. Motives for Turkish return migration from Western Europe: home, sense of belonging, discrimination and transnationalism. *Turkish Studies*. 2018;19(3):422-450. DOI: 10.1080/14683849.2017.1387479
31. Li Y, Lopez-Carr DL, Chen W. Factors Affecting Migration Intentions in Ecological Restoration Areas and Their Implications for the Sustainability of Ecological Migration Policy in Arid Northwest China. *Sustainability*. 2014;6(12):8639-8660. DOI: 10.3390/su6128639
32. Brunarska Z, Ivlevs A. Family Influences on Migration Intentions: The Role of Past Experience of Involuntary Immobility. *Sociology*. 2022;57(5). DOI: 10.1177/00380385221136060
33. Bernard A, Kalemba S, Nguyen T. Do Internal Migration Experiences Facilitate Migration Intentions and Behavior? *Demography*. 2022;59(4). DOI: 10.1215/00703370-9986021
34. Bernard A, Perales F. Is migration a learned behaviour? Understanding the impact of past migration on future migration. *Population and Development Review*. 2020;47(2):449-474. DOI: 10.1111/padr.12387
35. Singh K, Verma A. Factors Affecting Students Migration for Studying Abroad: A study of the Majha Region of Punjab. *Central European Journal of Management*. 2022;30(4):946-955. DOI: 10.57030/23364890.cemj.30.4.93
36. Friebel G, Gallego JM, Mendola M. Xenophobic Attacks, Migration Intentions and Networks: Evidence from the South of Africa. *Journal of Population Economics*. 2011;26(2). DOI: 10.2139/ssrn.2009966
37. Jin C, Sylvia BL, Jansen JT, Boelhouwer P. What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China. *Cities*. 2022;128(2):103802. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103802
38. Manchin M, Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. *World Development*. 2018;109:360-374.
39. Assfaw AK, Minaye A. Explaining migration intention from selected psycho-social variables in South Wollo, Ethiopia. *Frontiers in Sociology*. 2022;7:960203. DOI: 10.3389/fsoc.2022.960203
40. Kuznetsova S. Opportunities to study migration intentions in social psychology. *Vestnik RUDN= Bulletin RUDN. Series: Psychology and Pedagogy*. 2012;(3). (In Russ.).
41. Duijndam S, Botzen WJW, Hagedoorn L, Aerts J. Drivers of migration intentions in coastal Vietnam under increased food risk from sea level rise. *Climatic Change*. 2023;176(2). DOI: 10.1007/s10584-022-03479-9
42. Efremenkova MN. Career orientations as predictors of migration intentions of the individual. *Izvestiya of Saratov University Educational Acmeology Developmental Psychology*. 2022;11(1):46-56. DOI: 10.18500/2304-9790-2022-11-1-46-56.
43. He S, Chen X, Es M, Lin Z. Liveability and migration intention in Chinese resource-based economies: Findings from seven cities with potential for population shrinkage. *Cities*. 2022;131(2):103961. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103961

44. Hennessey G, Hagen-Zanker J. What Do We Know about the Subjective and Intangible Factors That Shape Migration Decision-Making? A review of the literature from low and middle income countries. 2021.
45. Karabchuk T, Katsaiti M-S, Johnson KAC. Life satisfaction and desire to emigrate: What does the cross-national analysis show? *International Migration*. 2022;61(2). DOI:10.1111/imig.13064
46. Beine M, Dupuy A, Joxhe M. Migration intentions: Data from a Field Study in Albania. *DEM Discussion Paper Series*. 2020.
47. Li W., Sun H. Migration intentions of Asian and African medical students educated in China: a cross-sectional study. *Human Resources for Health*. 2019;17(1). DOI: 10.1186/s12960-019-0431-z
48. Makina D. Determinants of return migration intentions: Evidence from Zimbabwean migrants living in South Africa. *Development Southern Africa*. 2012;29(3):365-378. DOI:10.1080/0376835X.2012.706034
49. Von Reichert C. Community evaluation and migration intentions. In *Population change and rural society*. Springer, 2006.
50. Aslany M, Carling J, Mjelva MB, Sommerfelt T. Systematic review of determinants of migration aspirations. In: *QuantMig Project Deliverable D2.2*. Southampton: University of Southampton. 2021. 66 p.
51. Shagalkina MV, Latukha MO, Mickevich EA, Strogetskaia EV. Factors of migration intentions of talented graduates of leading Russian universities. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2019;(4).

Информация об авторах

Е. В. Забелина — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Института образования и практической психологии.

Е. В. Николаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

А. А. Иванова — аспирант департамента психологии.

Д. В. Валько — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления.

Information about the authors

E. V. Zabelina — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology.

E. V. Nikolaeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

A. A. Ivanova — Postgraduate Student of the Department of Psychology.

D. V. Valko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 163–169.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(12(482):163-169. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 338.23

doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-163-169

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ

Юрий Сергеевич Марков

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, markov14.1994@yandex.ru

Аннотация. Старые промышленные регионы в большинстве своем причисляются к категории главных «проигравших» в условиях глобализации и развития Четвертой промышленной революции. Однако примеры некоторых из них наглядно свидетельствуют о том, что подобный статус не является непреодолимым препятствием для будущего прогресса. Адаптивность и формирование «новых комбинаций», основанных на взаимосвязи локальных и глобальных тенденций, могут породить специфические преимущества, которые способны дать мощный толчок к развитию. Для этого необходима адекватная оценка имеющегося потенциала регионов и достоверный анализ всех их преимуществ и недостатков. В данном контексте цель статьи заключается в обосновании подхода к рейтинговой оценке экономической составляющей безопасности устойчивого развития старопромышленного региона. В процессе исследования обосновано, что главными угрозами для экономической безопасности регионов являются устаревшая инфраструктура, недостаточное развитие человеческого капитала, отраслевой дисбаланс, слабая культура предпринимательства, удаленность по отношению к основным рынкам, слабый потенциал государственного сектора для реализации решений регионального развития. Выделены следующие критерии отбора показателей для формирования рейтинга оценки экономической безопасности старопромышленного региона — актуальность, достоверность, валидность, надежность, целесообразность. Разработан авторский подход к формализации сфер оценки экономической составляющей безопасности устойчивого развития старопромышленного региона, а также соответствующие им индикаторы.

Ключевые слова: старопромышленный регион, рейтинг, экономика, развитие, оценка

Для цитирования: Марков Ю. С. Теоретические основы к рейтинговой оценке экономической составляющей безопасности устойчивого развития старопромышленных регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 163–169. doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-163-169.

Original article

THEORETICAL APPROACHES TO RATING ASSESSMENT OF THE ECONOMIC COMPONENT OF SECURITY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF OLD INDUSTRIAL REGIONS

Yuriy S. Markov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, markov14.1994@yandex.ru

Abstract. The old industrial regions, for the most part, are classified as the main “losers” in the context of globalization and the development of the Fourth Industrial Revolution. However, the examples of some of them clearly demonstrate that such a status is not an insurmountable obstacle to future progress. Adaptability and the formation of “new combinations” based on the interconnection of local and global trends can generate specific advantages that can give a powerful impetus to development. This requires an adequate assessment of the existing potential of the

regions and a reliable analysis of all their advantages and disadvantages. In this context, the purpose of the article is to substantiate the approach to the rating assessment of the economic component of the security of sustainable development of the old industrial region. In the course of the study, it was substantiated that the main threats to the economic security of the regions are outdated infrastructure, insufficient development of human capital, industry imbalance, weak business culture, remoteness from major markets, and weak capacity of the public sector to implement regional development solutions. The following criteria for selecting indicators for forming a rating for assessing the economic security of an old industrial region have been identified: relevance, reliability, validity, reliability, feasibility. The author's approach to formalizing the areas of assessment of the economic component of the security of sustainable development of an old industrial region, as well as corresponding indicators, has been developed.

Keywords: old industrial region, rating, economy, development, evaluation

For citation: Markov YS. Theoretical Approaches to Rating Assessment of the Economic Component of Security of Sustainable Development of Old Industrial Regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482):163-169. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-482-12-163-169.

Введение

Сегодня, когда большинство стран мира страдает от существенного ухудшения экономического положения, что явилось следствием мирового финансового кризиса 2007–2008 гг., пандемии Covid-19 и геополитической неопределенности, возникшей в начале 2022 г. из-за кризиса на Украине, вопрос новой индустриализации вновь появился в актуальной повестке дня. Возрождение промышленности в ее новом качестве, основанном на подъеме современных технологий, в настоящее время предполагается как нечто абсолютно необходимое или существенное для дальнейшего успешного развития территорий [1]. Ведущие мировые державы, которые в течение нескольких лет сокращали промышленный сектор путем «экспатриации» производственных предприятий, вновь обрели понимание необходимости вернуть крупных работодателей, налогоплательщиков в качестве локомотивов развития экономики в целом.

Однако, несмотря на обозначенные амбициозные цели, в то время как одни регионы поднимаются в мировом рейтинге, значение других падает по мере того, как снижаются экономические и физические условия, лежавшие в основе их прежней конкурентоспособности, ухудшается социальная среда и экологические показатели. Наглядным примером такого положения вещей являются деиндустриализирующиеся старопромышленные регионы (СПР), чей рост был сосредоточен на некогда доминирующих отраслях, таких как угольная, металлургическая, химическая промышленность, тяжелое машиностроение, текстиль и автомобили [2]. Глобальный капитализм не только не ознаменовал конец важности географии, но и еще больше усилил значение конкретной территории. В условиях, когда инвестиционные потоки становятся более мобильными в международном измерении, а национальные го-

сударства менее склонны напрямую вмешиваться в распределение экономической деятельности, конкретные регионы и территории, активно конкурируют за глобальные капиталовложения [3].

В некоторых случаях СПР переживают новую волну инвестиций, что дает им толчок развития и открывает широкие перспективы за счет внедрения новых технологий, способных обеспечить устойчивый рост. С другой стороны, когда экспортно ориентированные отрасли недостаточно замещены или пространственные решения оказываются временными, неравномерное региональное развитие представляет собой сложную проблему как для органов власти различного уровня, так и для жителей этих территорий. В таких условиях повышается напряженность между стремлением к преобразованиям и потенциальной жесткостью социальных, культурных и институциональных взаимосвязей некогда ведущих отраслей [4].

Актуальной данная тематика является и для России, поскольку согласно оценкам около 40 % регионов страны относятся к категории старопромышленных [5].

Однако, несмотря на важность и значимость рассматриваемых вопросов, необходимо отметить, что позициям СПР, их перспективам и условиям включения в новые экономические отношения не уделяется должного внимания в современных исследованиях регионального развития. Отчасти это объясняется доминирующими дискурсами, которые связаны с ведущими в настоящее время концепциями, такими как экономика знаний, инновационные территориальные кластеры и новый регионализм. С другой стороны, можно отметить достаточно проработанную объяснительную основу промышленного упадка старых агломераций.

В то же время проблема острых структурных дисбалансов в этих регионах, усложняющих со-

циально-экономическую и общественно-политическую ситуацию в стране и препятствующим сбалансированному развитию национальной экономики, остается открытой. С учетом вышеизложенного считаем, что для выработки перспективных решений относительно устойчивого развития СПР необходимо оценить их текущее положение, потенциал развития, возможности интенсивного наращивания производства, что в свою очередь предполагает необходимость обоснования соответствующей методической базы.

Таким образом, вышеприведенные обстоятельства обуславливают выбор темы данной статьи.

Высоко оценивая накопленное зарубежными и отечественными авторами научное наследие, следует отметить, что многие вопросы управления развитием СПР остаются дискуссионными. Так, в уточнении нуждаются подходы к определению характеристик СПР, приобретенных в процессе их развития на индустриальной основе, которые играют детерминирующую роль в формировании структуры экономики этих регионов и нуждаются в трансформации с учетом утраты ведущей роли факторов промышленного развития. Более глубокой проработки требуют методы и приемы оценки экономического потенциала СПР и возможности его использования в рамках нового хозяйственного уклада, сформированного под влиянием Четвертой промышленной революции.

Таким образом, цель статьи заключается в обосновании подхода к рейтинговой оценке экономической составляющей безопасности устойчивого развития СПР.

Старопромышленные регионы — это особый вид отстающих территорий, которые страдают от долгосрочных проблем реструктуризации и деиндустриализации [6; 7]. Эти территории находятся в конце регионального «жизненного цикла» — стадии развития, которая характеризуется негибкостью промышленного предложения и дефицитом инновационного потенциала. В свою очередь, устойчивое развитие СПР — одна из концепций современного регионализма, определяющая процесс изменения состояний динамического равновесия между региональным развитием в социальном, экономическом и эколого-пространственном плане [8].

В данном контексте необходимо отметить, что главными угрозами для экономической составляющей безопасности устойчивого развития СПР являются следующие:

1. Устаревшая, не отвечающая современным запросам инфраструктура, включая транспорт и телекоммуникации, канализацию и водоснабжение.

2. Невысокий уровень развития человеческого капитала, характеризующегося низким уровнем образования и профессиональной подготовки, неактуальными специальностями.

3. Отраслевой дисбаланс в виде чрезмерной зависимости от конкретной отрасли, которая производит продукцию с низкой добавленной стоимостью или, в некоторых случаях, от ослабленного индустриального каркаса.

4. Слабая культура предпринимательства, недостаточное количество малых и средних предприятий, неразвитая способность к инновациям.

5. Периферийность по отношению к основным рынкам, цепочкам создания добавленной стоимости и производству.

6. Слабые институты и социальный капитал в виде отсутствия сетей фирм, организаций и частных лиц, а также слабый потенциал государственного сектора для реализации решений регионального развития.

Методы и материалы

Для проведения рейтинговой оценки экономической составляющей безопасности устойчивого развития СПР необходимо выбрать и обосновать соответствующую систему индикаторов.

Индикаторы могут быть определены различными способами. Например, для оценки влияния политики занятости на экономическую безопасность показатели могут включать число занятых, число безработных, уровень занятости, уровень безработицы, число занятых женщин и мужчин, количество временных и постоянных рабочих мест, а также рабочих мест, эквивалентных полной занятости, число рабочих мест в различных секторах промышленности и число созданных новых рабочих мест [9].

Для определения воздействия политики по регулированию безработицы на качество рабочих мест необходимы дополнительные показатели, например, показатели, связанные с заработной платой, льготами, гарантией занятости и безопасностью работников [10]. В процессе оценки также можно выбрать будет ли оцениваться количество прямых рабочих мест (например, количество людей, непосредственно занятых на предприятиях основной отрасли в регионе), косвенных рабочих мест (например, рабочих мест, вовлеченных в поддержку основного производства,

распространение и маркетинг, обслуживание, логистику и доставку) и/или индуцированных рабочих мест (например, рабочих мест в других секторах, таких как пищевая промышленность, транспорт и т. д.).

Результаты исследования

Если задачей является проведение консервативной оценки, тогда для упрощения расчетов целесообразно анализировать только прямые рабочие места.

Выбор конкретных показателей, отражающих целевые аспекты экономической безопасности СПР, подлежащие измерению, должен основываться на целях оценки с учетом имеющихся типов данных [11]. В процессе выбора индикаторов, по мнению автора, следует использовать следующие критерии (табл. 1).

На сегодняшний день в научно-экспертной литературе разработан широкий перечень различных критериев, которые позволяют оценить экономическую безопасность СПР. В большинстве своем в их состав входят:

1. ВРП на человека в год — отношение годового объема ВРП к численности населения в регионе, руб.

2. Годовой индекс промышленной продукции — темп роста объема производимой промышленной продукции за год, %.

3. Годовой объем капитальных инвестиций на одно предприятие — отношение годового объема капитальных инвестиций к количеству предприятий в регионе, руб.

4. Годовой объем реализуемой продукции на одно предприятие — отношение годового объема реализованной продукции к количеству предприятий в регионе, руб.

5. Годовая производительность труда на одного наемного работника — отношение годового объема реализованной продукции к численности наемных работников в регионе, руб. [12–14].

На основании изучения отечественного и зарубежного опыта составления рейтинга экономической безопасности СПР автором разработан собственный подход к формализации сфер оценки с выделением соответствующих индикаторов, позволяющих отразить ситуацию в каждой плоскости отдельно (табл. 2).

Отдельно необходимо акцентировать внимание на том, что для составления рейтинга экономической составляющей безопасности устойчивого развития СПР большое значение имеет не толь-

Таблица 1
Table 1

Критерии выбора показателей для составления рейтинга оценки экономической безопасности СПР Criteria for selecting indicators for compiling a rating for assessing the economic security of the Old Industrial Regions

Критерий	Описание
Актуальность	Отражает ли показатель то, что действительно важно, в отличие от того, что легче всего рассчитать? В ходе оценки следует избегать измерения показателей, которые могут быть легко определены вместо того, чтобы анализировать то, что необходимо для достижения целей составления рейтинга
Достоверность	Насколько достоверными или правдоподобными являются данные для целей составления рейтинга? Заинтересованные стороны и эксперты могут помочь определить достоверные источники информации. Технический анализ показателей в свою очередь позволит повысить степень достоверности
Валидность	Отражает ли индикатор то, что необходимо оценить в процессе составления рейтинга? Валидность относится к тому, действительно ли выбранный показатель позволяет измерить оцениваемую метрику
Надежность	Если данные по показателю собираются одинаковым образом из одного и того же источника с использованием одних и тех же правил принятия решений каждый раз, будут ли получены одинаковые результаты? Одним из способов повышения надежности является обеспечение регулярного мониторинга
Целесообразность	В процессе составления рейтинга следует избегать попыток измерить слишком много. Чтобы ограничить затраты на сбор данных и обработку, целесообразно определить какие показатели уже отслеживаются и рассчитываются. Также следует рассмотреть вопрос о том, можно ли измерить показатель напрямую или же для расчета его значения необходим сбор дополнительных данных

Источник: результаты авторского исследования.

Сферы и индикаторы оценки экономической составляющей безопасности устойчивого развития СПР
Areas and indicators for assessing the economic component of the security of sustainable development of the Old Industrial Regions

Сфера оценки	Индикаторы
Экономическая активность	1. Валовой региональный продукт 2. Вклад ВРП в ВВП страны 3. Годовой темп роста ВРП на душу населения
Экономическая производительность	Производительность промышленности/сельского хозяйства/ведущих отраслей и предприятий и регионе
Рабочие места	1. Количество трудоустроенных 2. Количество безработных 3. Уровень занятости 4. Уровень безработицы 5. Количество рабочих мест, включая временные и постоянные рабочие места, в различных секторах 6. Количество новых рабочих мест, созданных в различных секторах
Заработная плата	1. Средняя почасовая заработная плата (по региону и в различных секторах экономики) 2. Средняя почасовая заработная плата для различных групп (по полу, доходу и т. д.)
Производительность труда работников	1. Производительность труда в час или на единицу труда 2. Общая занятость или количество отработанных часов в расчете на ВРП
Новые возможности для бизнеса в регионе	1. Количество новых компаний 2. Выручка и прибыль 3. Объем новых инвестиций 4. Количество активных долгосрочных партнерств
Рост новых устойчивых отраслей	1. Объем инвестиций в сектор чистых технологий 2. Выручка и прибыль от сектора чистых технологий 3. Количество проектов
Конкурентоспособность региональной промышленности на национальном и международном рынках	1. Доля рынка 2. Количество/стоимость экспорта 3. Торговый баланс

Источник: результаты авторского исследования.

ко оценка текущих показателей, но и всестороннее понимание воздействий и факторов влияния, которые имеют решающее значение на будущие перспективы территории [15]. С этой целью в разрезе каждого показателя, выбранного для анализа, следует определить все потенциальные воздействия политики на региональном и национальном уровне, с использованием причинно-следственной связи.

Заключение

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Проблемы промышленного упадка, с которыми столкнулись многие старые агломерации, занимают весомое место в актуальной повестке дня с учетом развития Четвертой промышленной ре-

волюции, возрастающих экологических требований и перехода к «зеленой» экономике. При этом можно констатировать тот факт, что как традиционные, так и более современные подходы склонны разделять довольно пессимистический взгляд на будущее благополучие СПР. Фактически в них рассматривается сценарий либо промышленного упадка как естественного и неизбежного процесса, либо подчеркиваются огромные проблемы перестройки, с которыми часто сталкиваются СПР.

В данном случае для разработки реалистичной стратегии дальнейшего развития и адекватной оценки сложившейся ситуации умозрительные и субъективные заключения должны дополняться количественным анализом возможностей и потенциала социально-экономической системы СПР. С этой целью в статье представлен авторский подход к составлению рейтинга

экономической безопасности СПР как элемента его устойчивого развития.

В рамках авторского подхода обозначены угрозы для экономической безопасности СПР, выделены критерии отбора показателей для анализа, формализованы сферы, а также соответствующие им индикаторы оценки. Использование на прак-

тике предложенной методики позволит проводить регулярный мониторинг положения СПР, оценивать прогресс в достижении целей устойчивого развития и определять проблемные сферы, требующие надлежащего внимания и реагирования.

Список источников

1. Иванченко А. В. Роль старопромышленных регионов в производственной и научно-технологической трансформации российской экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21, № 1. С. 84–105.
2. Мяснянкина О. В., Зайцев А. А. Потенциалы и риски новой индустриализации старопромышленных регионов // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 4 (59). С. 33–40.
3. Valdaliso, J. M. Do clusters follow the industry life cycle?: Diversity of cluster evolution in old industrial regions // Competitiveness review: CR: an international business journal. 2016. Vol. 26, iss. 1. P. 66–86.
4. Evaluation analysis on industrial green total factor productivity and energy transition policy in resource-based region // Energy & environment. 2022. Vol. 33, iss. 3. P. 419–434.
5. Бондаренко В. А., Гузенко Н. В., Дадаян Н. А. Европейский опыт развития экономики старопромышленных регионов и возможности его применения в России // Вестник научных конференций. 2020. № 3–1 (55). С. 14–15.
6. Industrial clusters: knowledge, innovation systems and sustainability in the UK / ed. by John F. Wilson, Chris Corker, Joe Lane. London : Routledge, 2022. 276 p.
7. Балина Т. А., Мельников Е. Р. Территории опережающего развития как механизм управления старопромышленным регионом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2022. Т. 8, № 3. С. 3–17.
8. Кулагина Н. А., Рахмеева И. И., Лысенко А. Н. Институциональное управление технологическим будущим старопромышленного региона // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 3. С. 82–97.
9. Сорокина Н. Ю. Пространственное регулирование развития старопромышленных территорий: теоретический аспект // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11, № 1. С. 92–99.
10. Vaillant Y. Assessment of industrial pre-determinants for territories with active product-service innovation ecosystems // Technovation. 2023. Vol. 119. P. 90–95.
11. Piantoni G. Exploring how different innovation ecosystems create shared value: insights from a multiple case study analysis // European journal of innovation management. 2023. Vol. 26, iss. 7. P. 206–232.
12. Мыслякова Ю. Г. Экономический геокод старопромышленного региона: оценка предрасположенности к инновационному развитию // Вопросы управления. 2020. № 6 (67). С. 29–39.
13. Сорокина Н. Ю. Оценка перспектив развития старопромышленных регионов как региональных «центров роста» Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 2. С. 639–654.
14. Микрюков Н. Ю., Безвербный В. А. Зарубежный опыт развития моногородов: вопросы результативности и применимости для России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 6. С. 26–38.
15. Антонюк В. С., Корниенко Е. Л. Экономическое развитие старопромышленных приграничных регионов Российской Федерации // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 2. С. 45–63.

References

1. Ivanchenko AV. The role of old industrial regions in the industrial and scientific-technological transformation of the Russian economy. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2023;21(1):84-105. (In Russ.).
2. Mjasnjankina OV, Zajcev AA. Potentials and risks of new industrialization of old industrial regions. *Region: sistemy, ekonomika, upravleniye = Region: systems, economics, management*. 2022;4(59):33-40. (In Russ.).

3. Valdaliso JM. Do clusters follow the industry life cycle?: Diversity of cluster evolution in old industrial regions. *Competitiveness review*. 2016;26(1):66-86.
4. Evaluation analysis on industrial green total factor productivity and energy transition policy in resource-based region. *Energy & environment*. 2022;33(3):419-434.
5. Bondarenko VA, Guzenko NV, Dadajan NA. European experience in the development of the economy of old industrial regions and the possibility of its application in Russia. *Vestnik nauchnykh konferentsiy = Bulletin of scientific conferences*. 2020;3-1(55):14-15. (In Russ.).
6. Industrial clusters: knowledge, innovation systems and sustainability in the UK. London; 2022. 276 p.
7. Balina TA, Mel'nikov ER. Territories of rapid development as a mechanism for managing an old industrial region. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Geography. Geology*. 2022;8(3):3-17. (In Russ.).
8. Kulagina NA, Rahmeeva II, Lysenko AN. Institutional management of the technological future of the old industrial region. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2020;15(3):82-97. (In Russ.).
9. Sorokina NJu. Spatial regulation of the development of old industrial territories: theoretical aspect. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii = Regional Economics. South of Russia*. 2023;11(1):92-99. (In Russ.).
10. Vaillant Y. Assessment of industrial pre-determinants for territories with active product-service innovation ecosystems. *Technovation*. 2023;(119):90-95.
11. Piantoni G. Exploring how different innovation ecosystems create shared value: insights from a multiple case study analysis. *European journal of innovation management*. 2023;26(7):206-232.
12. Mysljakova JuG. Economic geocode of an old industrial region: assessment of predisposition to innovative development. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2020;6(67):29-39. (In Russ.).
13. Sorokina NJu. Assessing the prospects for the development of old industrial regions as regional "growth centers" of the Russian Federation. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2022;5(2):639-654. (In Russ.).
14. Mikrjukov NJu, Bezverbnyj VA. Foreign experience in the development of single-industry towns: issues of effectiveness and applicability for Russia. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: Ekonomika i parvo = Scientific Review. Series 1: Economics and law*. 2021;(6):26-38. (In Russ.).
15. Antonjuk VS, Kornienko EL. Economic development of old industrial border regions of the Russian Federation. *Journal of New Economy*. 2022;23(2):45-63. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. С. Марков — аспирант кафедры менеджмента.

Information about the author

Y. S. Markov — Postgraduate Student of the Department of Management.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 07.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 07.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.